

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Непростые решения сегодня
ради преобразований завтра

ОКТ
2021

Обзоры мировой экономики и финансов

Перспективы развития региональной экономики

**Ближний Восток
и Центральная Азия**

.....

ОКТ 21

©2021 International Monetary Fund
Перевод на русский язык ©2021 Международный валютный фонд

Издание на русском языке подготовлено Службой переводов МВФ

Cataloging-in-Publication Data

Names: International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Department, issuing body. | International Monetary Fund, publisher.
Title: Regional economic outlook. Middle East and Central Asia.
Other titles: Middle East and Central Asia. | MCD REO. | World economic and financial surveys.
Description: Washington, DC : International Monetary Fund, 2021. | World economic and financial surveys, 0258–7440. | Oct. 21. | Includes bibliographical references.
Identifiers: ISBN 9781513593302 (Paper)
9781557753700 (ePub)
9781557753977 (WebPDF)
Subjects: LCSH: Economic forecasting—Middle East. | Economic forecasting—Asia, Central. | Economic development—Middle East. | Economic development—Asia, Central. | Middle East—Economic conditions. | Asia, Central—Economic conditions.
Classification: LCC HC415.15.A1 R445 2021

«Перспективы развития региональной экономики: Ближний Восток и Центральная Азия»
публикуется два раза в год, весной и осенью, с целью обзора изменений в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии. Прогнозы и соображения относительно экономической политики отражают точку зрения персонала МВФ и не представляют взгляды исполнительных директоров МВФ или официальных органов их стран.

Заказать публикацию можно онлайн, по факсу или по почте:
International Monetary Fund, Publication Services
P.O. Box 92780, Washington, DC 20090, U.S.A.
Тел.: (202) 623–7430 Факс: (202) 623–7201
publications@imf.org
www.imfbookstore.org
www.elibrary.imf.org

Содержание

Выражение признательности	vii
Группы стран	ix
Допущения и условные обозначения	xi
1. Ситуация в регионе и перспективы развития. От антикризисного управления к восстановлению экономики на новом уровне	1
Мировая конъюнктура. Разделение на имущих и неимущих	1
Опасность еще не миновала	2
Неравномерное восстановление экономики и повышение инфляции	3
Перспективы развития. Сдержанное и неустойчивое восстановление экономики	5
Повышение рисков и факторов уязвимости	9
Более трудные компромиссы в экономической политике на пути к восстановлению на новом уровне	11
Инвестиции в будущее, чтобы стать сильнее	14
Литература	20
2. Проблемы на рынке труда в ходе пандемии, роль неформальности и перспективы	21
Исторически сложившиеся проблемы на рынке труда в начале пандемии	21
Беспрецедентное воздействие пандемии на рынки труда	22
Неравномерное воздействие пандемии в регионе	24
Каковы ближайшие перспективы восстановления рынка труда?	27
Взгляд в будущее: меры политики, направленные на обеспечение всеобъемлющего восстановления	33
Литература	36
3. COVID-19 и прогноз для корпоративного сектора предприятий	37
Неравномерное восстановление после беспрецедентного кризиса	37
Прогноз для сектора предприятий и повышенная неопределенность	46
Меры государственной политики на этапе восстановления экономики и в последующий период	50
Литература	53
Рисунки	
1.1 Среднее число заражений и смертей в день и число вакцинированных	2
1.2 Более высокие уровни вакцинации в более богатых странах	3
1.3 Ставки денежно-кредитной политики в странах БВ и ЦА	3
1.4 Рост инфляции	4

1.5	Негативные и позитивные факторы: набор различных факторов, влияющих на перспективы развития в 2022 году	6
1.6	Ожидается, что потери объема производства продолжатся в некоторых странах	8
1.7	Государственный долг стран БВ и ЦА	8
1.8	БВ и ЦА. Кумулятивные потоки капитала	10
1.9	Последние тенденции в части социальных волнений	11
1.10	Государственные предприятия в странах БВ и ЦА	15
2.1	Показатели рынка труда: 2018–2019 годы	22
2.2	Показатели рынка труда во время пандемии по регионам	22
2.3	Квартальная динамика занятости в отдельных странах во время предыдущих спадов и шока, вызванного COVID-19	23
2.4	Рынок труда в периоды спада и шока, вызванного COVID-19	24
2.5	Влияние пандемии на показатели различных демографических групп на рынке труда	25
2.6	Безработица по национальности работников	26
2.7	Воздействие пандемии на занятость в государственном и частном секторах	26
2.8	Ответные меры политики на рынке труда во время пандемии в регионе БВ и ЦА	27
2.9	Коэффициенты Оукена на основе панельных регрессий по экономическим группам БВ и ЦА и глобальным группам по доходу	28
2.10	Распределение коэффициентов Оукена по странам	28
2.11	Распределение изменения безработицы, предполагаемого исходя из прогнозов роста ВВП на 2021–2022 гг., содержащихся в ПРМЭ, апрель 2021 года	29
2.12	Рост ВВП, соответствующий стабильному уровню безработицы, и отличия от прогнозов ПРМЭ	30
2.13	Коэффициенты Оукена и структурные переменные	32
2.14	Надбавки к заработной плате в государственном секторе и коэффициент Оукена	35
3.1	Рост доходов и рентабельности по сравнению с предыдущими кризисами	38
3.2	Динамика роста доходов предприятий по группам	39
3.3	Показатели эффективности предприятий по размеру и отраслям в разгар кризиса	40
3.4	Цифровизация и устойчивость предприятий	41
3.5	МСП получили меньше государственной поддержки, чем крупные предприятия	42
3.6	Благодаря государственной поддержке удалось смягчить нехватку ликвидности в течение 2020 года	42
3.7	Сокращение производственных затрат помогло ограничить нехватку ликвидности в течение 2020 года	43
3.8	Зоны уязвимости по группам предприятий	44
3.9	Последние тенденции в части необслуживаемых кредитов и резервов на возможные потери по ссудам	45
3.10	Буферы капитала и отчисления в резервы по уровню корпоративных рисков	46

3.11	Предприятия, подверженные рискам: доля предприятий, испытывающих потребности в ликвидности (баланс наличности ниже нуля)	47
3.12	Уровень долга, подверженный риску: доля долга предприятий, испытывающих проблемы с ликвидностью	48
3.13	Предприятия, подверженные рискам: доля предприятий, испытывающих проблемы с платежеспособностью (уровень капитала ниже нуля)	49
3.14	Оценка жизнеспособности предприятия	50
Таблицы		
2.1	Показатели рынка труда во время COVID-19 по сравнению с глобальными шоковыми событиями	23
	Отдельные экономические показатели, 2000–2022 годы	54

Выражение признательности

Доклад «Перспективы развития региональной экономики (ПРРЭ): Ближний Восток и Центральная Азия» ежегодно готовится Департаментом стран Ближнего Востока и Центральной Азии МВФ (БЦД). Анализ и прогнозы, содержащиеся в ПРРЭ БЦД, являются неотъемлемой частью надзора департамента за изменениями в экономике и экономической политикой государств-членов. Он основывается, прежде всего, на информации, которую персонал БЦД собирает в процессе консультаций с государствами-членами.

Координация анализа в этом докладе выполнялась под общим руководством Джихада Азура (директора БЦД). Проектом руководили Талин Коранчелян (заместитель директора БЦД), С. Пелин Беркмен, (начальник Отдела регионального анализа и стратегии БЦД), Яссер Абдих (заместитель начальника Отдела регионального анализа и стратегии БЦД) и Сезар Серра (заместитель начальника Отдела регионального анализа и стратегии БЦД).

Основными участниками подготовки доклада были Нордин Абиди, Мохамед Белкхир, Оливье Бизимана, Родриго Гарсиа-Верду, Трой Матесон, Йета Менкуласи и Сахра Сакха. В его подготовке также приняли участие Али Аббас, Гарет Андерсон, Кэрол Бейкер, Мехди Эль-Херради, Мохамед Джабер, Таннус Касс-Ханна, Джефффри Кеим, Армин Хачатрян, Мохеб Малак, Футоши Нарита, Лоренс Нортон, Моника Петреску, Сидра Рехман, Азим Садыков, Хесус Санчес, Сучанан Тамбунлерчай и Аттикус Веллер.

Гохар Абаджян, Ажин Ихсан Абдулкарим, Олурем Акин-Олутбаде, Шант Арзуманян, Виждан Боранова, Башар Хлайхель, Кейт Нгуэн, Рой Ранден и Ахмад Джавед Сакхи осуществляли управление базой данных, а также оказывали содействие в исследовательской работе. Джонатан Саалфилд оказывал дополнительное содействие в исследованиях.

Помощь в подготовке доклада осуществляли Хайя Абу Шарар и Гинтаре Гедримайте. Шерил Токсоз из Департамента коммуникаций координировала редактирование и подготовку в печать ПРРЭ, при содействии Лоррейн Коффи. Рамдан Абдун, Нордин Абиди, Али Хассим Х Аль-Садык, Мохамед Белкхир, Шафик Самир Гхави, Ваграм Жанвелян, Ниа Шарашидзе и Роберт Чаидзе рецензировали переводы. Они сотрудничали с Шерифом Хельми и Байей Курдали (арабский язык), Жан-Ивом Лестьеном и Моникой Непот-Сит (французский язык) и Александрой Акчуриной и Светланой Андрюниной (русский язык), а также с Сяочен Ван (Центр координации переводов). Купер Аллен осуществляла редактирование доклада.

Группы стран

Октябрьский выпуск 2021 года доклада «Перспективы развития региональной экономики (ППРЭ): Ближний Восток и Центральная Азия» охватывает страны и территории Департамента стран Ближнего Востока и Центральной Азии (БЦД) Международного валютного фонда (МВФ), именуемые как страны и территории БВЦА.

В нем приводится общий обзор последних изменений в экономике, а также перспектив и вопросов экономической политики в среднесрочной перспективе. Для содействия проведению анализа 32 страны и территории БВЦА в настоящем докладе разделены на три (непересекающиеся) группы по источникам доходов и уровню развития: 1) страны — экспортеры нефти (ЭН БВЦА), 2) страны с формирующимся рынком и страны со средними доходами (СФРСД БВЦА) и 3) развивающиеся страны с низкими доходами (СНД БВЦА). Дополнительные аналитические и региональные группы обеспечивают более детальную разбивку для целей анализа и преемственности. В скобках приводятся сокращения названий стран и аналитических групп, используемые в некоторых таблицах и рисунках.

ЭН БВЦА включают Азербайджан (AZE), Алжир (ALG), Бахрейн (BHR), Ирак (IRQ), Иран (IRN), Казахстан (KAZ), Катар (QAT), Кувейт (KWT), Ливию (LBY), Объединенные Арабские Эмираты (UAE), Оман (PMN), Саудовскую Аравию (SAU) и Туркменистан (TKM).

СФРСД БВЦА включают Армению (ARM), Грузию (GEO), Египет (EGY), Западный берег и сектор Газа (WBG), Иорданию (JOR), Ливан (LBN), Марокко (MAR), Пакистан (PAK), Сирийскую Арабскую Республику (SYR) и Тунис (TUN).

СНД БВЦА включают Афганистан (AFG), Джибути (DJI), Йемен (YEM), Кыргызскую Республику (KGZ), Мавританию (MRT), Сомали (SOM), Судан (SDN), Таджикистан (TJK) и Узбекистан (UZB).

Страны **Кавказа и Центральной Азии (КЦА)** включают Азербайджан, Армению, Грузию, Казахстан, Кыргызскую Республику, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Страны — экспортеры нефти КЦА (ЭН КЦА) включают Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

Страны — импортеры нефти КЦА (ИН КЦА) включают Армению, Грузию, Кыргызскую Республику и Таджикистан.

Ближний Восток и Северная Африка (БВСА) включает Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Западный берег и сектора Газа, Иорданию, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливию, Мавританию, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовскую Аравию, Сомали, Судан, Сирийскую Арабскую Республику и Тунис.

Страны — экспортеры нефти БВСА (ЭН БВСА) включают Алжир, Бахрейн, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливию, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию.

Примечания. Агрегированные показатели ЭН БВЦА, СФРСД БВЦА и СНД БВЦА были впервые введены в апрельском ППРЭ 2021 года под наименованиями ЭН БЦД, СФРСД БЦД и СНД БЦД.

Все прогнозы по Афганистану на 2021–2022 годы опущены и исключены из агрегированных показателей ввиду необычайно высокого уровня неопределенности.

Все прогнозы по Ливану на 2021–2022 годы опущены ввиду необычайно высокого уровня неопределенности.

Сомали включается во все региональные агрегированные показатели начиная с октябрьского выпуска ППРЭ 2017 года.

Данные по Судану начиная с 2012 года не включают Южный Судан.

Все данные по Сирийской Арабской Республике начиная с 2011 года опущены и исключены из агрегированных показателей ввиду неопределенной экономической ситуации.

Страны — импортеры нефти БВСАП включают Афганистан, Джибути, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иорданию, Ливан, Мавританию, Марокко, Пакистан, Сирийскую Арабскую Республику, Сомали, Судан и Тунис.

Страны — импортеры нефти БВСА включают Афганистан, Джибути, Египет, Западный берег и сектора Газа, Иорданию, Ливан, Мавританию, Марокко, Сирийскую Арабскую Республику, Сомали, Судан и Тунис.

Арабские страны включают Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иорданию, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливию, Мавританию, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовскую Аравию, Сирийскую Арабскую Республику, Сомали, Судан и Тунис.

Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ) включает Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию.

Не входящие в ССЗ страны — экспортеры нефти включают Алжир, Ирак, Иран, Йемен и Ливию.

Уязвимые государства и затронутые конфликтами страны (УКС) включают Афганистан, Джибути, Ирак, Йемен, Ливан, Ливию, Сирийскую Арабскую Республику, Сомали, Судан и Таджикистан.

Страны **Северной Африки** включают Алжир, Джибути, Египет, Ливию, Мавританию, Марокко, Судан и Тунис.

Страны в состоянии конфликта включают Йемен, Ливию и Сирийскую Арабскую Республику.

Допущения и условные обозначения

В прогнозах, представленных в октябрьском 2021 года докладе «Перспективы развития региональной экономики: Ближний Восток и Центральная Азия», принят ряд допущений. Предполагается, что установившаяся политика национальных органов будет сохранена, что цена на нефть¹ составит 65,68 доллара США за баррель в 2021 году и 64,52 доллара США за баррель в 2022 году, и что шестимесячная ставка предложения на Лондонском межбанковском рынке (ЛИБОР) по депозитам в долларах США составит в среднем 0,2 процента в 2021 году и 0,4 процента в 2022 году. Это, разумеется, рабочие гипотезы, а не прогнозы, и сопутствующие им факторы неопределенности увеличивают возможные погрешности, которые в любом случае присущи прогнозам. Данные за 2021 и 2022 годы в рисунках и таблицах являются прогнозами. Эти прогнозы основаны на статистической информации, имевшейся за период до конца сентября 2021 года.

В настоящей публикации используются следующие условные обозначения:

- В таблицах многоточие (...) означает «нет данных», а 0 или 0,0 означает «ноль» или «пренебрежимо малая величина». Незначительные расхождения между суммами составляющих цифр и совокупными величинами вызваны округлением.
- Короткое тире (–) ставится между годами или месяцами (например, 2011–2012 годы или январь–июнь) для обозначения охваченных лет или месяцев, включая год или месяц начала и окончания; косая черта (/) ставится между годами или месяцами (например, 2011/2012 год) для обозначения бюджетного или финансового года.
- «Миллиард» означает тысячу миллионов; «триллион» означает тысячу миллиардов.
- «Базисные пункты» (б. п.) представляют собой сотые доли процентного пункта (например, 25 базисных пунктов эквивалентны ¼ процентного пункта).

В настоящей публикации термин «страна» не во всех случаях обозначает территориальное образование, являющееся государством в соответствии с определением, принятым в международном праве и практике. Здесь этот термин также включает некоторые территориальные образования, которые не являются государствами, но по которым ведется отдельная и независимая статистика.

Границы, цвета, обозначения и любая другая информация, указанная на картах, не подразумевают какого-либо суждения Международного валютного фонда о правовом статусе какой-либо территории или какой-либо поддержки или одобрения таких границ.

¹Простое среднее значение цен на нефть сортов Brent, Dubai Fateh и West Texas Intermediate.

1. Ситуация в регионе и перспективы развития От антикризисного управления к восстановлению экономики на новом уровне

Ввиду неравномерного развертывания вакцинации ожидается, что восстановление экономики в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии (БВ и ЦА) будет проходить с разной скоростью и носить неустойчивый характер, и странам необходимо по-прежнему уделять основное внимание преодолению пандемии. Текущее медленное восстановление, как ожидается, приобретет более прочный характер в 2022 году по мере повышения уровней вакцинации. Между тем появляются новые проблемы в связи с ростом инфляции вследствие связанного с пандемией дефицита поставок и повышения цен на биржевые товары. В связи с этим усилилось неблагоприятное влияние на перспективы развития, а также неопределенность относительно того, насколько быстро можно справиться с пандемией. С учетом низкой занятости, роста неравенства и бедности, факторов уязвимости сектора предприятий и рисков для устойчивости долговой ситуации долговременный экономический ущерб может оказаться значительным. Трудности выбора мер политики в краткосрочной перспективе стали более серьезными ввиду уже сократившихся бюджетных возможностей, уменьшения пространства для проведения денежно-кредитной политики и увеличения геополитических рисков и рисков социальных волнений. В условиях, когда регион готовится к новому путешествию в мире после пандемии, этот кризис дает представление о возможностях, которые могут привести к восстановлению на новом уровне, с созданием более устойчивой, социально интегрированной и благоприятной для экологии экономики. Для того чтобы обеспечить возможность таких преобразований, национальные меры экономической политики должны носить всеобъемлющий характер и взаимно дополнять друг друга. Сотрудничество на региональном

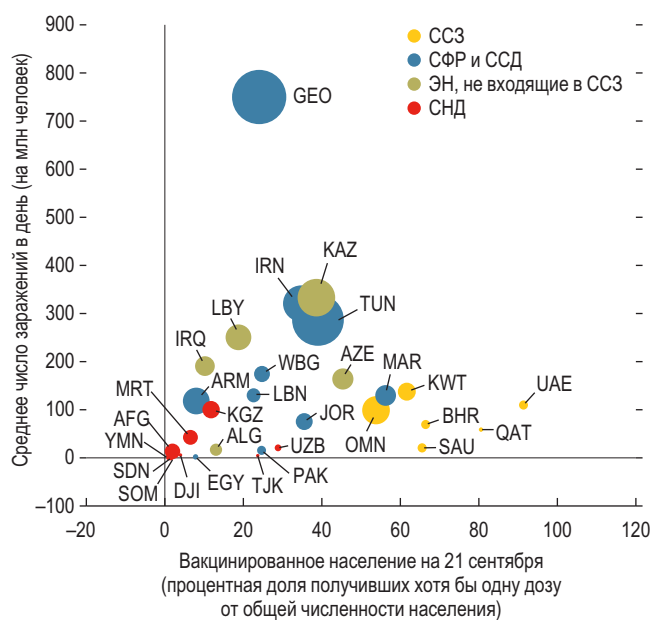
Главу подготовил Трой Матесон под руководством С. Пелин Беркмен и при участии Родриго Гарсии-Верду и Йеты Менкуласи; неоценимую помощь в проведении исследования оказали Ажин Ихсан Абдулкарим, Виждан Боранова, Олурем Акин-Олугбаде и Рой Ранден.

и глобальном уровне также будет играть ключевую роль в развертывании вакцинации и использовании цифровых технологий, адаптации к изменению климата и переходе к экономике с меньшей зависимостью от углерода для повышения среднесрочных перспектив экономического роста в регионе.

Мировая конъюнктура. Разделение на имущих и неимущих

Неравномерные темпы восстановления роста мировой экономики сохраняются в условиях новой волны пандемии, при этом основными причинами расхождения траекторий восстановления в разных странах и регионах являются различия в темпах вакцинации и мерах поддержки (октябрьский выпуск доклада «Перспективы развития мировой экономики» 2021 года). Экономическая активность в большинстве стран с развитой экономикой продолжает возвращаться в нормальное состояние, в то время как во многих других странах восстановление носит более неустойчивый характер. Повысилась неопределенность относительно динамики развития пандемии. Мировая финансовая конъюнктура сохраняет поддерживающий характер, но глобальная инфляция растет, отчасти вследствие связанного с пандемией дефицита поставок, а занятость находится на пониженном уровне. С апреля цены на биржевые товары превышают прогнозные показатели; в частности ожидается, что средняя спотовая цена на нефть в 2021 году составит 65,7 доллара США, а в среднесрочной перспективе понизится до 56,3 доллара США — это выше среднего уровня 2020 года в 41,3 доллара США, но ниже среднего значения 2019 года в 61,4 доллара США. Организация стран — экспортеров нефти и другие крупные производители нефти (ОПЕК+) договорились постепенно снять ограничения на добычу в размере 5,8 млн

Рисунок 1.1. Среднее число заражений и смертей в день и число вакцинированных
(Уровень заражений и смертности¹ в период 30 июня–21 сентября)

Источники: Airfinity, Our World in Data, ЮНИСЕФ и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Низкие уровни заболеваемости в некоторых странах могут быть связаны с занижением данных ввиду ограниченных возможностей тестирования. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации.
¹Размер круга показывает уровень смертности.

баррелей в сутки к сентябрю 2022 года. Цены на продовольствие резко возросли до максимального уровня с 2014 года (в 2021 году ожидается рост на 27,8 процента по сравнению с 13,9 процента в апрельском прогнозе) и, как ожидается, увеличатся еще на 1,9 процента в 2022 году.

Опасность еще не миновала

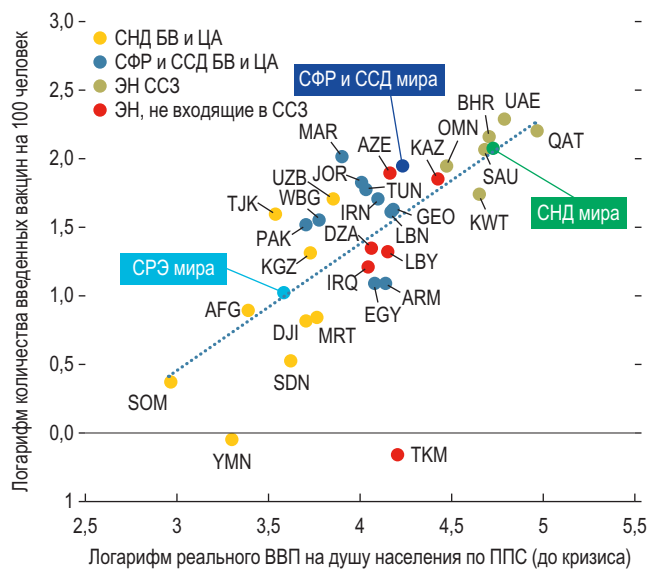
Регион БВ и ЦА переживает новую волну заболеваемости: примерно в двух третях стран региона происходит новая вспышка пандемии. Однако в странах, которые рано достигли прогресса в вакцинации населения, уровень заражений и смертности является относительно умеренным (рис. 1.1). Социальные и экономические ограничения, хотя и менее строгие, чем в начале 2020 года, в целом сохраняются, но уровень мобильности несколько отклоняется от подразумеваемого мерами сдерживания.

Вакцинация продвигается, но на глобальном фоне общие темпы вакцинации остаются низкими, что отражает сочетание узких мест, связанных с поставками и закупками, и логистических препятствий. По состоянию на 21 сентября страны региона можно разбить на три общие категории: 1) пять стран, в которых более 60 процентов от общей численности населения получило хотя бы одну дозу вакцины; 2) 17 стран, которые достигли значительного прогресса, включая 13 стран, в которых охват составляет более 20 процентов, и 3) оставшиеся 10 стран, в которых вакцинировано менее 10 процентов населения. В соответствии с мировыми тенденциями, более состоятельные страны региона — некоторые экспортеры нефти, а также страны с формирующимся рынком и страны со средним доходом (СФР и ССД) — закупают вакцины из более диверсифицированных источников и развернули вакцинацию более успешно, чем страны с низким доходом (СНД), которые на данный момент сталкиваются с задержками и неравномерностью поставок (рис. 1.2). Однако благодаря недавним пожертвованиям, покрывающим достаточное количество доз для вакцинации в среднем 7 процентов населения СНД региона, среднее число ежедневно вводимых доз в СНД увеличилось с августа в три раза.

Поддержка со стороны экономической политики. Широкий набор ответных мер политики сыграл ключевую роль в защите средств к существованию и уязвимых слоев населения, а также в смягчении экономических рисков, рисков для банковского сектора и сектора предприятий (октябрьский выпуск доклада «Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2020 года).

- В *налогово-бюджетной сфере*. Большинство стран, в которых в 2021 году произошла новая волна пандемии, расширили экстренные меры в соответствии со своими бюджетными возможностями (например, Алжир, Бахрейн, Грузия, Казахстан, Марокко и ОАЭ). Некоторые страны в 2021 году реализовали новые меры (например, поддержка малых и средних предприятий и уязвимых домашних хозяйств в Омане и новые денежные

Рисунок 1.2. Более высокие уровни вакцинации в более богатых странах

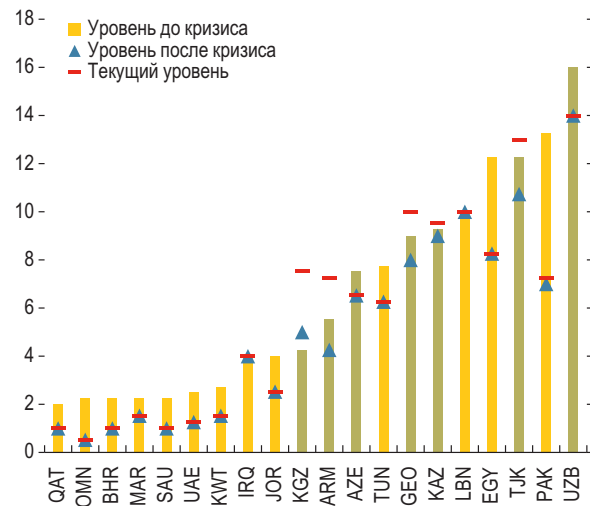

Источники: база данных издания «Перспективы развития мировой экономики» МВФ и расчеты персонала МВФ.
 Примечание. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации. СРЭ = страны с развитой экономикой; КЦА = Кавказ и Центральная Азия; СФР и ССД = страны с формирующимся рынком и страны со средним доходом; ССЗ = Совет по сотрудничеству стран Персидского залива; СНД = страны с низким доходом; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; ЭН = экспортеры нефти; ППС = паритет покупательной способности.
¹Количество сделанных прививок на 21 сентября 2021 года.

трансферты в Судане). В других странах экстренные меры в области расходов остались без изменений, сократились или прекратили действие, хотя сохранились некоторые меры поддержки ликвидности «под чертой» без прямых бюджетных издержек (например, Египет и Пакистан сохранили некоторые налоговые льготы).

- *В денежно-кредитной и макрофинансовой сфере.* Хотя во многих странах директивные процентные ставки остаются на низком уровне, некоторые государства в регионе Кавказа и Центральной Азии (КЦА), а также Пакистан приступили к ужесточению денежно-кредитной политики (рис. 1.3). У некоторых макрофинансовых мер, введенных в 2020 году (например, программы гарантий по кредитам и отмены комиссий за электронные операции в Саудовской Аравии), истек срок действия. Другие меры

Рисунок 1.3. Ставки денежно-кредитной политики в странах БВ и ЦА (В процентах)

Источники: Haver Analytics.
 Примечание. Синими столбцами представлены страны Ближнего Востока и Северной Африки; зелеными столбцами представлены страны Кавказа и Центральной Азии. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации. БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия.

были расширены (например, отсрочка отражения в учете обесценения кредитов и снижение буферных резервов капитала и весовых коэффициентов риска в Казахстане, а также кредитные субсидии, кредитные гарантии и отсрочка погашения кредитов в государствах Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ)), а некоторые страны ввели новые меры (например, программа государственных гарантий по банковским кредитам и для малых и средних предприятий в Кувейте).

Неравномерное восстановление экономики и повышение инфляции

Восстановление экономики происходит, но носит неравномерный и неполный характер ввиду возникновения новых волн вируса. Рост ВВП в первой половине 2021 года повысился, а индексы

менеджеров по закупкам с июля указывают на продолжение восстановления деловой активности, но несколько более умеренными темпами.

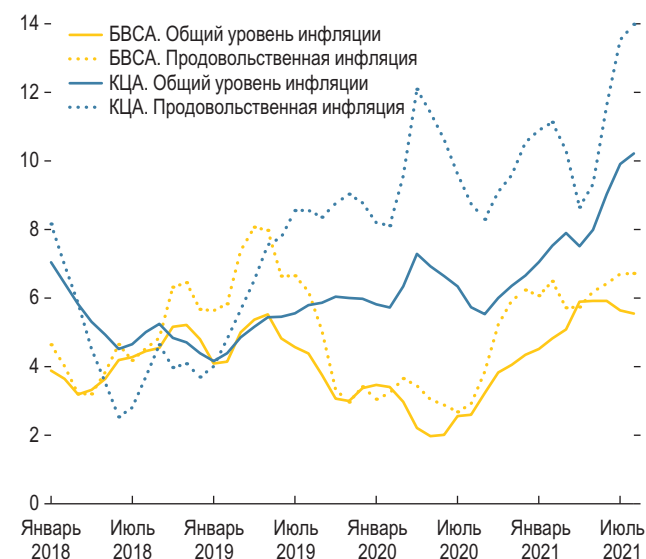
Оживление торговли. В духе глобальных тенденций торговля товарами восстановилась до уровня, существовавшего до пандемии. Спрос на гостиничные услуги также увеличивается, но в большинстве стран остается ниже уровней, существовавших до пандемии. Денежные переводы по-прежнему служат источником критической поддержки для некоторых стран (например, для Грузии, Кыргызской Республики и Таджикистана). Сальдо счета текущих операций стран — экспортеров нефти в целом начало восстанавливаться вследствие повышения цен на нефть и оживления мировой экономики, после того как в 2020 году у большинства стран резко возник дефицит.

Благоприятная мировая финансовая конъюнктура. В начале 2021 года страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны прошли краткий период оттока капитала вызванного опасениями относительно инфляции в США, но в мае, когда эти страхи ослабли, потоки изменили направление. В период до конца августа в регионе имел место совокупный чистый приток капитала в 2,9 млрд долларов США. Спреды по суверенным облигациям снизились с 2020 года, и страны региона продолжали осуществлять заимствования на международных рынках, пользуясь преимуществами благоприятных условий финансирования, при этом с начала текущего года было осуществлено 19 выпусков еврооблигаций на общую сумму 19,8 млрд долларов США. Относительно того же периода 2020 года общая стоимость выпуска уменьшилась в два раза вследствие сокращения эмиссии в Катаре, ОАЭ и Саудовской Аравии (ввиду снижения потребностей в финансировании в связи с ростом цен на нефть и идущим восстановлением экономики), которое более чем компенсировало увеличение выпуска облигаций в Армении, Грузии и Омане.

Повышение инфляции (рис. 1.4). Между тем общий уровень инфляции повышается вследствие как международных, так и внутренних факторов, таких как повышение мировых цен на

Рисунок 1.4. Рост инфляции

(Процентное изменение год к году; простое среднее)

Источники: Haver Analytics, официальные органы стран, база данных по ИПЦ МВФ и расчеты персонала МВФ.

Примечание. КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВСА = Ближний Восток и Северная Африка.

БВСА включает ALG, BHR, EGY, IRN, IRQ, JOR, KWT, MAR, OMN, QAT, SAU, SOM, TUN, UAE и WBG. КЦА включает ARM, AZE, GEO, KAZ, KGZ, TJK и UZB. Последние данные по состоянию на август 2021 года, кроме TUN (март 2021 года), KWT (апрель 2021 года), ALG (июнь 2021 года), BHR, OMN, TJK и UAE (июль 2021 года). Данные были экстраполированы на основе последних доступных данных по темпам роста инфляции.

продовольствие и энергоносители, а также стоимости транспортировки, последствия произошедшего ранее снижения курсов валют, восстановление национальной экономики в одних странах и монетарное финансирование в других. Продовольственная инфляция оказывает влияние на общий уровень инфляции, особенно в СНГ (например, в Кыргызской Республике и Таджикистане) и в странах с высокой долей импортного продовольствия в потребительской корзине (например, в Алжире и Армении). Без учета цен на продовольствие и энергоресурсы базовая инфляция повышается в Иордании, Ираке, Катаре (с низкой базы), Марокко и Пакистане.

Низкий уровень занятости. В большинстве стран уровень занятости остается ниже, чем до пандемии (например, в Армении, Бахрейне, Иране, Саудовской Аравии и Тунисе). Во многих странах региона чувствительность рынков труда

к более общим экономическим условиям в среднем представляется слабой, особенно во время экономических подъемов, в связи с широким распространением неформального сектора, узкими местами структурного характера и снижением перспектив трудоустройства после продолжительных периодов безработицы (глава 2). Это указывает на то, что для восполнения сокращения занятости, произошедшего в период пандемии, может потребоваться некоторое время.

Усиление неравенства. Воздействие пандемии на разные группы населения носит неравномерный характер. Наиболее сильно пострадали низкоквалифицированные работники, молодежь, женщины и трудовые мигранты; так, занятость среди женщин и молодежи сократилась в 2020 году на 6 и 10 процентов соответственно — сильнее, чем среди мужчин и общей совокупности взрослых работников (примерно 4 процента в каждом случае). В отличие от кризисов прошлого, этот кризис не обошел стороной и занятых в неформальном секторе. Аналогичным образом, многие работники контактоемких сфер услуг (например, поездок и туризма) сталкиваются с перспективой более медленного и неравномерного восстановления до тех пор, пока не удастся сдержать распространение пандемии (глава 2). Кроме того, показатели небольших фирм, компаний, занятых в контактоемких секторах, и компаний, которые имели уязвимые места еще до кризиса, оказались ниже, чем у других предприятий (глава 3). Положительным моментом является то, что компании, более широко использующие возможности цифровых технологий, смогли отчасти смягчить воздействие пандемии.

Банковские системы на данный момент сохраняют устойчивость, однако риски накапливаются неравномерно. Несмотря на снижение рентабельности, объем необслуживаемых кредитов в целом остается стабильным, а банки увеличили буферные резервы для защиты от кредитных рисков и рисков ликвидности, что отчасти связано с поддерживающими мерами макрофинансовой политики. Однако банки с большим объемом позиций по операциям с корпоративным сектором имеют более низкие коэффициенты достаточности капитала, меньше

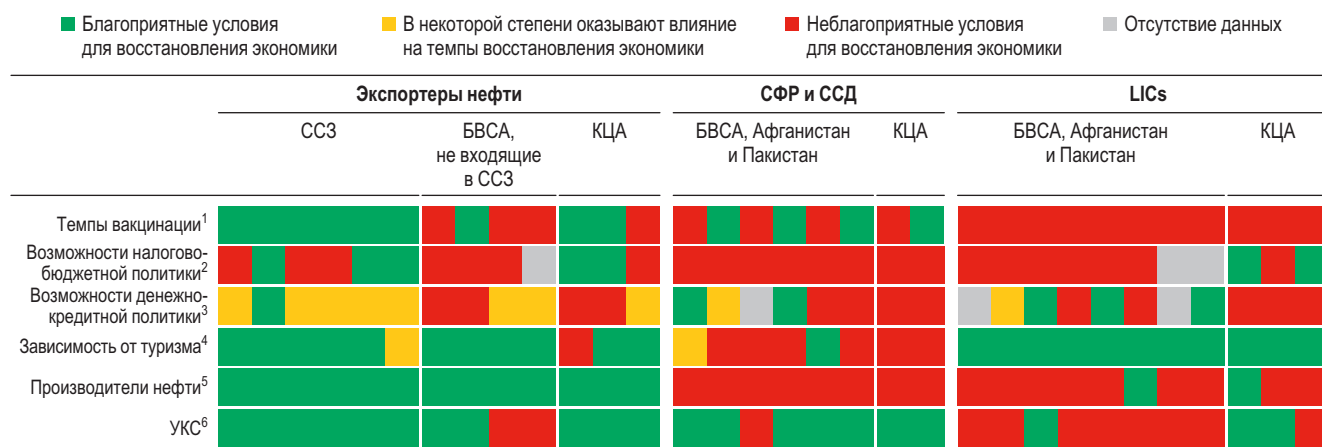
ликвидности и больший объем необслуживаемых кредитов, а в банках, обслуживающих сильно пострадавшие контактоемкие сектора, наблюдается увеличение объема необслуживаемых кредитов. Увеличение резервов на потери по кредитам, отчасти связанное с регулятивными требованиями, указывает на то, что банки заранее прогнозируют риски и формируют резервы для защиты от возможного ухудшения качества активов при сворачивании мер поддержки (глава 3).

Перспективы развития. Сдержанное и неустойчивое восстановление экономики

После сокращения на 3,2 процента в 2020 году, реальный ВВП в регионе **Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА)** увеличится, согласно прогнозам, на 4,1 процента в 2021 и 2022 годах (пересмотр в сторону повышения с апреля на 0,1 и 0,4 процентного пункта соответственно). Между тем, прогнозируется, что инфляция в регионе увеличится на 12,9 процентов в 2021 году вследствие повышения цен на продовольствие и энергоносители и смягчения денежно-кредитной политики в некоторых странах, а затем снизится до 8,8 процента в 2022 году. Увеличение валового государственного долга в странах — импортерах нефти БВСА (который прогнозируется в 2021 году на уровне более 100 процентов ВВП) привело к росту валовых потребностей в финансировании почти на 50 процентов в 2021–2022 годах (до 390 млрд долларов США) по сравнению с 2018–2019 годами.

Экономическая активность в регионе **КЦА** также восстанавливается, при этом прогнозируется, что реальный ВВП увеличится на 4,3 процента в 2021 году (пересмотр в сторону повышения на 0,7 процентного пункта) и 4,1 процента в 2022 году после сокращения на 2,2 процента в 2020 году. Как ожидается, в 2021 году инфляция ускорится до 8,5 процента (пересмотр в сторону повышения на 1,6 процентного пункта) в связи с влиянием повышения мировых цен на продовольствие и биржевые товары и недавнего валют, а также происходящим оживлением спроса; после

Рисунок 1.5. Негативные и позитивные факторы: набор различных факторов, влияющих на перспективы развития в 2022 году

Источники: официальные органы стран, база данных издания «Перспективы развития региональной экономики» МВФ и расчеты персонала МВФ.

¹Темпы вакцинации: зеленый цвет означает охват 40% населения к концу 2021 года, красный цвет — в остальных случаях.

²Возможности налогово-бюджетной политики: красный цвет означает отсутствие доступа на рынок и/или отношение долга к ВВП выше медианного значения, зеленый цвет — в остальных случаях.

³Возможности денежно-кредитной политики: красный цвет означает, что прогноз по инфляции на 2021 год в докладе «Перспективы развития мировой экономики» МВФ соответствует медианному уровню или целевому показателю инфляции или превышает их; зеленый цвет — ниже медианного и целевого уровня; оранжевый цвет — фиксированный курс и валютное управление.

⁴Зависимость от туризма: красный цвет — доля туризма в ВВП и в структуре занятости больше 10 процентов; оранжевый цвет — удовлетворяется только один из этих критериев; зеленый цвет — в остальных случаях.

⁵Производители нефти: зеленый цвет — экспортеры нефти; красный цвет — в остальных случаях.

⁶УКС = уязвимые и пострадавшие от конфликтов страны: красный цвет означает УКС; зеленый цвет — в остальных случаях.

этого она будет постепенно опускаться ниже целевого диапазона начиная с 2022 года ввиду постепенного прекращения действия временных факторов и повышения директивных процентных ставок.

Факторы, определяющие перспективы развития

Определяющее значение в 2021 году по-прежнему имеют продолжающаяся пандемия COVID-19 и ограничение добычи в рамках ОПЕК+ для стран — экспортеров нефти. В дальнейшем восстановление экономики в регионе будет определяться сочетанием пяти факторов (рис. 1.5). Во-первых, **темпами вакцинации**: страны, которые достигли больших успехов в вакцинации своего населения (страны ССЗ и некоторые СФР и ССД), будут более устойчивыми к появлению новых штаммов вируса. Во-вторых, **возможностями выбора политики**: лишь немногие страны региона имеют пространство для проведения

макроэкономической политики с низким уровнем долга и инфляции для поддержки восстановления экономики (некоторые страны — экспортеры нефти и несколько стран региона КЦА с низким уровнем долга). В-третьих, **зависимостью от туризма**: страны, которые сильнее зависят от туризма, продолжат сталкиваться со сдерживающими факторами. В-четвертых, **развитием ситуации на рынке нефти**: рост цен на нефть и снижение ограничений на добычу ОПЕК+ окажут поддержку экономической активности в странах — экспортерах нефти, что будет иметь вторичные эффекты в остальных странах региона; с другой стороны, в странах — импортерах нефти рост цен на нефть является сдерживающим фактором экономического роста и окажет давление на инфляцию. Наконец, **политическими и гуманитарными проблемами**: экономический рост в уязвимых и пострадавших от конфликтов странах будет зависеть от урегулирования текущих конфликтов, факторов политической неопределенности и других гуманитарных проблем.

Страны — экспортеры нефти

Страны — экспортеры нефти, в частности страны ССЗ, выиграют от оживления мирового спроса, повышения цен на нефть и более широкого охвата вакцинацией, чем в других странах (рис. 1.2). Уровень вакцинации во всех странах ССЗ уже достиг 40 процентов населения и, как ожидается, к концу 2021 года составит 70 процентов. Тем не менее во многих странах до сих пор действуют экономические и социальные ограничения, которые продолжают негативно отражаться на перспективах развития до тех пор, пока не удастся сдержать распространение пандемии. Согласно прогнозам, реальный ВВП повысится на 4,5 процента в 2021 году (2,8 процента без учета Ливии) и 4,0 процента в 2022 году вследствие восстановления как нефтяного, так и ненефтяного ВВП. Активность в нефтяном секторе, как ожидается, увеличится на 5,3 процента и 4,4 процента в 2021 и 2022 годах соответственно в связи со всплеском добычи нефти в Ливии и постепенным ростом предложения в странах ОПЕК+ после августа 2021 года. Распространение вакцинации и рост цен на нефть также поддержат уверенность и активность в ненефтяном секторе, рост в котором должен составить 3,9 и 3,4 процента в 2021 и 2022 годах соответственно. В среднесрочной перспективе потери реального ВВП в странах — экспортерах нефти, как ожидается, будут более сдержанными, чем в других группах стран (рис. 1.6).

Согласно прогнозам, инфляция повысится до 10,5 процента в 2021 году и снизится до 8,0 процента в 2022 году (пересмотр в сторону повышения на 0,3 процентного пункта в оба года). Высокий уровень инфляции в основном связан со странами — экспортерами нефти, не входящими в ССЗ, при этом инфляция в странах ССЗ достигнет в 2021 году пикового значения в 2,8 процента.

Ожидается, что рост цен на нефть и экспорта нефти укрепит внешнюю позицию стран — экспортеров нефти, и, согласно прогнозам, их сальдо счета текущих операций перейдет от дефицита в 1,9 процента ВВП в 2020 году к профициту в 3,6 процента ВВП в 2021 году (выше уровня,

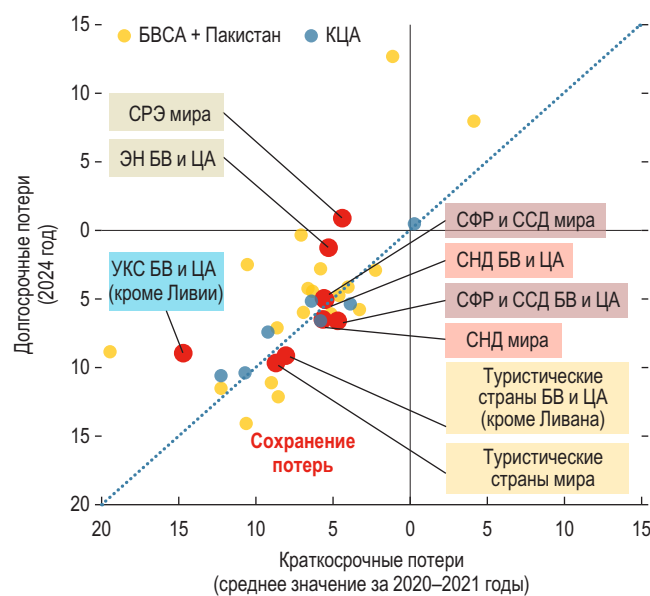
существовавшего до пандемии). Как ожидается, этот профицит постепенно сократится в среднесрочной перспективе в соответствии с прогнозируемой стабилизацией цен на нефть. Валовые официальные резервы, как ожидается, увеличатся в 2021 году на 95 млрд долларов США почти до 1 трлн долларов США (пересмотр в сторону повышения на более чем 100 млрд долларов США по сравнению с апрельскими прогнозами).

Согласно прогнозам, начиная с 2021 года дефицит бюджета будет снижаться вследствие текущего восстановления экономики, роста цен на нефть, окончания срока действия антикризисных мер и консолидации. Тем не менее, несмотря на сокращение относительно максимальных значений, достигнутых в период кризиса, государственный долг по отношению к ВВП, скорее всего, будет выше докризисного уровня в среднесрочной перспективе. В итоге валовые потребности государства в финансировании, согласно прогнозам, останутся в целом на повышенном уровне в 473 млрд долларов США в 2021–2022 годах по сравнению с 310 млрд долларов США в 2018–2019 годах.

Страны с формирующимся рынком и страны со средним доходом

Восстановление в СФР и ССД будет неравномерным. С апреля некоторые страны достигли значительных успехов в повышении уровня вакцинации (например, Иордания, Марокко и Тунис), тогда как другие отстают (рис. 1.2). При текущих темпах вакцинации ожидается, что ею будут охвачены в среднем примерно 40 процентов населения к середине 2022 года и 70 процентов к концу 2022 года. Страны, которые сильнее зависят от поездок и туризма, меньше выиграют от текущего восстановления мировой экономики. Согласно прогнозам, темпы роста реального ВВП составят 3,6 процента в 2021 году и повысятся до 4,2 процента в 2022 году, не достигнув темпов, прогнозируемых для СФР и ССД на мировом уровне в 2021 и 2022 году (6,7 процента и 5,1 процента соответственно). В среднесрочной перспективе реальный ВВП, как ожидается, останется ниже уровней,

Рисунок 1.6. Ожидается, что потери объема производства продолжатся в некоторых странах
(Разница в процентах по сравнению с докризисными прогнозами)

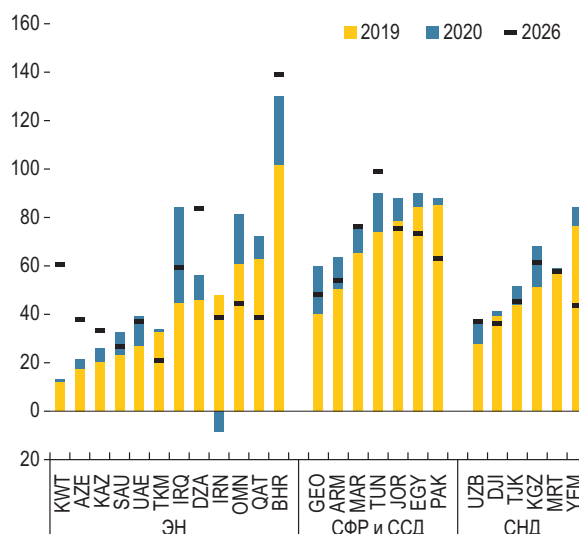
Источники: официальные органы стран и расчеты персонала МВФ.
Примечание. СРЭ = страны с развитой экономикой; КЦА = Кавказ и Центральная Азия; СФР и ССД = страны с формирующимся рынком и страны со средним доходом; УКС = уязвимые и пострадавшие от конфликтов страны; СНД = страны с низким доходом; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; ЭН = экспортеры нефти.

прогнозировавшихся до кризиса, примерно на 6,6 процента, что в целом соответствует показателям сопоставимых стран мира (рис. 1.6).

По прогнозам, инфляция повысится во всех СФР и ССД, кроме Пакистана. В целом ожидается, что инфляция в этой группе стран сохранится в 2021–2022 годах выше 7,5 процента, а затем постепенно снизится до 6,0 процента в среднесрочной перспективе. Кроме международных цен на продовольствие важными факторами инфляционной динамики в странах с гибкими валютными курсами будет изменение валютных курсов и цен на нефть, поскольку в прошлые периоды они в среднем примерно на четверть объясняли волатильность инфляции.

Ожидается, что по мере восстановления экономики сальдо государственных финансов постепенно улучшится вследствие циклического восстановления доходов, окончания срока действия мер, связанных с пандемией, и перспективы среднесрочной бюджетной корректировки

Рисунок 1.7. Государственный долг стран БВ и ЦА
(В процентах ВВП)

Источники: база данных издания «Перспективы развития мировой экономики» МВФ и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Группа СНД не включает Судан. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации. СФР и ССД = страны с формирующимся рынком и страны со средним доходом; СНД = страны с низким доходом; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; ЭН = экспортеры нефти.

в странах с повышенным уровнем долговой нагрузки (например, в Египте и Пакистане). Согласно прогнозам, совокупная задолженность возрастет с 86,8 процента ВВП в 2020 году до 91,7 процента в 2021 году и будет постепенно снижаться в период с 2022 года по 2026 год, вернувшись на докризисный уровень в 2023 году. Однако за этим снижением скрываются различия в динамике в разных странах в среднесрочной перспективе, поскольку, согласно прогнозам, в Армении, Грузии и Тунисе уровень задолженности будет выше, чем до пандемии, а в Египте, Иордании и Пакистане — ниже (рис. 1.7).

Наращивание задолженности в 2020 году привело к значительному росту валовых потребностей государства в финансировании, которые, согласно прогнозам, достигнут в 2021–2022 годах 564 млрд долларов США — это почти на 20 процентов выше, чем в 2018–2019 годах. Кроме того, увеличение задолженности и условных обязательств (в связи с внебюджетными мерами, такими как предоставление кредитов или гарантий, а также

многими другими квазифискальными операциями, в том числе осуществляемыми через государственные предприятия) ослабило государственный баланс, ставя под угрозу перспективы стабилизации долга.

После сокращения вследствие обвала внутреннего спроса и цен на нефть в 2020 году совокупный дефицит счета текущих операций увеличится, согласно прогнозам, с уровня 2020 года в 3,4 процента ВВП до 3,9 процента ВВП в 2022 году. Это отражает с одной стороны положительное влияние восстановления мировой экономики на экспорт товаров, влиянием роста цен на нефть и оживления внутреннего спроса на импорт, а с другой более медленное восстановление поездок и туризма (например, в Азербайджане, Армении, Грузии, Ливане и Марокко).

Страны с низким доходом и уязвимые и пострадавшие от конфликтов страны

СНД, многие из которых также являются уязвимыми и пострадавшими от конфликтов странами (УКС), имеют относительно низкий уровень вакцинации и сильно зависят от многосторонних инициатив по закупкам вакцин. Эти страны, особенно УКС, также располагают ограниченными возможностями системы здравоохранения и тестирования, что крайне затрудняет отслеживание основных тенденций развития пандемии. В отсутствие усиленных многосторонних мер по увеличению поставок вакцин, уровень вакцинации, как ожидается, достигнет 70 процентов не раньше 2024 года, что усугубляет существующие экономические и социальные проблемы. Согласно прогнозам, экономическая активность возрастет на 3,4 процента в 2021 году и 4,4 процента в 2022 году, при этом экономический рост постепенно повысится в среднесрочной перспективе в сочетании с повышением уровня вакцинации. В соответствии с мировыми тенденциями ожидается, что пандемия будет иметь долгосрочные последствия, при этом реальный ВВП, как ожидается, останется на 4,8 процента ниже уровня прогнозирувавшихся до кризиса низких показателей в среднесрочной перспективе (рис. 1.6).

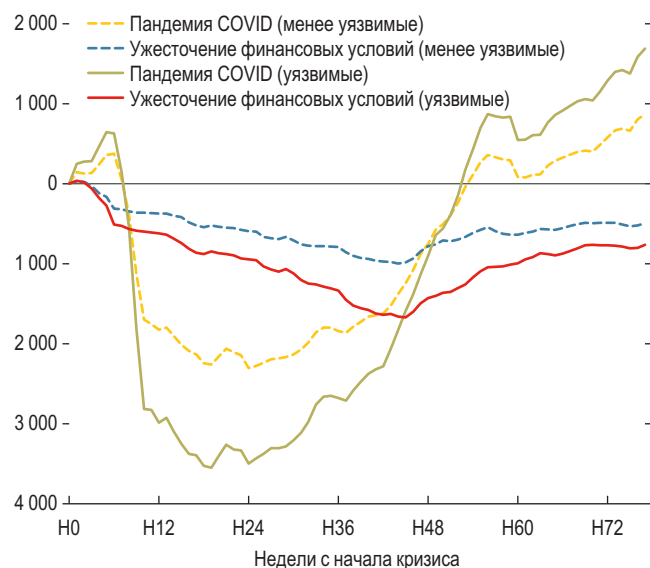
Помимо развития ситуации с COVID-19, более устойчивому восстановлению экономики в уязвимых и пострадавших от конфликтов странах по-прежнему мешают конфликты (на Западном берегу и в секторе Газа, в Йемене, Ливии и Сирии), чрезвычайные ситуации гуманитарного характера (в Афганистане, Йемене, Сирии и Сомали) и риски сохранения экономической и политической нестабильности (в Афганистане, Ливане, Ливии и Судане). Перспективы развития в ситуации в Джибути также омрачаются конфликтом в соседней Эфиопии. Ливан переживает крайне тяжелый экономический кризис, который усугубляется пандемией, и нуждается в срочном решении множества сложных экономических и социальных проблем. Аналогичным образом, потрясения в Афганистане вызвали в уязвимой экономике страны, которая уже находилась в шатком положении в связи с пандемией и засухой, острый экономический кризис с падением объема производства, парализованной работой банков и ростом уровня бедности (вставка 1.2).

Положительным моментом является то, что Судан с помощью международного сообщества и МВФ принял решительные меры по переходу к рыночному валютному курсу, повышению государственных доходов и сокращению субсидий, а также приступил к решению глубоко укоренившихся проблем государственного управления, что улучшает его долгосрочные перспективы и социальные условия. В итоге Судан стал 38-ой страной, которая достигла стадии принятия решения по Инициативе в отношении бедных стран с высоким уровнем задолженности (ХИПК) с немедленным сокращением внешнего государственного долга в размере 28 млрд долларов США, который со временем уменьшится до 6 млрд долларов США (14 процентов ВВП) на стадии завершения ХИПК.

Повышение рисков и факторов уязвимости

Пандемия и вакцинация. Быстрое распространение штамма дельта и угроза появления более

Рисунок 1.8. БВ и ЦА. Кумулятивные потоки капитала
(В млн долларов США)

Источники: Naver, данные о потоках средств EPFR и расчеты персонала МВФ. Примечание. На момент времени *t*, если валютные резервы страны находятся на уровне ниже медианного значения (валютных резервов), то страна характеризуется как «уязвимая»; Н1 (для ужесточения финансовых условий) = 22 мая 2013 года; Н1 (для пандемии COVID) = 22 января 2020 года. БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия.

заразных штаммов повысили неопределенность относительно того, насколько быстро удастся преодолеть пандемию. Более быстрый прогресс в вакцинации может спасти жизни и ускорить восстановление экономики, но задержки в поставках вакцин и новые вспышки заболеваемости представляют серьезные риски ухудшения ситуации, которые могут отсрочить восстановление экономики и поставить под угрозу устойчивость долговой ситуации.

Ужесточение мировой финансовой конъюнктуры и риски, связанные с финансированием. С учетом крупных потребностей в финансировании СФР и ССД остаются уязвимыми перед ростом глобальной доходности облигаций в случае более длительного, чем ожидается, сохранения инфляционного давления в мире. Ужесточение мировой финансовой конъюнктуры может привести к оттоку капитала и повышению спреда по суверенным облигациям, с особым риском для стран с более низким уровнем резервов и более слабым сальдо счета внешних операций

(рис. 1.8). Это может привести к росту процентных ставок в регионе и сокращению поддержки спроса, создать трудности для компаний с большой долей заемных средств, повысить риски, связанные с финансированием, пролонгацией кредитов и отсутствием стабилизации долговой ситуации, а также усилить связи между банками и государством, которые в свою очередь могут негативно сказаться на кредитовании частного сектора и создать угрозу для восстановления экономики и финансовой стабильности (вставка 1.1 и апрельский выпуск доклада «Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2021 года).

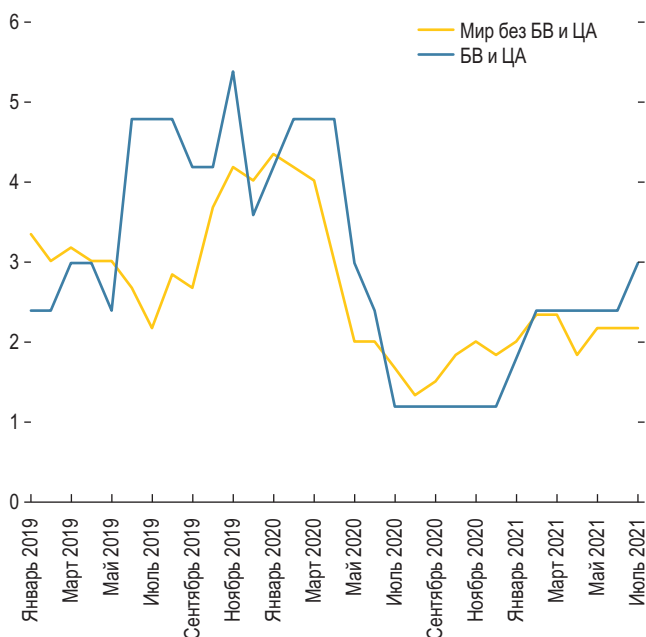
Длительное повышение инфляции. Это может быть связано с продолжительным ограничением предложения в мире, повышением цен на продовольствие и ослаблением фиксации инфляционных ожиданий в странах со слабыми основами денежно-кредитной политики. Повышение инфляции может в большей степени затронуть более бедные слои общества, усугубляя существующее неравенство, и при этом вызвать дальнейшее повышение директивных ставок, сокращая меры поддержки хрупкого восстановления экономики.

Преждевременное прекращение государственной поддержки. В более широком смысле высокие уровни задолженности и инфляции увеличивают риск преждевременного свертывания государственной поддержки. Вместе с низкими темпами вакцинации это оставляет экономику стран уязвимой перед появлением новых штаммов, с негативными последствиями для компаний в наиболее пострадавших секторах экономики и уязвимых домашних хозяйств. В свою очередь, это может увеличить количество банкротств, дефолтов и необслуживаемых кредитов, приводя к реализации рисков для корпоративного и банковского секторов (глава 3). Кроме того, подобные результаты повышают уровень безработицы и усугубляют неравенство (глава 2).

Повышение рисков социальных волнений, геополитических рисков и рисков для безопасности. Социальные волнения, хотя и остаются ниже, чем в 2019 году, усилились в 2021 году,

Рисунок 1.9. Последние тенденции в части социальных волнений

(Доля стран в процентах, скользящее среднее за 6 месяцев)

Источник: Barrett et al., 2020.

Примечание. Заключение о наличии социальных волнений делается на основе весьма значительного увеличения освещения в СМИ событий в стране, связанных с протестами, беспорядками и другими формами гражданского неповиновения. БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия.

и могут возрасти еще больше в связи с новыми волнами заболеваемости, тяжелыми экономическими условиями, высоким уровнем безработицы и цен на продовольствие, в частности в СНГ и УКС (рис. 1.9). Этот риск усугубляется повышенной политической неопределенностью и геополитической напряженностью в некоторых странах (например, в Ираке, Йемене, Ливане, Ливии и Тунисе). Кризис в Афганистане ведет к обнищанию миллионов людей, особенно женщин и уязвимых групп населения, и и уже привел к перемещению тысяч афганцев внутри страны. Это может спровоцировать волну беженцев за пределы страны, а это основной источник распространения внешних эффектов для других стран региона. (вставка 1.2).

Последствия кризиса, увеличение неравенства, уровня бедности и долговременного ущерба.

Более долгосрочный риск для региона заключается в том, что неравномерное восстановление

экономики после пандемии ведет к долговременному увеличению существующих разрывов в уровне благосостояния и доходов, а также социальной дифференциации и в итоге к ослаблению экономического роста и снижению равенства возможностей в обществе. Кроме того, согласно оценкам, в 2020–2021 годах число людей в регионе, оказавшихся за чертой крайней бедности, превысило докризисные прогнозы примерно на 7 млн человек. В целом последствия кризиса и ранее существовавшие факторы уязвимости (такие как чрезмерная задолженность, высокая структурная безработица, преобладание неэффективных государственных предприятий, которые ограничивают инновации в частном секторе и создают бюджетные риски, и зависимость от биржевых товаров) могут негативно отразиться на перспективах экономического роста в регионе после COVID-19, если они не будут устранены.

Климатические шоки. Изменение климата — основной фактор повышения частоты и интенсивности стихийных бедствий, обусловленных погодными явлениями — создает значительные трудности для региона БВ и ЦА, особенно с учетом серьезных потребностей региона в адаптации и его зависимости от углеводородов (вставка 1.3).

Более трудные компромиссы в экономической политике на пути к восстановлению на новом уровне

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 предстоит принимать трудные решения в экономической политике. Многие страны региона сталкиваются с перспективой затяжного восстановления экономики. Кроме того, помимо ограниченных возможностей налогово-бюджетной политики, сейчас, с учетом повышения инфляции, страны испытывают дополнительные трудности из-за сокращения возможностей денежно-кредитной политики. Таким образом, перед странами стоит множество задач: достижение правильного баланса между защитой жизни

и средств к существованию, содействием самоподдерживающемуся, всеобъемлющему и экологичному восстановлению экономики, поддержанием устойчивости налогово-бюджетной сферы и финансовой стабильности, а также инвестициями в будущее. Для подготовки экономики стран к миру после пандемии национальные меры политики должны носить всеобъемлющий характер и взаимно дополнять друг друга. Сотрудничество на региональном уровне может поддержать эти усилия посредством развертывания вакцинации и использования ускоряющихся глобальных тенденций.

Ускоренное развертывание вакцинации необходимо для спасения жизней, поддержки восстановления экономики и сокращения расходов в ее развитии. Прочность и продолжительность восстановления экономики на глобальном и региональном уровне зависит от того, насколько эффективно распространение вируса сдерживается во всем мире. В случае отсутствия скоординированных действий при неравномерном развертывании вакцинации регион останется подвержен дальнейшим угрозам жизням и средствам к существованию — в особенности это касается СНГ, УКС и стран со средними доходами, обладающих ограниченными возможностями экономической политики. Таким образом, оперативная вакцинация населения является главной приоритетной задачей экономической политики в краткосрочной перспективе. Она требует наращивания усилий по закупке и доставке вакцин при одновременном обеспечении достаточного снабжения систем здравоохранения необходимыми ресурсами. Тесное сотрудничество на глобальном и региональном уровне необходимо для достижения цели по вакцинации как минимум 40 процентов населения к концу текущего года и 70 процентов в первой половине 2022 года. На данный момент регион обеспечил себе 576 млн доз вакцин (52 процента из которых были предоставлены в рамках инициативы «Глобальный доступ к вакцинам от COVID-19» и Африканского трастового фонда по приобретению вакцин Африканского союза), то есть ему не хватает еще примерно 66 млн доз (24 млн для региона БВСА, 7 млн для

Афганистана, 21 млн для Пакистана и 14 млн для региона КЦА)¹.

Налогово-бюджетная политика требует осторожного балансирования, с тем чтобы сохранить устойчивость долговой ситуации, поддерживая при этом восстановление экономики. Странам, в которых развертывание вакцинации происходит медленными темпами, а заболеваемость растет, следует продолжить применять меры для сохранения жизней и средств к существованию. Любая дополнительная бюджетная поддержка должна быть адресована наиболее уязвимым группам и учитывать доступные бюджетные возможности. В странах, располагающих бюджетными возможностями, о предстоящей отмене мер поддержки следует четко сообщать и проводить ее постепенно, с тем чтобы избежать любых ненужных резких корректировок, которые могут создать угрозу для восстановления экономики. Странам, которые не располагают бюджетными возможностями, придется проводить корректировку, несмотря на непрочность восстановления экономики, что подчеркивает важность качества и структуры корректировки. Для того чтобы корректировка способствовала экономическому росту, меры могут быть направлены на перераспределение расходов и повышение их эффективности, отмену субсидий, приносящих выгоды богатым, сдерживание высоких уровней фонда оплаты труда и мобилизацию доходов (октябрьский выпуск доклада «Бюджетный вестник» 2021 года). Следует тщательно регулировать риски для стабилизации долговой ситуации, в том числе посредством внимательного мониторинга условных обязательств, накопленных во время пандемии (вставка 1.1). Странам — экспортерам нефти следует воспользоваться возможностью, которую создает повышение цен на нефть, чтобы

¹Указанные вакцины обеспечены в рамках двусторонних сделок, полученных пожертвований и обязательств глобальных и региональных инициатив. Эти показатели не отражают количество поставленных доз. Расчетный дефицит представляет собой количество дополнительных доз (кроме обеспеченных), необходимых для достижения первоначального целевого показателя охвата вакцинацией 60 процентов населения; расчет дефицита производился до недавнего пересмотра целевого показателя в сторону повышения до 70 процентов с учетом риска распространения новых штаммов вируса.

восстановить пространство для проведения экономической политики, стараться избегать циклических расходов в случае приостановки восстановления и направлять любые дополнительные расходы на решение более долгосрочных задач переустройства экономики.

Трудные компромиссы для денежно-кредитной политики. Перед центральными банками стоит сложная задача сдерживать повышение инфляции, при этом не создав преград для хрупкого восстановления экономики. Если инфляционные ожидания останутся зафиксированными, центральные банки смогут позволить себе не реагировать на временное инфляционное давление и избегать ужесточения политики до тех пор, пока восстановление экономики не приобретет устойчивый характер. Однако достичь фиксации инфляционных ожиданий и оценивать ее в реальном времени может быть сложно. В связи с этим, если инфляция окажется более устойчивой, центральным банкам может потребоваться повысить процентные ставки (как произошло в некоторых странах), с тем чтобы предотвратить ослабление фиксации инфляционных ожиданий. Ожидается, что адаптивность денежно-кредитной политики в странах, использующих привязку валютного курса, будет снижаться при нормализации денежно-кредитной политики в странах с развитой экономикой.

Совершенствование основ политики для облегчения компромиссов. Объем доступных возможностей для проведения политики зависит от общих основ политики, и внушающие доверие меры по их совершенствованию могут облегчить достижение некоторых компромиссов. Во-первых, бюджетные корректировки следует опираться на среднесрочный бюджетный план, в котором четко проиллюстрирована устойчивость долговой ситуации в среднесрочной перспективе, которая в свою очередь может повысить уровень доверия и снизить необходимость корректировки (октябрьский выпуск доклада «Бюджетный вестник» 2021 года, глава 2). Во-вторых, страны с более слабыми основами денежно-кредитной политики более ограничены в возможностях смягчения денежно-кредитной политики без риска дестабилизации инфляционной ситуации.

Совершенствование основ денежно-кредитной политики (в том числе посредством избежания эмиссионного финансирования бюджета) и четкое объяснение стратегий помогут смягчить этот компромисс. В-третьих, в связи с повышением рисков, связанных с долговой ситуацией и финансированием, странам следует укреплять свои стратегии управления задолженностью, в том числе за счет использования текущих благоприятных условий для репрофилирования задолженности, расширения базы инвесторов и развития внутренних рынков капитала (апрельский выпуск доклада «Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2021 года).

Тщательная настройка мер финансовой политики. В зависимости от динамики восстановления экономики и масштаба мер поддержки, может потребоваться реструктуризация или ликвидация от 15 до 25 процентов компаний региона (глава 3). В связи с этим постепенное сворачивание поддержки финансового сектора по-прежнему играет важную роль в предотвращении дефолтов, которые помешали бы восстановлению частного сектора, занятости и финансовой стабильности. С учетом ограниченных бюджетных возможностей экстренные меры следует все в большей степени адресовать испытывающим финансовые трудности, но жизнеспособным компаниям и секторам. Надлежащие системы финансовой защиты, в том числе оздоровление банков и системы страхования вкладов, будут способствовать предотвращению рисков для финансовой стабильности. Следует сохранить поддержку кредитования частного сектора и проводить мониторинг позиций банков по суверенным обязательствам (апрельский выпуск доклада «Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2021 года). В долгосрочной перспективе укрепление механизмов регулирования вопросов неплатежеспособности и развитие внутренних рынков капитала и долговых инструментов будут способствовать адаптации корпоративного сектора.

Направленные в будущее меры политики в отношении рынка труда. Улучшение возможностей обучения и профессиональной подготовки,

а также стимулирование найма будут содействовать перетоку работников в сектора, в которых расширяются возможности трудоустройства, и окажут поддержку переходу к экономике после COVID-19 (глава 2). Страны, которые реализовали программы сохранения рабочей силы (например, Азербайджан, Египет и Иордания), помогли предотвратить резкое повышение безработицы в период развития кризиса; когда восстановление экономики наберет обороты, этим странам следует свернуть эти программы, стимулировать возвращение к активному поиску работы и вновь привлечь на рынок труда людей, потерявших работу. В странах, обладающих бюджетными возможностями, могут применяться меры поддержки создания рабочих мест, например, тщательно продуманное, временное и целенаправленное субсидирование найма. Странам также необходимо провести структурные реформы, с тем чтобы стимулировать официальную занятость и занятость молодежи и женщин, а также повысить мобильность трудовых мигрантов.

Поддержка со стороны МВФ и распределение специальных прав заимствования (СДР).

МВФ, который уже оказал поддержку своим государствам-членам в регионе в виде предоставления финансирования в объеме 20 млрд долларов США с начала пандемии, продолжает координировать деятельность с другими региональными и международными организациями, с тем чтобы помочь странам успешно проложить курс к более прочному и устойчивому восстановлению экономики. Кроме того, совместно со Всемирным банком МВФ оказал помощь в реализации Инициативы о приостановлении выплат в счет обслуживания долга Группы 20-ти и Парижского клуба кредиторов, а также поддержал Общую основу условий в отношении долга, которая содействует решению острых проблем, связанных с государственным долгом. В настоящее время МВФ проводит пересмотр своей общей стратегии для УКС, в которой будет четко сформулировано, каким образом основные компетенции, мандат и инструменты МВФ могут быть задействованы для оказания помощи уязвимым и пострадавшим от конфликтов странам. В ней также будет разъяснено, как механизмы взаимодействия могут быть более эффективно

адаптированы к особым потребностям УКС, и прописано, как МВФ может внести свой вклад и взаимодействовать с другими партнерами.

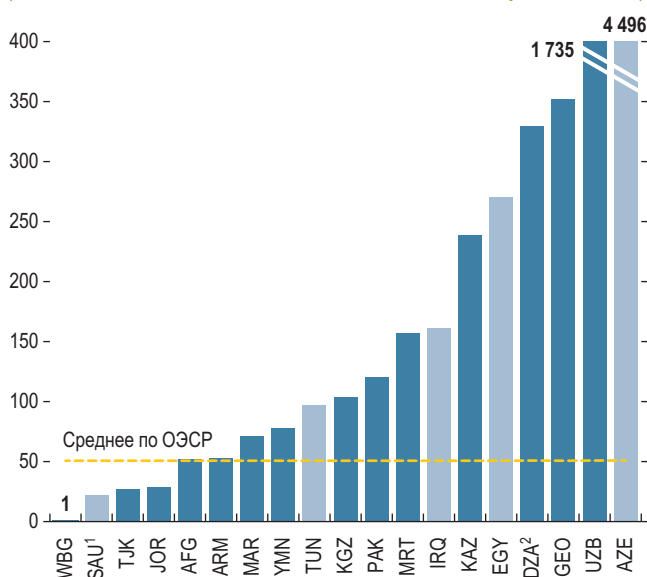
Общее распределение СДР 2021 года, крупнейшее в истории МВФ, вступило в силу в августе, увеличив размер резервных активов региона на 49,3 млрд долларов США. В период, когда многие страны сталкиваются с непростым выбором между удовлетворением первоочередных потребностей в расходах на здравоохранение и социальных расходах, более общей поддержкой своей экономики и выполнением обязательств по внешним займам, распределение СДР должно смягчить некоторые из этих ограничений и помочь им в принятии более адекватных компромиссных решений. Для того чтобы СДР принесли максимальную пользу, решения относительно их наиболее эффективного использования должны быть осмотрительными, обоснованными и соответствующими задачам обеспечения макроэкономической устойчивости и прозрачности.

Инвестиции в будущее, чтобы стать сильнее

Перед регионом стоят давно существующие структурные задачи, и с началом пандемии они проявились особенно отчетливо. Если их не решить, эти проблемы останутся факторами уязвимости в мире после пандемии. Однако кризис также дает надежду на восстановление экономики на новом уровне, которое приведет к новой модели развития, способствующей укреплению экономического роста и выведению региона на траекторию более устойчивого и инклюзивного развития экономики.

Переосмысление роли государства, укрепление динамичности частного сектора и усиление социальной защиты. Вмешательство государства во время пандемии помогло смягчить последствия кризиса для здравоохранения и социальной сферы. Сейчас удачный момент для того, чтобы развить эти результаты и провести пересмотр социальных контрактов в целях их переориентации на сферу здравоохранения и образования, повышения качества и охвата систем социальной защиты, а также

Рисунок 1.10 Государственные предприятия в странах БВ и ЦА
(Количество, данные за 2019 год или последние доступные данные)

Источник. ОЭСР, официальные органы стран и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации. ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития.
Заштрихованные столбцы представляют альтернативные источники данных.
¹Отчетность по Саудовской Аравии ограничивается портфелем организации в ведении учреждения, представляющего отчетность, и поэтому не могут считаться в полной мере репрезентативной в отношении национальной совокупности ГП.
²Численность ГП в Алжире представляет ГП с долей государственной собственности от 90 до 100 процентов.

переоценки роли и эффективности существующих субсидий. При этом основательная переоценка конечных целей государственных предприятий, которые играют значительную роль в регионе, и их системы управления, а также реформа регулирования, направленная на повышение конкуренции, имеют критически важное значение для выявления и снижения бюджетных рисков наряду со стимулированием инноваций и роста в частном секторе (см. Rigo et al., 2021). Реформы рынка труда могут оказать поддержку данному процессу посредством уменьшения чрезмерной защиты рабочих мест в государственном секторе и поддержки создания качественных рабочих мест в частном секторе (см. главу 2). Совершенствование механизмов борьбы с коррупцией также поможет заложить основы для более устойчивого экономического роста (см Jarvis et al., 2021).

Использование формирующихся глобальных тенденций. Важно позаботиться о том, чтобы регион не остался позади важных глобальных тенденций и использовал новые возможности для роста. Многие страны региона воспользовались кризисом как возможностью ускорить эти тенденции. Например, в Марокко была создана централизованная система цифровой регистрации вакцинированных граждан и запущен единый интернет-портал для более эффективной адаптации оказания государственных услуг к потребностям граждан, повышения прозрачности и содействия увеличению эффективности. Цифровые решения также использовались для охвата работников неформального сектора в Египте. В июле Центральный банк Туниса провел эксперимент с Банком Франции по трансграничному переводу оптовой цифровой валюты центрального банка, а центральные банки ОАЭ и Саудовской Аравии реализовали аналогичную совместную инициативу в рамках проекта Aber. Такие альтернативные каналы трансграничных переводов обладают потенциалом повысить прозрачность, увеличить скорость и снизить стоимость трансграничных операций, оказывая опосредованное воздействие на экономическую активность и еще больше расширяя участие диаспор в национальной экономике. Опираясь на антикризисные меры, странам следует инвестировать в цифровые технологии и инфраструктуру для более эффективного выявления уязвимых групп населения, оказания поддержки, повышения финансовой интеграции населения и активизации новых возможностей экономического роста и занятости.

Адаптация к изменению климата, сокращение выбросов и диверсификация экономики. Несмотря на наличие национальных стратегий в отношении климата в ряде стран (например, в Египте, ОАЭ и Саудовской Аравии), многие страны региона находятся на начальном этапе разработки национальных планов адаптации к изменению климата, и эти усилия необходимо активизировать. Сотрудничество в регионе может подкрепить принимаемые на национальном уровне меры по адаптации к изменению климата, сокращению выбросов и управлению рисками переходного периода, обеспечивая возможности для «зеленых» инвестиций и создания рабочих мест (вставка 1.3).

Вставка 1.1. БВ и ЦА. Среднесрочные риски для стабилизации долговой ситуации

Вследствие шока, вызванного пандемией COVID-19, в регионе БВ и ЦА повысился уровень бюджетного дефицита и отношения государственного долга к ВВП, что привело к ухудшению перспектив стабилизации долговой ситуации в нескольких странах¹. Важно отметить, что на основе анализа с использованием Основы обеспечения стабильности суверенного риска и долга, нового инструмента МВФ для построения веерных диаграмм по показателям долга, большинство стран БВ и ЦА сталкиваются с возросшей вероятностью того, что долговая ситуация не стабилизируется на протяжении трехлетнего периода по сравнению с уровнями, существовавшими до COVID-19 (вставка, рис. 1.1.1). Примечательно, что, как ожидается, для некоторых стран с формирующимся рынком (СФР), особенно участвующих в программах, поддерживаемых МВФ, вероятность того, что долговая ситуация не стабилизируется, понизится благодаря среднесрочным механизмам, предусматриваемым этими программами.

Эти прогнозы подчеркивают необходимость осмотрительных и в то же время неотложных действий в налогово-бюджетной сфере. Вероятность недостижения стабилизации долга была высокой (в среднем 44 процента по выборке стран БВ и ЦА) еще до пандемии COVID-19 и еще больше повысилась после начала пандемии, в результате чего страны остались без бюджетных возможностей, которые необходимы для амортизации дополнительных шоков. Разбивка прогнозируемых в среднесрочной перспективе потоков долговых обязательств показывает, что для снижения задолженности до уровней, существовавших до пандемии COVID-19, в течение более десяти лет будет требоваться более значительная бюджетная корректировка (чем предусматривалась до COVID-19) (см. октябрьский выпуск доклада «Бюджетный вестник» 2021 года, глава 2). Однако даже эти прогнозы могут оказаться оптимистичными, поскольку в их основе лежит ряд благоприятных базовых допущений (вставка, рис. 1.1.2). В частности,

1. В рамках базового прогноза ожидается, что страны БВ и ЦА выиграют от значительных отрицательных дифференциалов между процентными ставками и темпами роста, которые аналогичны среднему показателю до COVID-19, а в некоторых случаях превышают его (вставка, рис. 1.1.3). При этом очевидно, что риски снижения темпов роста сейчас находятся на повышенном уровне вследствие новых волн пандемии COVID-19 и среднесрочных «шрамов», а также в случае резкого повышения мировых процентных ставок и связанных с этим значительных потребностей в финансировании.
2. Существенное сокращение задолженности, которое предполагается для СФР, зависит от решительной бюджетной корректировки в среднесрочной перспективе. Однако общественно-политическая осуществимость этих мер может оказаться под вопросом в условиях неустойчивого и тягостного высоким уровнем безработицы восстановления экономики (вставка, рис. 1.1.2).
3. Во время пандемии во многих странах оказывалась чрезвычайная финансовая поддержка посредством внебюджетных мер и квазифискальных операций, в том числе через государственные предприятия (см. Rigo et al., 2021). Материализация этих условных обязательств может усугубить вышеупомянутые факторы.

Вставку подготовили Таннус Касс-Ханна, Лоренс Нортон, Сидра Рехман и Сучанан Тамбунлертчай; помощь в проведении исследований оказали Кейт Нгуэн, Джонатан Саалфид и Ахмад Джавед Сакхи. Руководитель проекта Али Аббас.

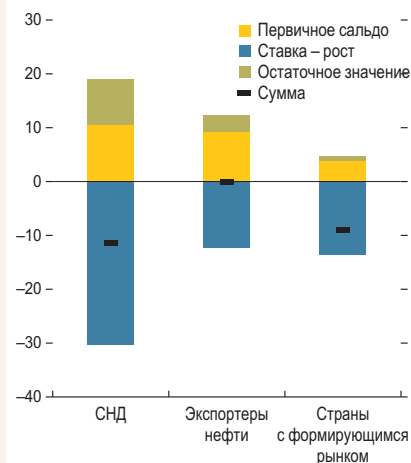
¹В данной вставке не учитываются Афганистан, Западный берег и сектор Газа, Ливан, Ливия, Сирия, Сомали, Судан и Узбекистан.

Вставка, рисунок 1.1.1. Вероятность отсутствия стабилизации долговой ситуации [Долг (2024) > Долг (2023)]

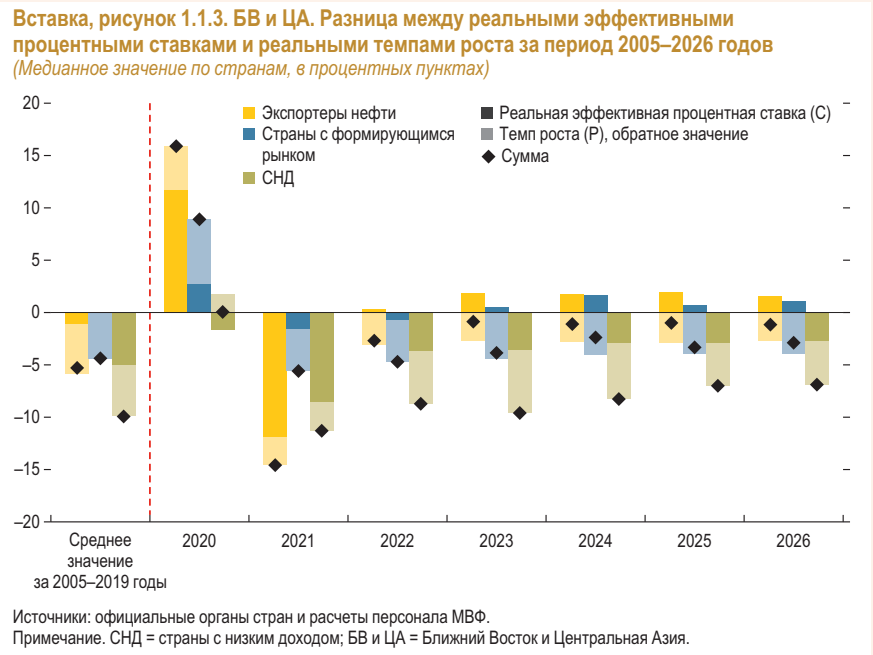
Источники: официальные органы стран и расчеты персонала МВФ.
Примечание. СНД = страны с низким доходом.

Вставка, рисунок 1.1.2. Разбивка совокупных изменений долга с конца 2020 года по конец 2026 года

Источники: официальные органы стран и расчеты персонала МВФ.
Примечание. СНД = страны с низким доходом; Ставка – рост (C-P) = реальная процентная ставка минус реальные темпы роста экономики.

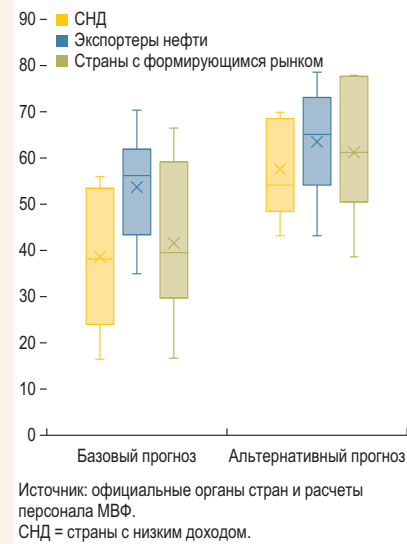
Вставка 1.1 (окончание)

Вероятность отсутствия стабилизации долговой ситуации еще выше в неблагоприятном сценарии, в котором «проверяются» эти базовые допущения. Альтернативный сценарий предполагает (в течение 2022–2026 годов) i) повышение реальных эффективных процентных ставок на 150 базисных пунктов; ii) предельное значение годового прогнозируемого роста в каждой стране на уровне среднего значения реального роста в период 2001–2019 годов; iii) снижение первичного сальдо на 1 процент ВВП для СФР — экспортеров нефти и 0,5 процента ВВП для стран с низким доходом (СНД) для корректировки возможной оптимистичности среднесрочных фискальных параметров; iv) ежегодную материализацию условных обязательств еще на 1 процент ВВП для учета явных и неявных государственных гарантий по задолженности частного сектора и государственных предприятий (ГП). В рамках альтернативного сценария вероятность отсутствия стабилизации долговой ситуации значительно возрастает, особенно для СФР и СНД (вставка, рис. 1.1.4).

В связи с этим необходимо сохранять бдительность и зафиксировать в вызывающем доверие среднесрочном бюджетном плане возможность бюджетной корректировки, когда начнется экономический подъем. Меры по укреплению институтов повысят доверие к среднесрочной корректировке, которая поможет зафиксировать ожидания и продемонстрирует приверженность осмотрительной налогово-бюджетной политике, в том числе тщательному учету в бюджете возможных рисков для государственного баланса, связанных с ГП и другими условными обязательствами. С учетом высоких уровней задолженности для сохранения возможностей осуществления критически важных расходов также потребуются ускоренные структурные реформы, направленные на усиление экономического роста, стратегии управления долгом для снижения рисков ослабления уверенности вследствие краткосрочных проблем финансирования, а также дополнительное финансирование посредством грантов и льготное финансирование со стороны партнеров по развитию.

Вставка, рисунок 1.1.4. Вероятность отсутствия стабилизации долга в базовом и альтернативном сценарии

Вставка. 1.2. Внешние последствия кризиса в Афганистане

Ожидается, что кризис в Афганистане повлечет за собой серьезные последствия для экономики и безопасности в регионе и за его пределами. Он вызвал волну внутренних перемещений и может спровоцировать наплыв беженцев в соседние страны, Турцию и Европу. Несмотря на ограниченные финансовые вторичные эффекты, ожидается рост трансграничной торговли за наличный расчет. Нарушение экспорта в Афганистан может иметь макроэкономические и социальные последствия в некоторых соседних странах. Помимо экономических вторичных эффектов, опасения относительно негативных последствий для безопасности в регионе могут оказать отрицательное влияние на склонность к риску и перспективы роста.

Афганистан испытал многочисленные шоки после возвращения к власти Талибана. В связи с прекращением помощи негуманитарного характера и заморозкой большей части иностранных активов экономика Афганистана, которая зависит от внешней помощи, погрузилась в тяжелый бюджетный кризис и кризис платежного баланса. Дефицит наличных средств и прекращение корреспондентских банковских отношений нанесли урон афганским банкам. Эти шоки могут стать причиной сокращения объема производства до 30 процентов в связи с падением импорта, ослаблением курса афгани и ускорением инфляции. Связанное с этим падение уровня жизни грозит ввергнуть миллионы людей в бедность и может привести к гуманитарному кризису.

Кризис вызывает рост числа афганских беженцев. На конец 2020 года в Афганистане насчитывалось 3,5 млн внутренних перемещенных лиц и почти 3 млн афганских беженцев находилось в других странах мира, половина из них в Пакистане. Если допустить, что 1 млн афганцев покинет страну и обоснуется в других государствах пропорционально нынешней численности в них афганских беженцев, годовые затраты на размещение новых беженцев составят от 100 млн долларов США в Таджикистане (1,3 процента ВВП) до примерно 300 млн долларов США в Иране (0,03 процента ВВП) и более полутора миллиарда долларов США в Пакистане (0,2 процента ВВП)¹. Большой наплыв беженцев может вызвать нагрузку на государственные ресурсы в странах, принимающих беженцев, усилить давление на рынок труда и привести к социальной напряженности, что говорит о необходимости помощи со стороны международного сообщества.

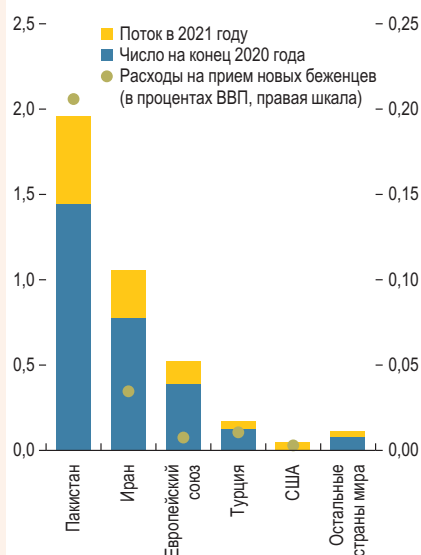
Экспорт в Афганистан имеет важное значение с макроэкономической и социальной точки зрения для Ирана, Пакистана, Туркменистана и Узбекистана. Он составляет 4–8 процентов экспорта этих стран, хотя его доля в национальной экономике достаточно невелика. Несмотря на то, что макроэкономическое влияние сокращения экспорта в Афганистан представляется преодолимым, скорее всего, возникнут значительные секторальные и социальные последствия. В экспорте преобладают сельскохозяйственная продукция и основные потребительские товары, топливо и сырье, в производстве и распространении которых заняты уязвимые группы населения, такие как фермеры и мелкие торговцы.

Несмотря на ограниченные финансовые вторичные эффекты, учитывая незначительный объем кредитования небольшого банковского сектора Афганистана иностранными финансовыми организациями, трансграничные потоки наличных денежных средств могут увеличиться. Поскольку Афганистан получает большие объемы финансирования от доноров, в последние годы наблюдался значительный трансграничный поток наличных денежных средств, при этом долларовые банкноты вывозились из Афганистана в рамках законной торговли и, возможно, незаконных потоков. Этот трансграничный поток денежных средств, скорее всего, увеличится, вызывая новые опасения в части борьбы с отмыванием денег и пресечения финансирования терроризма, но теперь, когда Афганистан сам испытывает дефицит иностранной валюты, его чистое сальдо может изменить значение. Кроме того, для торговли в приграничных регионах могут начать использоваться пакистанская рупия и иранский риал.

Вставку подготовили Армин Хачатрян (под рук. ЕВР), Мохамед Джабер и Хесус Санчес. (оба из БЦД) под руководством Азима Садькова.

¹См. Camarota (2015) and Richwine et al. (2020).

Вставка, рисунок 1.2.1. Афганские беженцы и ходатайствующие о получении убежища
(В млн человек)

Источники: УВКБ ООН, новостные сообщения по странам и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Прогнозы персонала МВФ основаны на данных УВКБ ООН и новостных сообщениях по странам. Для иллюстрации предполагается, что количество афганских беженцев составит 1 млн человек и они будут распределены по принимающим странам пропорционально нынешней численности в них афганских беженцев.

Вставка 1.3. Проблема изменения климата в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии

Изменение климата. К 2050 году, даже при значительном сокращении мировых выбросов, ожидается повышение средних температур во всех странах БВ и ЦА (вставка, рис. 1.3.1). Вследствие менее обильных и более непредсказуемых осадков усугубится проблема дефицита водных ресурсов. Кроме того, повышение уровня моря и увеличение частоты стихийных бедствий, связанных с погодными явлениями, будет ощущаться неравномерно, при этом наиболее существенному влиянию подвергнутся сообщества, которые зависят от сельского хозяйства. Уязвимые и пострадавшие от конфликтов страны входят в зону риска ввиду низкого институционального потенциала, недостаточного развития инфраструктуры, ограниченности систем социальной защиты и других факторов.

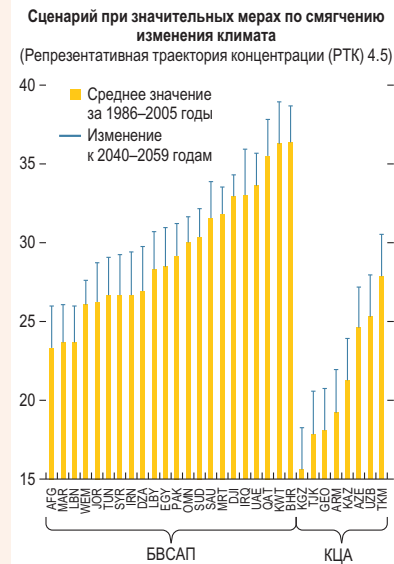
Адаптация к изменению климата. Большинство стран еще не провели оценку расходов на адаптацию к изменению климата или не установили приоритеты мер политики по адаптации. Для обеспечения финансирования мер по адаптации странам потребуется восполнить пробелы в данных об эффективности инвестиций, мобилизовать внутренние ресурсы и обратиться за поддержкой из двусторонних и многосторонних источников финансирования. «Зеленые» облигации, которые выпускаются для финансирования конкретных проектов в области климата и окружающей среды, могут способствовать привлечению ресурсов на цели адаптации.

Смягчение изменения климата. На регион приходится небольшая, но растущая доля выбросов парниковых газов (примерно 10 процентов), при этом значительный вклад вносят всего несколько стран. Многие страны обозначили свои цели по смягчению изменения климата в рамках Парижского соглашения 2015 года, при этом значительные сокращения выбросов нередко предусматриваются при условии получения внешней поддержки. Для достижения этих целей к 2030 году необходимо принять меры и осуществлять взаимодействие на региональном уровне уже сегодня. Высококачественные инвестиции в «зеленую» инфраструктуру также будут содействовать созданию «зеленых» рабочих мест и обеспечивать другие сопутствующие выгоды для качества воздуха и здоровья на местном уровне.

Переходный период. Глобальные усилия по смягчению изменения климата затронут рынки энергоносителей, оказав влияние на страны, которые зависят от поступлений от углеводородных ресурсов. Несмотря на увеличение доли нефтяных доходов этих стран (вставка, рис. 1.3.2), чтобы пройти переходный период, потребуется проведение реформ с целью ускорения диверсификации экономики и рационализации государственных расходов (Mirzoev et al., 2020). Укрепление механизмов раскрытия информации о климатических рисках будет способствовать готовности компаний и финансовых организаций к управлению рисками переходного периода.

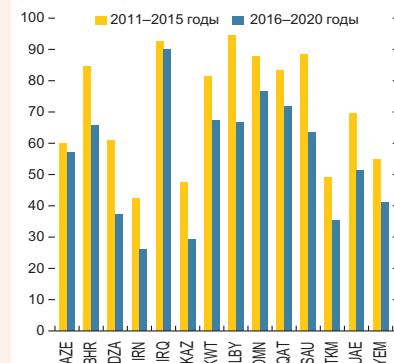
Вставку подготовил Гарет Андерсон на основе готовящейся к публикации работы “Feeling the Heat—Adapting to Climate Change in the Middle East and Central Asia” («Чувствуя зной. Адаптация к изменению климата в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии»).

Вставка, рисунок 1.3.1. Средние летние температуры в 1986–2059 годах
(В градусах Цельсия)

Источники: Climate Impact Lab и расчеты персонала МВФ. Примечание. РТК 4.5 — один из четырех сценариев траектории концентрации парникового газа, рассматриваемых МГЭИК; синие столбцы обозначают исторические средние значения летних температур за период 1986–2005 годов; красные столбцы — прогнозы изменения температуры в период 2040–2059 годов на основе медианных значений по совокупности наиболее перспективных моделей изменения климата (CMIP5).

Вставка, рисунок 1.3.2. Доля поступлений от углеводородных ресурсов в общем объеме государственных доходов стран — экспортеров нефти
(В процентах)

Источники: официальные органы стран и расчеты персонала МВФ. Примечание. Сокращенные наименования стран приведены в соответствии с кодами стран Международной организации по стандартизации. Доходы сектора государственного управления; по Азербайджану, Алжиру и Бахрейну — доходы центрального правительства.

Литература

- Camarota, S. 2015. “The High Cost of Resettling Middle Eastern Refugees.” Center for Immigration Studies (CIS), Washington, DC.
- Jarvis, C., G. Pierre, and others. 2021. “Economic Governance Reforms to Support Inclusive Growth in the Middle East, North Africa, and Central Asia.” IMF Departmental Paper No. 2021/001, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Richwine, J., S. Camarota, and K. Zeigler. 2020. “The fiscal costs of refugee resettlement, no free lunch for taxpayers.” CIS, Washington, DC, March.
- Rigo, E, C. Richmond and others. 2021. “State-Owned Enterprises in Middle East, North Africa, and Central Asia; Size, Costs, and Challenges.” IMF Departmental Paper No. 2021/019, International Monetary Fund, Washington, DC.

2. Проблемы на рынке труда в ходе пандемии, роль неформальности и перспективы

Шок, вызванный COVID-19, усугубил и без того колоссальные проблемы на рынке труда в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии (БВ и ЦА). Потери рабочих мест в большинстве стран в 2020 году были беспрецедентными по своим размерам, охвату и скорости. Поскольку наиболее пострадали низкоквалифицированные работники, молодежь, женщины, рабочие-мигранты и занятые в неформальном секторе, пандемия оказала непропорционально значительное воздействие на самые незащищенные группы населения. Эмпирический анализ показывает, что чувствительность рынков труда к объему производства в данном регионе обычно весьма невелика, но, несмотря на это, нанесенный пандемией тяжелый удар по росту ВВП в регионе причинил значительный ущерб рынкам труда. Столь слабая чувствительность связана с широко распространенной неформальностью и другими институциональными особенностями, указывающими на то, что при отсутствии реформ многим странам для снижения уровня безработицы потребуется очень активный рост. Эти выводы подчеркивают необходимость структурных реформ, делающих рынки труда более чувствительными к росту экономики, таких как сокращение неформальности, рационализация обширной занятости в государственном секторе и устранение препятствий в сфере регулирования на рынках продукции и труда. По мере укрепления восстановления страны должны перейти от поддержания занятости к содействию перераспределению, что может ограничить эффекты «щрамов» или гистерезиса, утрату навыков и устойчивое усиление неравенства.

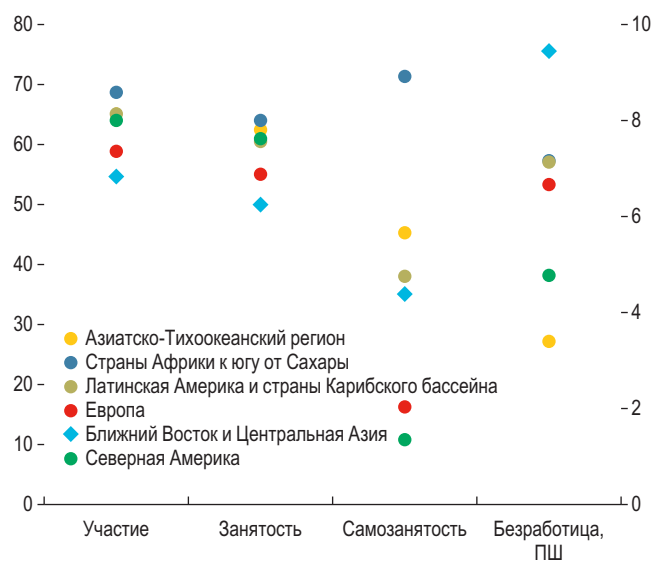
Исторически сложившиеся проблемы на рынке труда в начале пандемии

На момент начала пандемии показатели рынка труда в регионе были плачевными (рис. 2.1).

Подготовили Оливье Бизимана, Родриго Гарсия-Верду, Йета Менкуласи и Сахра Сакха. Неоценимую помощь в проведении исследований оказали Ажин Ихсан Абдулкарим, Шанг Арзуманян, Башар Хлайхель и Ахмад Джавед Сакхи.

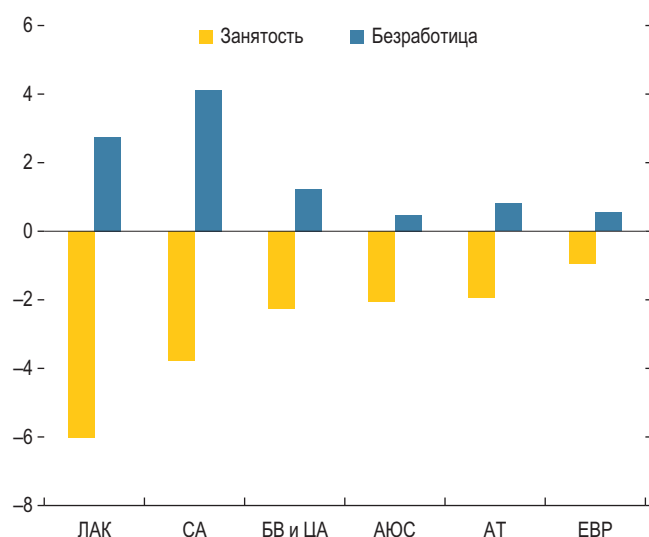
Средний уровень безработицы в регионе БВ и ЦА в 2018–2019 годах (9,4 процента) был максимальным для всех регионов мира, а доля экономически активного населения (55 процентов) была самой низкой. Данная ситуация, преобладавшая на протяжении значительной части двух последних десятилетий, указывает на то, что в данном регионе одно из наиболее низких в мире соотношение уровня занятости и численности населения трудоспособного возраста. Несмотря на то, что уровни образования имеют тенденцию к росту (Assaad et al., 2018; Purfield et al., 2018), участие женщин в рабочей силе в 2018–2019 годах сохранялось на уровне около 33 процентов по сравнению с 53 процентами в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и 54 процентами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время средний уровень безработицы среди женщин и молодежи, уже выражавшийся двузначными числами, вырос в последнее десятилетие, что является тревожной тенденцией для этого региона. Неформальная занятость, косвенным показателем которой является самозанятость, в 2018–2019 годах составляла 35 процентов от общего уровня занятости и почти 50 процентов в странах региона БВ и ЦА с низким доходом (наиболее высокие показатели отмечались в Йемене, Сомали и Судане). Столь высокие уровни неформальности говорят о том, что многие работники не охвачены или слабо охвачены социальной защитой или пособиями по безработице, а это подрывает инклюзивность на рынке труда. Однако за этими показателями скрываются различия в регионе БВ и ЦА. Например, в начале пандемии уровень безработицы в субрегионе Кавказа и Центральной Азии (КЦА) в среднем был ниже, чем в регионе Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и Пакистана (БВСАП) — в 2018–2019 годах уровень безработицы в первом составлял 7,9 процента, а во втором — 9,9 процента (10,2 процента в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА)). При этом доля работников в неформальном секторе (в общей численности занятых) в среднем была выше в КЦА, чем в БВСАП.

Рисунок 2.1. Показатели рынка труда: 2018–2019 годы
(В процентах, левая шкала и правая шкала)

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки Международной организации труда и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Безработица — уровень безработицы, участие — уровень участия в рабочей силе, уровень занятости — отношение занятости к численности населения трудоспособного возраста, самозанятость — самозанятость в процентах от общей занятости. ПШ = правая шкала.

Рисунок 2.2. Показатели рынка труда во время пандемии по регионам
(В процентных пунктах, изменение по сравнению с 2018–2019 годами)

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки Международной организации труда и расчеты персонала МВФ.
Примечание. Занятость — отношение занятости к численности населения трудоспособного возраста. Занятость и безработица — среднее изменение указанной переменной в странах региона, рассчитанное относительно ее среднего значения в 2018-2019 годах. АТ = Азиатско-Тихоокеанский регион; ЕВР = Европа; ЛАК = Латинская Америка и Карибский бассейн; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; СА = Северная Америка; АЮС = страны Африки к югу от Сахары.

Беспрецедентное воздействие пандемии на рынки труда

Пандемия нанесла тяжелый удар по рынкам труда во всем мире и в регионе БВ и ЦА. Средний уровень безработицы в регионе вырос с 9,4 процента до кризиса (средний показатель за 2018–2019 годы) до 10,7 процента в 2020 году, что стало вторым крупнейшим повышением на региональном уровне после Северной и Южной Америки (рис. 2.2). За счет потери работниками своих мест или их выхода из состава рабочей силы уровень занятости в регионе снизился, согласно оценкам, на 8 миллионов человек, или, пропорционально численности населения трудоспособного возраста, на 2,2 процентного пункта; это снижение также является вторым крупнейшим после Северной и Южной Америки.

Воздействие пандемии на рынки труда в регионе БВ и ЦА было беспрецедентным по своему масштабу (таблица 2.1)¹. В стране с медианным

¹Это справедливо также для региона БВСА при сравнении воздействия пандемии на рынки труда с воздействием «Арабской весны».

показателем рост уровня безработицы в 2020 году был грандиозным по сравнению с тем, который отмечался во время мирового финансового кризиса и шока цен на нефть 2014–2015 годов. Кроме того, как никогда ранее упал уровень участия в рабочей силе, вероятно, в связи с тщетными поисками работы на фоне введения режимов самоизоляции и социального дистанцирования. Также в этот раз намного сильнее снизились показатели отработанного времени и занятости².

Анализ высокочастотных данных подтверждает исключительный характер воздействия пандемии и подчеркивает его уникальную скорость (рис. 2.3). Почти во всех странах БВСАП и КЦА, для которых имеется ежеквартальная статистика рынка труда, снижение занятости в начале пандемии было беспрецедентным по сравнению со снижением, зарегистрированным во время

²Все приведенные в данном тексте выводы остаются неизменными при использовании среднего показателя для региона вместо медианного.

Таблица 2.1. Показатели рынка труда во время COVID-19 по сравнению с глобальными шоковыми событиями

	До МФК	МФК	До шока цен на нефть	Шок цен на нефть	До COVID	COVID
Уровень безработицы	9,3	9,0	9,1	9,6	9,0	10,2
Доля экономически активного населения	50,3	49,9	49,5	49,6	49,7	48,1
Соотношение уровня занятости и численности населения трудоспособного возраста	45,3	44,6	44,5	43,8	43,5	41,5
Отношение общей продолжительности рабочего времени в неделю ¹	42,1	42,2	42,1	42,1	41,6	40,3

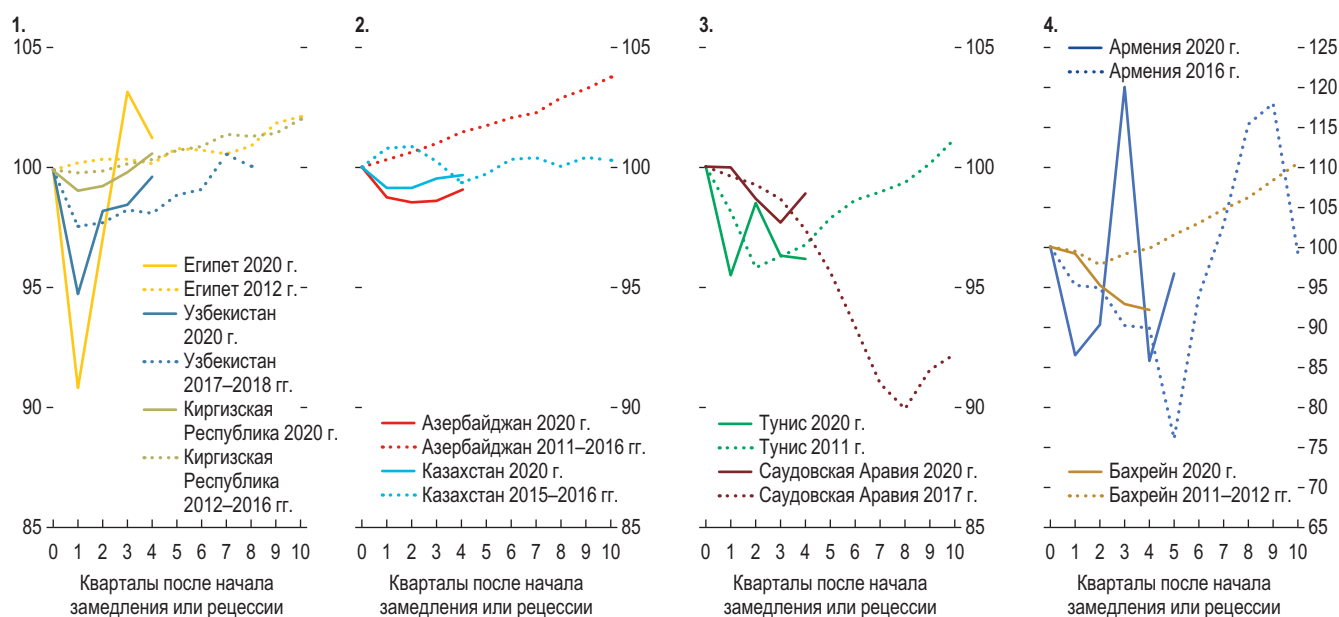
Источники: ILOSTAT, смоделированные оценки МОТ и расчеты персонала МВФ.

Примечание. Все значения медианные. Все значения в процентах, если не указано иное. Докризисный период определяется как два года до каждого эпизода кризиса. COVID охватывает 2020 год, нефтяной шок — 2014–2015 годы и мировой финансовый кризис (МФК) — 2008–2009 годы.

¹Отношение общей продолжительности рабочего времени в неделю к численности населения в возрасте 15–64 лет.

Рисунок 2.3. Квартальная динамика занятости в отдельных странах во время предыдущих спадов и шока, вызванного COVID-19

(Индекс: квартал до начала замедления роста или рецессии = 100)

Источник: расчеты персонала МВФ на основе данных, представленных официальными органами стран.

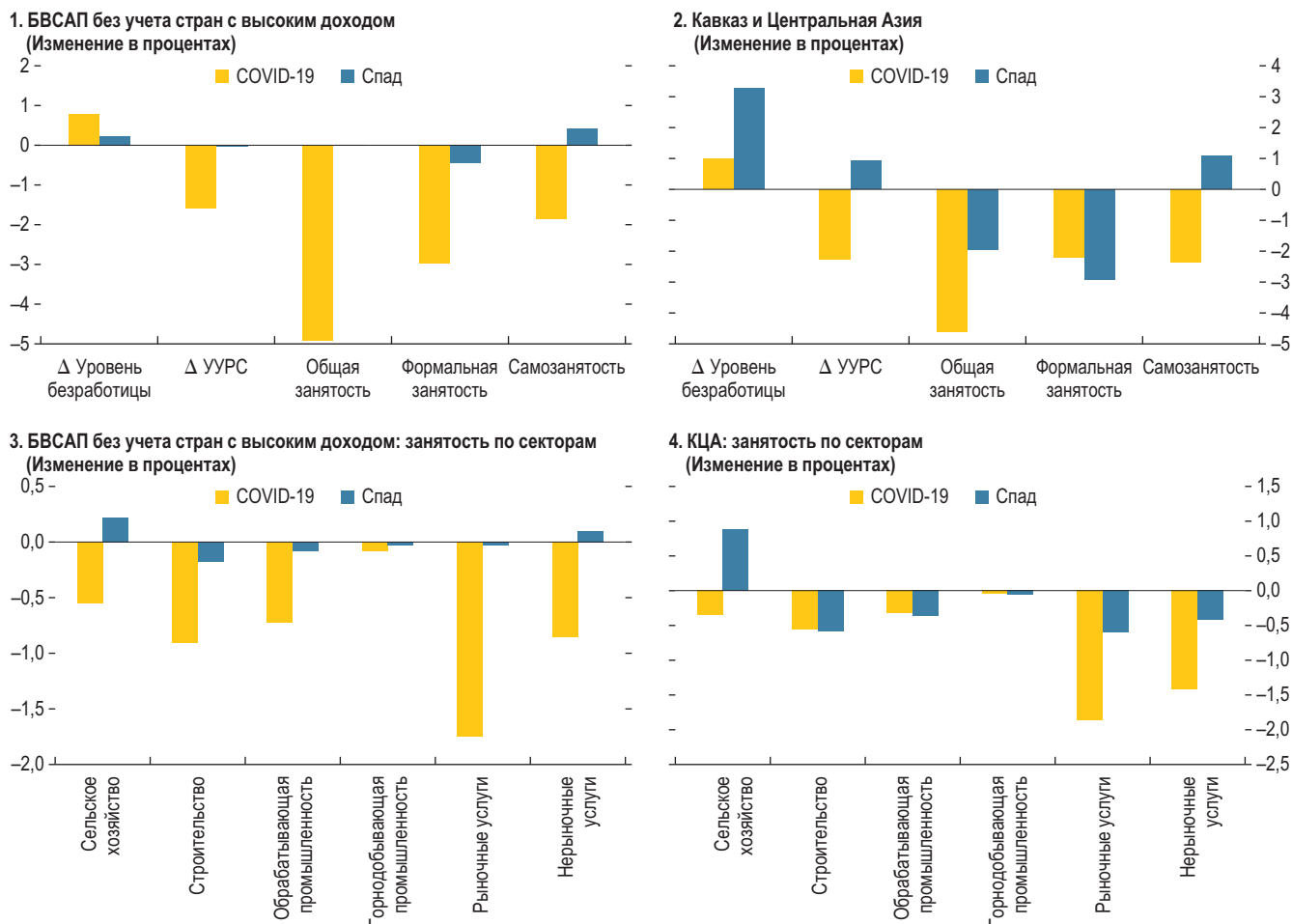
предыдущих периодов рецессии или замедления³. Хотя в некоторых странах, похоже, отмечалось активное восстановление во второй половине 2020 года и в первом квартале 2021 года (например, Египет, Кыргызская Республика и Узбекистан (рис. 2.3, панель 1), в большинстве стран уровень занятости по-прежнему ниже, чем до пандемии (рис. 2.3, панели 2–4).

³В целях обеспечения устойчивости для определения рецессии или замедления используются три альтернативных критерия. Периоды замедления или рецессии, показанные в сравнении с 2020 годом, — это случаи совпадения этих трех критериев. Дополнительную информацию см. в онлайн-приложении 2.1.

Еще одной новой особенностью вызванного пандемией кризиса является ликвидация традиционной закономерности, что неформальность выполняет роль буфера (анализ контрциклическости неформальности см. в Loayza and Rigolini, 2011). В отличие от предыдущих периодов экономического спада, когда неформальный сектор предоставил альтернативную возможность занятости работникам, потерявшим работу в формальном секторе, в 2020 году самозанятость в БВСАП и КЦА упала (рис. 2.4)⁴. Эта необычная реакция связана с исключительным характером

⁴В онлайн-приложении 2.2 приводятся подробности исследования событий, на котором основан рисунок 2.4.

Рисунок 2.4. Рынок труда в периоды спада и шока, вызванного COVID-19

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки Международной организации труда и расчеты персонала МВФ. Примечание. Данные исследований событий приводятся за 1990–2019 годы. Периоды спада и роста рассчитываются с использованием всех лет и стран, по которым имеются данные о ВВП. Неформальная занятость представлена в виде самозанятости. Формальная занятость измеряется как общая занятость без учета самозанятости. Статистические данные о занятости соответствуют центрированному росту и вкладам в рост в разбивке по статусу (формальная и неформальная занятость) и сектору соответственно. Данные за 2020 год представлены МОТ (2021). БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан, ДЭАН = доля экономически активного населения, КЦА = Кавказ и Центральная Азия, Δ = изменение.

данного шока и радикальными мерами, принятыми для сдерживания распространения вируса. И действительно, меры самоизоляции и социального дистанцирования привели к закрытию многих предприятий, затронув работников неформального сектора, многие из которых заняты в контактостемких отраслях сферы услуг. В БВСАП и КЦА уровень занятости в сфере рыночных услуг (включая торговлю, транспорт, проживание и питание), где неформальность широко распространена, упал в 2020 году, хотя он был устойчив в периоды спада в прошлом. Уровень занятости в сельском хозяйстве, где

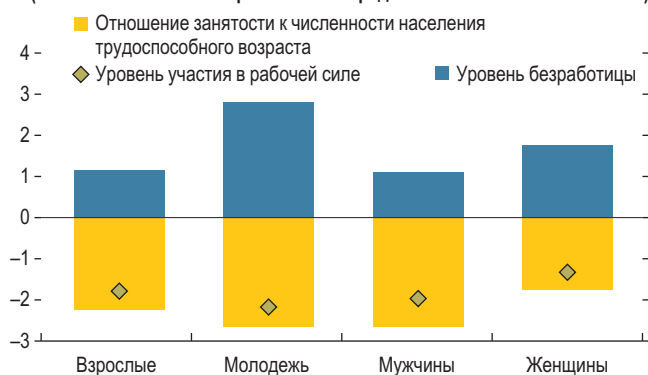
преобладает неформальность, снизился в 2020 году в субрегионах БВСАП и КЦА, хотя он был контрциклическим в периоды спада в прошлом.

Неравномерное воздействие пандемии в регионе

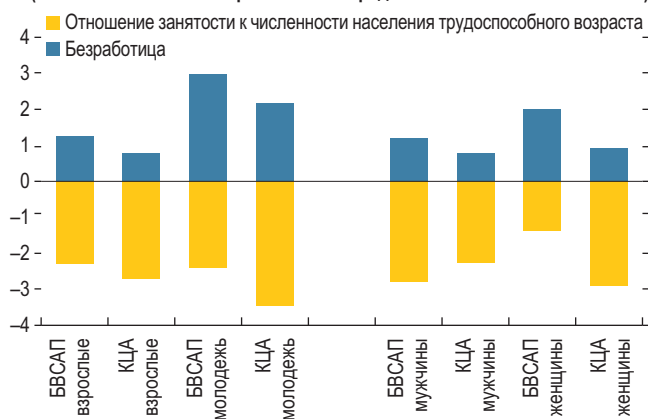
Воздействие шока было неодинаковым в разных группах стран в регионе БВ и ЦА. Например, средний уровень безработицы относительно показателей 2018–2019 годов больше вырос в БВСАП, чем в КЦА — на 1,3 процентного пункта в первом

Рисунок 2.5. Влияние пандемии на показатели различных демографических групп на рынке труда

1. Показатели рынка труда в БВ и ЦА по возрасту и полу (изменение в 2020 г. по сравнению со средним показателем 2018–2019 гг.)

2. Показатели рынка труда в БВ и ЦА по возрасту и полу и подрегиону (изменение в 2020 г. по сравнению со средним показателем 2018–2019 гг.)

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки Международной организации труда и расчеты персонала МВФ.

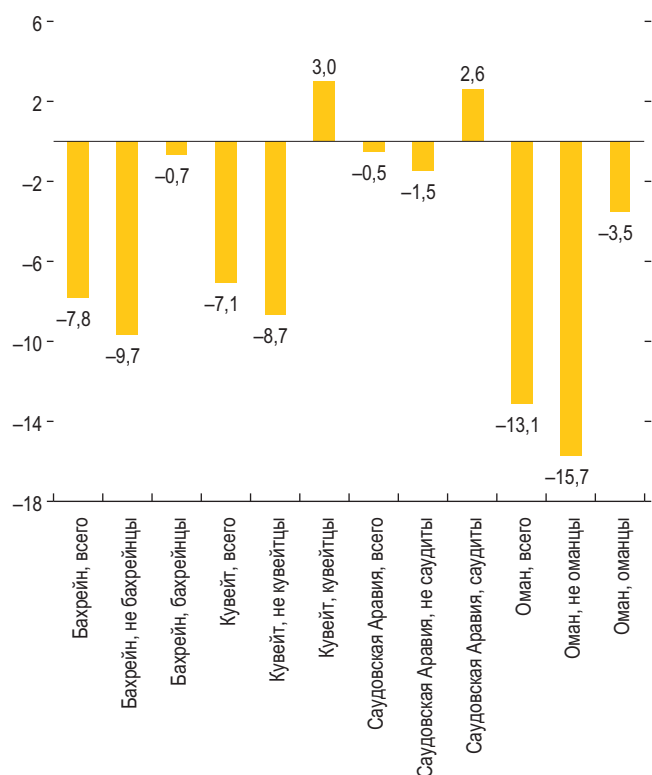
Примечание. «Изменение» означает изменение среднего значения указанной переменной по странам региона относительно среднего значения 2018–2019 годов. КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан.

(1,4 пп в БВСА) и 0,8 процентного пункта в КЦА. В БВСАП безработицы в странах Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ) беспрецедентно выросла на 3 процентных пункта до 5,4 процента в 2020 году, до максимального уровня за всю историю ССЗ, по оценкам Международной организации труда (ILO, 2021).

Воздействие пандемии на социально-экономические группы и секторы коренным образом различалось: на некоторые из них пришелся основной удар, тогда как другие пострадали меньше и, вероятно, восстанавливаются быстрее.

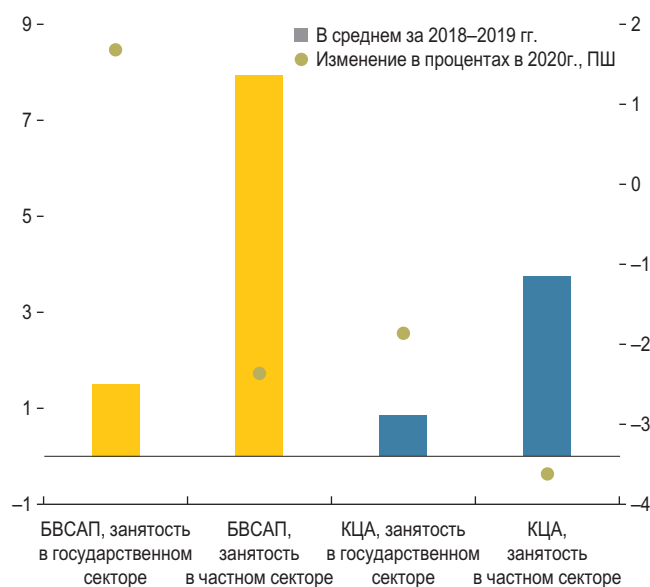
- В целом данный кризис затронул *женщин* в большей степени, чем мужчин, в связи с распределением занятости женщин по секторам и их преобладанием в сфере неоплачиваемой работы по уходу. Относительно среднего показателя 2018–2019 годов уровень безработицы среди женщин в 2020 году вырос больше, чем среди мужчин (рис. 2.5, панель 1), а уровень занятости среди женщин снизился на 6,1 процента по сравнению с 3,9 процента для мужчин. При этом соответствующее снижение отношения занятости к численности населения трудоспособного возраста было более значительным среди *мужчин*, скорее всего, в связи с меньшей представленностью женщин в рабочей силе в регионе, особенно в БВСАП (рис. 2.5, панель 2). В целом пандемия усугубила гендерное неравенство в показателях рынка труда.
- Пандемия в большей степени затронула *молодежь*, оказав более неблагоприятное воздействие на показатели рынка труда для молодежи, чем для взрослых (рис. 2.5, панель 1). В целом рост безработицы среди молодежи примерно в 2,5 раза или более превысил рост безработицы среди взрослых (рис. 2.5, панель 2).
- Пандемия не обошла стороной и *низкоквалифицированных работников*. Снижение уровня занятости среди них почти вдвое превысило аналогичный показатель для высококвалифицированных работников, что, возможно, связано с большей способностью последних работать из дома и их большей представленностью в регионах с более широким доступом к интернету. Среди низкоквалифицированных работников женщины были затронуты в непропорционально большей степени, чем мужчины.
- *Рабочие-мигранты* подверглись сильному воздействию (рис. 2.6). В странах ССЗ, в которых доля трудовых мигрантов относительно работающего населения одна из наиболее высоких в мире, произошло резкое падение занятости среди мигрантов, которое оказало неблагоприятное воздействие на их внутреннее потребление и исходящие денежные переводы.

Рисунок 2.6. Безработица по национальности работников
(В процентах, IV кв. 2020 г./ IV кв. 2019 г.)

Источник: расчеты персонала МВФ на основе данных, представленных официальными органами стран.

Рисунок 2.7. Воздействие пандемии на занятость в государственном и частном секторах
(В млн занятых работников и изменение в процентах)

Источники: база данных ILOSTAT, смоделированные оценки Международной организации труда и расчеты персонала МВФ.

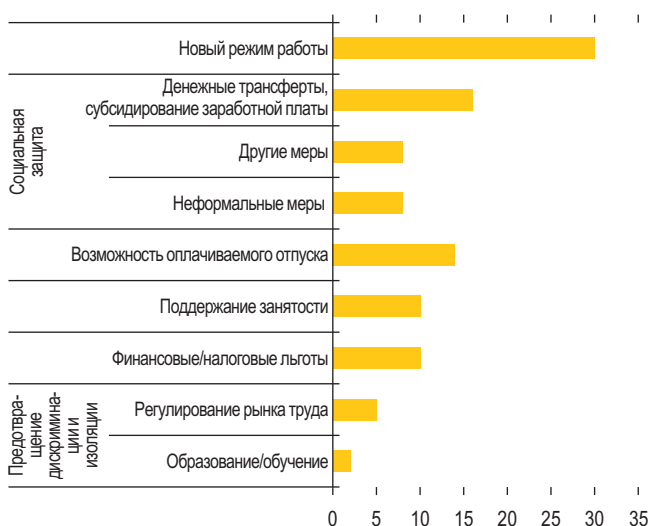
Примечание. Занятость в государственном секторе означает следующие секторы: государственное управление и оборона, здравоохранение и социальные услуги и образование. Занятость в частном секторе включает следующее: обрабатывающая промышленность, услуги, горнодобывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, транспорт, финансовая деятельность, сельское хозяйство, коммунальные услуги и недвижимость. КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан; ПШ = правая шкала.

- Снижение занятости в секторах с большим количеством контактов в 2020 году примерно втрое превысило снижение в неконтактных секторах. Концентрация женщин выше в первых, особенно в сфере услуг, поэтому занятость среди них снизилась сильнее, чем среди мужчин.
- Пандемия оказала глубокое воздействие на занятость в частном секторе в регионе (-2,5 процента) и меньшее воздействие на занятость в государственном секторе (-1,1 процента, рис. 2.7). Однако за этими средними показателями скрывается высокая степень неоднородности в странах и субрегионах; наиболее резкое снижение занятости в частном секторе отмечено в КЦА (-3,6 процента) по сравнению с БВСАП (-2,4 процента). Занятость в государственном секторе в 2020 году фактически выросла в странах БВСАП.

- Пандемия повлияла на заработную плату. С некоторыми исключениями в странах отмечено замедление роста реальной заработной платы в 2020 году по сравнению со средним показателем 2018–2019 годов.

Многие страны приняли широкомасштабные меры по оказанию поддержки компаниям и работникам (рис. 2.8). Без принятия этих мер последствия пандемии были бы более серьезными. Большинство стран оказали поддержку удаленной работе, и многие предоставили предприятиям или непосредственно работникам субсидии на выплату заработной платы (например, Иран, Казахстан и Марокко) и возможность оплачиваемого отпуска, или учредили программы поддержания занятости (например, Азербайджан, Армения, Грузия, Иордания и Саудовская Аравия). Некоторые страны приняли меры государственной поддержки,

Рисунок 2.8. Ответные меры политики на рынке труда во время пандемии в регионе БВ и ЦА
(Число стран)

Источники: инструмент отслеживания мер политики MOT и расчеты персонала МВФ.

Примечание. Ответные меры политики в странах представлены в данных категориях, которые были определены MOT. MOT = Международная организация труда; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия.

в основном посредством денежных трансфертов, для смягчения воздействия на занятых в неформальном секторе (Азербайджан, Египет, Иордания, Иран, Марокко) (Всемирный банк, 2021).

Каковы ближайшие перспективы восстановления рынка труда?

Для создания рабочих мест и снижения безработицы необходимо ускорение экономического роста, но этого недостаточно. Столь же важна реакция рынков труда на экономические колебания. Для более полного понимания того, как будет снижаться безработица при стабилизации восстановления, в настоящем разделе приводится расчет коэффициентов Оукена, измеряющих чувствительность или реакцию безработицы на изменение реального объема производства в какой-либо единице (например, доллар)⁵. Затем в данном раз-

⁵Более подробная информация представлена в онлайн-приложении 2.3.

деле рассчитываются темпы роста, необходимые для снижения уровня безработицы в ближайшей перспективе по сравнению с базовым сценарием. В нем также обсуждается вопрос о том, как пандемия могла повлиять на исторически сложившееся отношение между безработицей и объемом производства, и возможность эффектов гистерезиса, когда не все потерянные рабочие места могут быть восстановлены; оба эти вопроса влияют на скорость восстановления. Наконец, в данном разделе эмпирически определяются факторы, объясняющие разницу расчетных коэффициентов Оукена между странами для понимания того, почему одни страны активно реагируют на экономический рост, а другие нет.

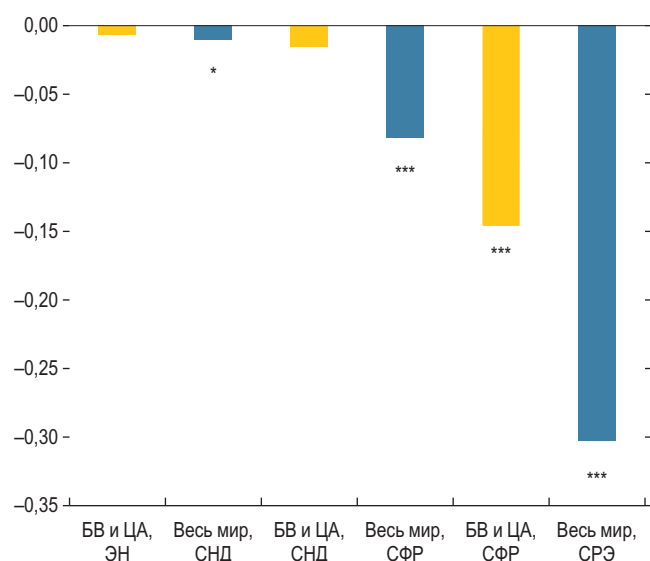
Чувствительность рынков труда к колебаниям объема производства в регионе БВ и ЦА традиционно незначительна, . . .

Как и в других развивающихся странах, рынки труда в регионе БВ и ЦА слабо реагируют на рост ВВП⁶. И действительно, чувствительность безработицы к колебаниям объема производства (коэффициент Оукена) очень мала в данном регионе (в среднем $-0,035$) и его подгруппах стран и в целом сопоставима со странами с формирующимся рынком и развивающимися странами, а также странами с низким доходом (рис. 2.9)⁷. Кроме того, имеются значительные различия между группами стран и субрегионами. Например, рынки труда в БВСАП более слабо реагируют на колебания объема производства, чем в КЦА: коэффициент Оукена составляет в среднем $-0,013$ и $-0,075$, соответственно. Коэффициент Оукена для БВСАП при исключении из выборки стран с высоким доходом ($-0,031$) выше в абсолютном значении, чем для группы стран БВСАП в целом, но по-прежнему ниже, чем в КЦА. Более слабая реакция в группе

⁶Ball et al. (2019) рассчитали, что коэффициент Оукена составил в среднем $-0,4$ для стран с развитой и $-0,2$ для развивающихся стран.

⁷Панельная регрессия с использованием 25 стран БВ и ЦА рассчитывается отдельно по каждой географической подгруппе и подгруппе дохода. Для ССЗ при расчетах используется ВВП без учета нефти.

Рисунок 2.9. Коэффициенты Оукена на основе панельных регрессий по экономическим группам БВ и ЦА и глобальным группам по доходу

Источник: расчеты персонала МВФ.

Примечание. Столбцы показывают расчетные коэффициенты Оукена на основе спецификации изменения. СРЭ = страна с развитой экономикой; СФР = страна с формирующимся рынком; СНД = страна с низким доходом; БВ и ЦА = Ближний Восток и Центральная Азия; ЭН = экспортер нефти. * $p < 0,10$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

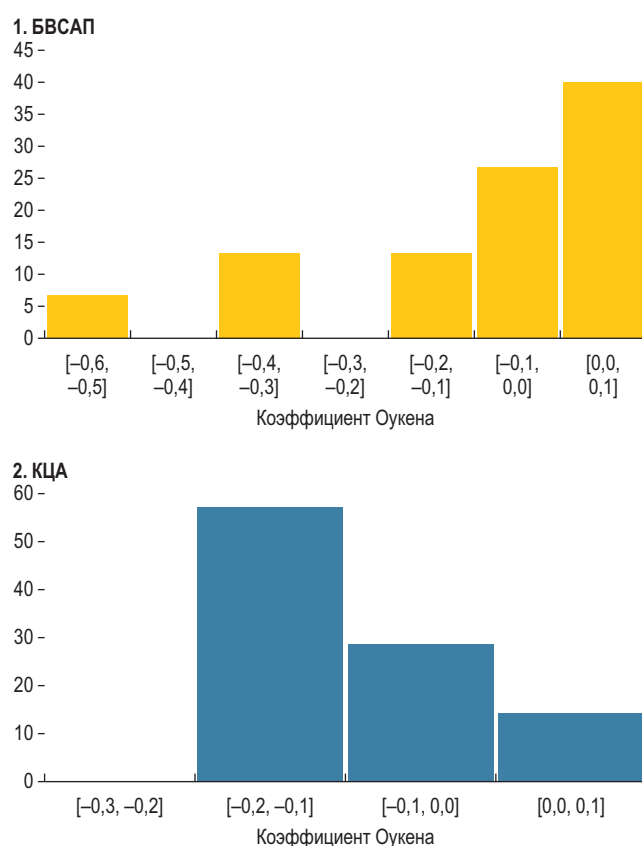
стран БВСАП в основном связана со странами ССЗ, где безработица в целом нечувствительна к экономическому росту⁸, что подтверждается регрессиями по группам дохода. Напротив, рынки труда в странах с формирующимся рынком и странах со средним доходом в регионе более чувствительны к объему производства (более высокий коэффициент Оукена в абсолютном значении), чем в экспортерах нефти и странах с низким доходом региона БВ и ЦА.⁹

Между странами существует значительная неоднородность в реакции рынков труда на колебания объема производства (рис. 2.10). Исходя из регрессий по отдельным странам отношение Оукена, как представляется, сохраняется во многих странах

⁸Низкая чувствительность безработицы в странах ССЗ связана с двойным рынком труда в них: на протяжении значительной части последних десятилетий иностранные работники должны были покинуть принимающую страну в случае потери работы, поэтому они не регистрировались как безработные, тогда как занятость граждан в государственном секторе находится под защитой, поэтому незначительно изменяется в периоды спада.

⁹Расчет варианта закона Оукена с использованием занятости дает те же в качественном отношении результаты.

Рисунок 2.10. Распределение коэффициентов Оукена по странам (В процентах)

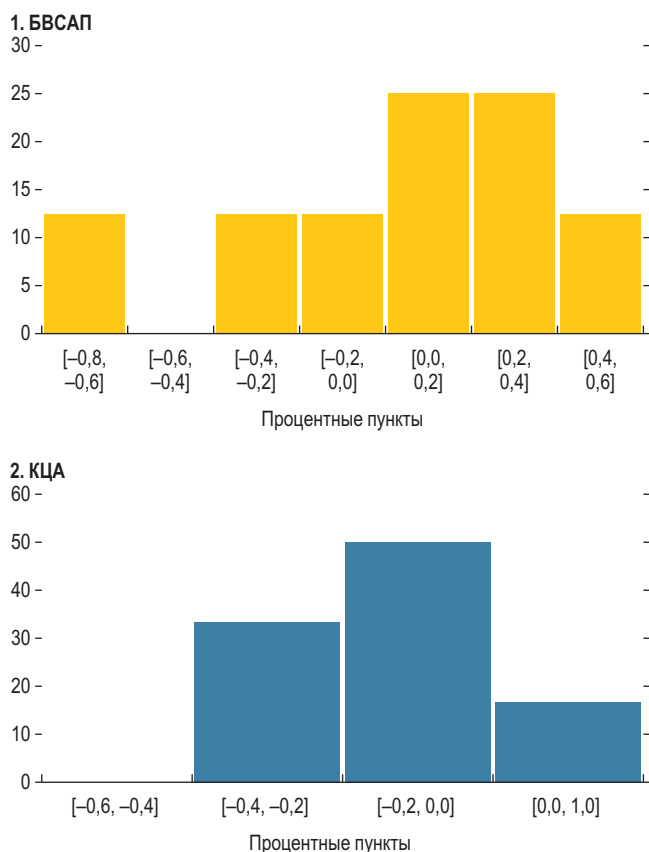

Источник: расчеты персонала МВФ.

Примечание. КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан.

данного региона, то есть более высокие темпы роста ассоциируются со снижением безработицы. Реакция безработицы на рост относительно слаба в большинстве стран БВСАП, но безработица, как представляется, более активно реагирует на колебания объема производства в странах Северной Африки: в некоторых из них увеличение роста ВВП на 1 процентный пункт вызывает снижение уровня безработицы примерно на 0,4 процентного пункта (что сопоставимо со странами с развитой экономикой). В большей части остальных стран данного субрегиона рынки труда, по-видимому, демонстрируют слабую реакцию на колебания объема производства: в некоторых странах коэффициенты Оукена близки к нулю, а в других даже демонстрируют положительные (хотя и статистически незначимые) значения (например, в странах

Рисунок 2.11. Распределение изменения безработицы, предполагаемого исходя из прогнозов роста ВВП на 2021–2022 гг., содержащихся в ПРМЭ, апрель 2021 года (В процентах)

Источник: оценки персонала МВФ.

Примечание. КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан; ПРМЭ = «Перспективы развития мировой экономики».

ССЗ). В КЦА существует относительно более слабая разница между странами в реакции безработицы на рост объема производства.

... что может отразиться на скорости восстановления рынка труда в регионе в ближайшей перспективе. . .

Моделирование на основе предполагаемой взаимосвязи между безработицей и ростом ВВП указывает на то, что восстановление рынка труда, по всей вероятности, будет медленным и неравномерным в данном регионе в ближайшее время

(рис. 2.11)¹⁰. Исходя из сделанных МВФ прогнозов роста реального ВВП, уровни безработицы в БВСАП в среднем снизятся в 2021–2022 годах лишь в некоторых странах — в тех, где безработица более чувствительна к экономическому росту, прогноз роста является относительно положительным или соблюдаются оба этих условия (например, Северная Африка), тогда как в КЦА безработица снизится в большинстве стран.

... и, вероятно, потребует очень высоких темпов роста для сокращения безработицы.

Без проведения реформ темпы роста, необходимые для стабилизации безработицы, являются высокими во многих странах¹¹. Для стабилизации уровня безработицы в некоторых странах БВСАП (особенно там, где безработица почти не реагирует на рост ВВП, как в некоторых странах ССЗ) темпы роста должны будут достигнуть почти 10 процентов (рис. 2.12, панель 1); для сокращения безработицы темпы роста должны превысить этот пороговый уровень. Аналогичным образом, в некоторых странах КЦА темпы роста, стабилизирующие безработицу, должны будут превысить 8 процентов. Такие темпы намного выше тех, которые отмечались в среднем в период до пандемии, и превышают сделанные МВФ прогнозы экономического роста для многих стран, а это означает, что при материализации этих прогнозов этого будет недостаточно для создания числа рабочих мест, необходимого для снижения безработицы (рис. 2.12, панель 2).

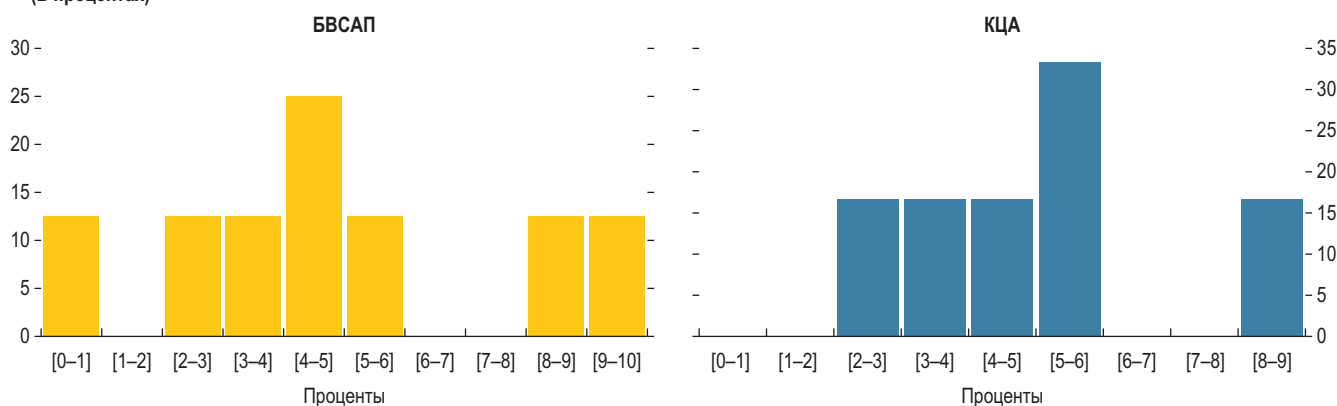
Все эти результаты рассчитываются с использованием усредненной реакции безработицы

¹⁰Прогнозы безработицы в ходе восстановления (2021–2022 годы) рассчитываются с использованием отношений Оукена по отдельным странам и средних прогнозов роста ВВП на 2021 и 2022 годы, приведенных в издании МВФ «Перспективы развития мировой экономики» (апрель 2021 года). Число стран на рисунке 2.11 меньше, чем на рисунке 2.10, поскольку при анализе, на котором основан рисунок 2.11, используются страны, в которых отношение Оукена эмпирически обоснованно в течение периода выборки.

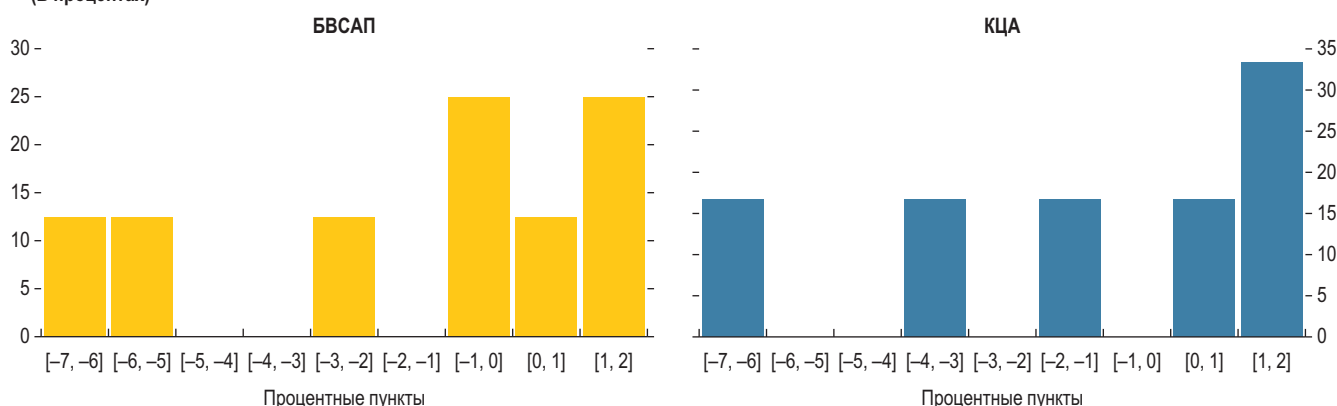
¹¹Расчет этих темпов роста приводится в онлайн-приложении 2.3.

Рисунок 2.12. Рост ВВП, соответствующий стабильному уровню безработицы, и отличия от прогнозов ПРМЭ

1. Распределение стабилизирующего безработицу роста ВВП (В процентах)

2. Распределение прогнозов ПРМЭ минус стабилизирующий безработицу рост ВВП (В процентах)

Источник: оценки персонала МВФ.

Примечание. Данные показатели представляют распределение роста ВВП, необходимого для стабилизации безработицы, в результате спецификации изменения закона Оукена и разницы относительно прогнозов роста ВВП, содержащихся в издании «Перспективы развития мировой экономики» (апрель 2021 года). КЦА = Кавказ и Центральная Азия; БВСАП = Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан; ПРМЭ = «Перспективы развития мировой экономики».

на колебания объема производства, основанной на исторически сложившемся соотношении в периоды спада и подъема.

Но что если это исторически сложившееся соотношение изменилось вследствие кризиса и связанных с ним ограничений и ответных мер политики? Связанные с пандемией ограничения в непропорционально большей степени повлияли на некоторые секторы с наибольшим числом рабочих мест, что могло вызвать необычайно резкий рост безработицы во время кризиса. Это означает, что после полной отмены ограничений существует возможность аномально быстрого снижения безработицы. Однако в то же время некоторые меры

реагирования на кризис могли замедлить рост безработицы, позволяя предположить незначительное снижение безработицы в ходе восстановления. Во-первых, быстрое распространение удаленной работы во многих секторах позволило предотвратить потерю некоторых рабочих мест, ограничив таким образом рост безработицы. Во-вторых, меры политики, направленные на сохранение существующих рабочих мест, такие как программы сохранения рабочих мест, замедлили повышение уровня безработицы. В-третьих, структурная трансформация после пандемии, влияющая на отраслевую структуру занятости (например, появление новых капиталоемких

отраслей и исчезновение более трудоемких отраслей), также могла снизить реакцию безработицы на объем производства. В целом отсутствуют признаки преобладания какого-либо набора факторов; фактически, моделирование уровней безработицы в 2020 году на основе отношения по закону Оукена, рассчитанного с использованием данных за прошлые периоды вплоть до 2019 года, не продемонстрировало какого-либо систематического отклонения. Иными словами, необычайный спад экономической активности в 2020 году (крупнейший за последние четверть века) породил необычайную потерю рабочих мест.

Что если периоды спада оказывают длительное воздействие на восстановление рынка труда? Реакция безработицы в периоды спада может быть более значительной, чем в периоды подъема, что означает, что в среднем потеря рабочих мест во время спада не полностью компенсируется во время подъема, и указывает на эффекты гистерезиса, вызванные продолжительной безработицей (или отсутствием активности). Для проверки этой вероятности рассчитывается несбалансированная панельная регрессия для стран региона БВ и ЦА с формирующимся рынком, которая демонстрирует более активную реакцию безработицы в периоды спада в средней стране с формирующимся рынком (см. рис. А.2.4 в онлайн-приложении 2.4)¹². Это означает, что в среднем коэффициенты Оукена для восстановления могут быть даже ниже (в абсолютном значении), чем коэффициенты, используемые в приведенных моделях. Эти результаты соответствуют эмпирическим данным для данного региона, указывающим на то, что рецессии могут оказывать длительное воздействие на безработицу (октябрьский выпуск доклада «Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2020 года) и занятость; последнее выводится на основе ограниченного числа стран, имеющих высокочастотные данные за достаточно длительный период.

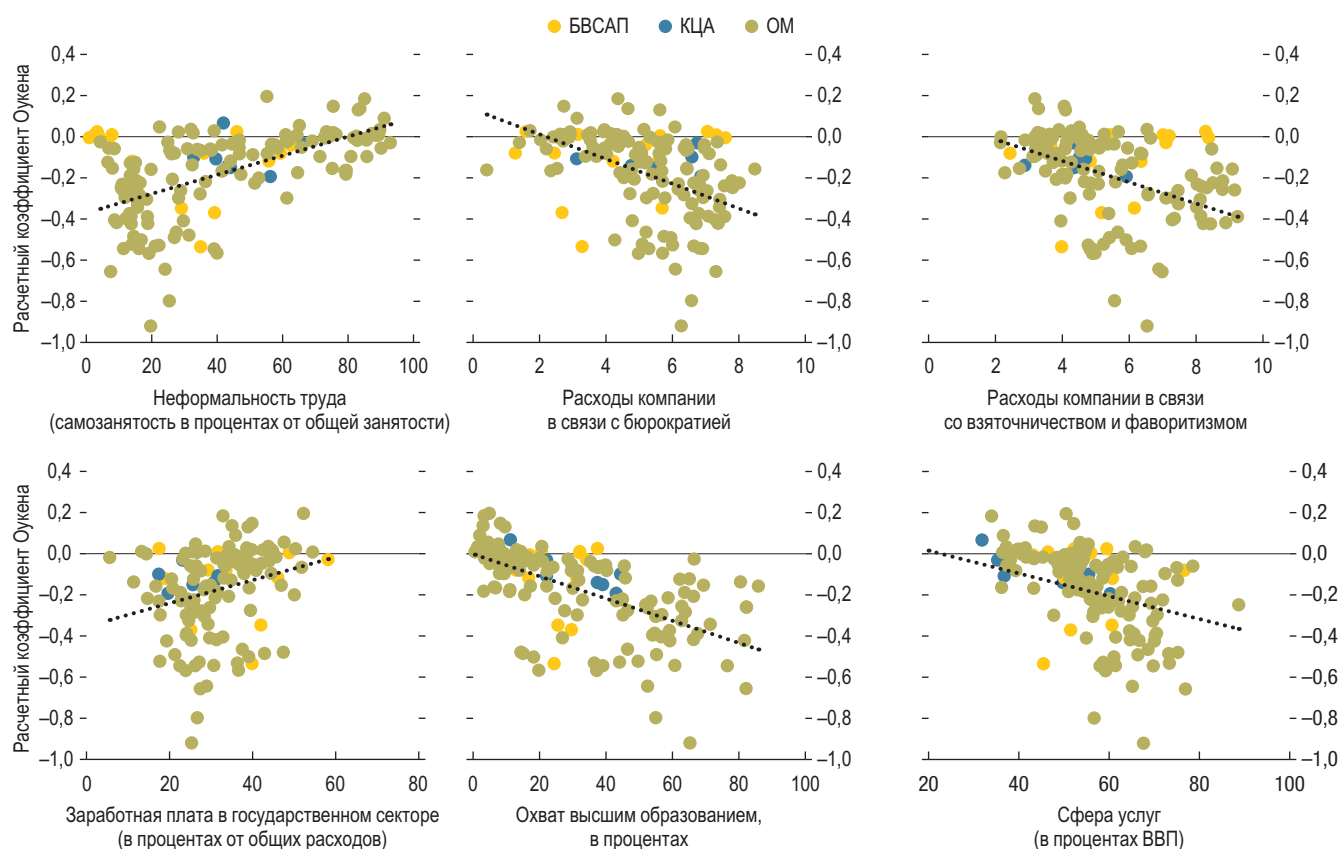
¹²Данная гипотеза не может быть проверена путем проведения регрессий на уровне страны в связи с отсутствием во многих странах достаточно длительных временных рядов для отражения достаточного числа случаев подъемов и спадов.

Слабая реакция рынка труда на колебания объема производства вызвана структурными факторами, включая неформальность, . . .

Различия между странами в политике на рынке труда, структуре экономики и институтах, вероятно, влияют на скорость корректировки рынков труда в соответствии с колебаниями объема производства. В дополнение к свидетельствам из прошлых исследований относительно того, что чрезмерно жесткое регулирование рынка труда оказывает негативное влияние на показатели рынка труда (Abdih, 2011; Ahn et al., 2019), представленные в этой главе эмпирические результаты на основе глобальной выборки (с использованием двумерных регрессий) демонстрируют, что более слабый (менее отрицательный) коэффициент Оукена ассоциируется со следующими факторами, в том числе в регионе БВ и ЦА (рис. 2.13 и рис. А.2.5 в онлайн-приложении 2.5):

- *Более высокий уровень неформальности*, поскольку он играет роль системы защиты, позволяя работникам, потерявшим работу во время спада, перейти к неформальной занятости, а не стать безработными или выпасть из рабочей силы.
- *Жесткая нормативно-правовая основа рынка продукции*, такая как высокие издержки в связи с бюрократией и фаворитизмом, что значительно повышает трения на рынке труда.
- *Повышенная гибкость в установлении уровня заработной платы*, позволяющая корректировать рынок труда не только за счет занятости, но и частично за счет заработной платы.
- *Пониженные уровни квалификации*, поскольку низкоквалифицированные работники, как правило, менее динамичны на формальном рынке труда.
- *Большое число занятых и высокие надбавки к заработной плате в государственном секторе*, поскольку первый фактор является более стабильным источником занятости и поэтому слабее реагирует на рост, а вто-

Рисунок 2.13. Коэффициенты Оукена и структурные переменные

Источники: IHS Markit; Всемирный экономический форум, «Доклад о глобальной конкурентоспособности», «Опрос мнений руководителей»; ILOSTAT, оценки на основе моделей МОТ; Статистический институт ЮНЕСКО; Всемирный банк, «Показатели мирового развития»; оценки персонала МВФ.
Примечание. Более высокие значения показателей бюрократии и взяточничества соответствуют лучшим результатам/рейтингам (то есть, меньшим уровням издержек). Все результаты являются статистически значимыми на уровне 10 процентов или ниже (то есть, 5 или 1 процент).

рой может способствовать оттоку работников из частного сектора.

- *Высокая доля сельского хозяйства и низкая доля услуг в добавленной стоимости, что может указывать на низкие уровни квалификации и высокие уровни неформальности.*

Неформальность является одним из наиболее важных определяющих факторов коэффициента Оукена (см. Ahn et al., 2019). При включении в регрессию всех переменных только неформальность труда, доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП и уровень образования или квалификации сохраняют статистическую значимость¹³.

¹³Этот результат не обязательно означает, что другие переменные неважны. Скорее, он отражает высокую степень

... которая имеет последствия для восстановления рынка труда после пандемии

Препятствует ли неформальность восстановлению или способствует ему? Траектория восстановления рынка труда в ближайшей перспективе по-прежнему неопределенная, поскольку воздействие пандемии еще продолжается в связи с появлением новых вариантов вируса и медленными темпами вакцинации во многих странах. Вероятными представляются два сценария,

коллинеарности среди различных концепций, отсутствие непосредственного воздействия после учета неформальности, образования и доли услуг (иными словами, другие переменные влияют на коэффициент Оукена только посредством этих трех переменных) или и то, и другое.

но отсутствие высокочастотных данных затрудняет оценку того, какой из них, скорее всего, материализуется.

- В странах, в которых преобладает неформальный сектор, возможно необычайно быстрое восстановление занятости в краткосрочной перспективе при условии взятия под контроль рисков в области здравоохранения. Меры самоизоляции и другие ограничения оказали значительное влияние на отрасли с высокой степенью неформальности (сфера услуг с большим количеством контактов). Это позволяет предположить, что занятость в этих отраслях может быстро восстановиться после полной отмены ограничений и возврата экономики к нормальному состоянию. Недавние исследования стран с формирующимся рынком и развивающихся стран указывают на то, что основной удар по неформальным рабочим местам был нанесен в начале вызванного пандемией кризиса, но они должны быстрее восстановиться на этапе восстановления относительно других рабочих мест, так как они связаны с минимальными расходами по найму и началу деятельности (Alfaro, Vecerra, and Eslava, 2020). Относительно данного региона это указывает на вероятность более быстрого восстановления неформальной занятости, поскольку неформальные рабочие места являются более гибкими в плане расходов по найму. Хотя это восстановление неформальной занятости способствует росту общей занятости в краткосрочной перспективе, возвращение работников в формальный сектор при возврате экономики в стадию подъема делового цикла будет способствовать более продолжительному и активному восстановлению экономики.
- Стабильно высокие уровни неформальности будут препятствовать активному и устойчивому восстановлению экономики. Поскольку многие страны региона продолжают испытывать трудности в доступе к вакцинам, ослабление пандемии в ближайшее время представляется маловероятным, и она может по-прежнему затронути восстановление.

В этих странах перед работниками, составляющему значительную долю в затронутых кризисом секторах (например, туризме), вероятно, стоит мрачная перспектива утраты навыков и возможности найти только неформальную работу, когда они в итоге вернутся на рынок труда. Это может привести к длительному ущербу (эффектам гистерезиса) и подорвать восстановление, в том числе посредством снижения общего уровня производительности в экономике.

Взгляд в будущее: меры политики, направленные на обеспечение всеобъемлющего восстановления

Необходимо, чтобы меры политики защищали уязвимые слои населения и создавали условия для укрепления рынков труда. Ликвидация пробелов в социальной защите и оказание поддержки незащищенным группам населения, на которые пандемия оказала неравномерное воздействие, имеют первостепенное значение. В противном случае страны столкнутся с повышенным риском гистерезиса и, в конечном счете, более низких темпов потенциального и всеобъемлющего роста. В то же время меры политики должны быть направлены на ликвидацию коренных причин слабой реакции рынка труда, что ускорит циклическое восстановление и будет способствовать более активному устойчивому росту в долгосрочной перспективе.

Связанные с кризисом меры в области рынка труда должны быть скорректированы

По мере ускорения восстановления меры политики необходимо сконцентрировать не на поддержании занятости, а на содействии перераспределению. Сворачивание программ сохранения рабочей силы (например, в Азербайджане, Египте и Иордании) по мере ускорения восстановления поможет избежать поддержки рабочих мест, которые могут

навсегда потерять экономическую актуальность. Страны, в которых отмечается уверенное восстановление рынков труда и экономической активности (например, Египет и Узбекистан), могут перейти от политики сохранения к политике перераспределения рабочей силы («Перспективы развития мировой экономики», апрель 2021 года) и начать способствовать возвращению к активному поиску работы, обеспечивая повторное вовлечение тех, кто покинул рынок труда во время кризиса. Страны, обладающие возможностью принятия бюджетных мер, могут оказать поддержку созданию рабочих мест посредством *тщательно продуманного, временного и целенаправленного субсидирования найма* (ОЭСР, 2021 год). Стимулы могут также способствовать мобильности работников в плане использования других расширяющихся возможностей трудоустройства.

Меры политики должны свести к минимуму риск долговременного ущерба сильно пострадавшим от пандемии. Можно расширить *активные меры политики на рынке труда* для содействия перераспределению, включая модернизацию и укрепление роли государственных услуг по трудоустройству в целях расширения возможностей для работников и содействия их найму, особенно в отношении молодежи. Профессионально-техническому обучению, которое было приоритетным направлением лишь в небольшом числе стран региона во время пандемии, следует оказывать дальнейшее содействие для повышения возможностей трудоустройства и устранения несоответствия профессиональных навыков потребностям рынка. Необходимо будет выделить ресурсы на нейтрализацию потерь в сфере образования среди детей, у которых во время пандемии сократилось время учебы, и в более широком плане инвестировать средства в качественное образование. Это поможет решению проблемы безработицы среди молодежи путем сокращения несоответствия профессиональных навыков и повышения производительности.

Пересмотр социальной защиты и мер политики для оказания поддержки формализации труда важен для того, чтобы ограничить ущерб в ходе восстановления, особенно работникам, которые могут остаться в неформальном секторе. Пандемия

позволяет извлечь некоторые уроки для распространения системы социальной защиты на работников неформального сектора: ряд стран, например, Египет и Марокко, внедрили программы целевых денежных трансфертов, воспользовавшись финансовыми инновациями и цифровизацией. Правительствам также следует содействовать формализации занятости, потому что страны с более высоким уровнем неформальности обычно ассоциируются с более низкими уровнями благосостояния, дохода на душу населения и производительности и с более высоким уровнем бедности. Эта деятельность предусматривает реализацию целого комплекса мер политики, включая тщательно продуманный минимальный уровень заработной платы и налогообложение рабочей силы, поскольку высокие ставки налога на рабочую силу могут привести к сокращению формальной занятости. Бремя налогообложения можно перенести с рабочей силы на налоги на потребление, которые с меньшей вероятностью исказят соотношение формального и неформального трудоустройства, но домашним хозяйствам с низким доходом необходимо предоставить компенсации какого-либо регрессивного влияния в виде денежных трансфертов¹⁴. По мере развития формализации рынка труда необходимо предоставлять работникам защиту в виде продуманного страхования на случай безработицы (см. Duval and Loungani, 2019). Формализация также может способствовать адаптации рынка труда к циклу деловой активности при ее сочетании со следующими мерами политики.

Меры структурной политики могут содействовать восстановлению и ускорить потенциальный рост

Правительствам необходимо ускорить реализацию мер политики по улучшению делового климата. Для этого требуется подход на основе комплексной реформы, включая содействие созданию электронного правительства, укрепление

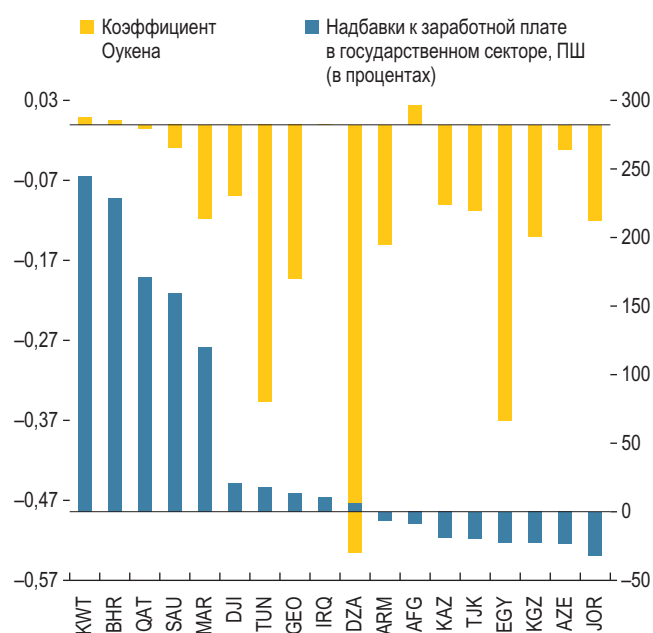
¹⁴Еще одним способом сокращения возможностей для арбитража между неформальной и формальной занятостью является более точное соответствие эффективных ставок налога на самозанятость (упрощенная ставка налога или налог с оборота) и работу по найму (ставка налога на доходы физических лиц).

независимого надзора в целях создания возможностей для органов аудита и общественности в целом осуществлять эффективный надзор и способствовать подотчетности и прозрачности в налогово-бюджетной сфере, а также содействие созданию устойчивой и независимой судебной системы для обеспечения исполнения договоров и повышения добросовестности, в том числе в сфере гражданской службы. Кроме того, устранение препятствий для конкуренции может способствовать ускорению реакции занятости на изменения объема производства и повышению показателей занятости по сравнению с очень низкими докризисными уровнями.

Также необходима реформа нормативно-правовой основы рынка труда. Данный регион обладает хорошими показателями гибкости рынка труда по сравнению с другими формирующимися рынками, особенно в субрегионе КЦА, несмотря на наличие значительной неоднородности между странами. Однако еще предстоит устранить ряд существенных препятствий, таких как отсутствие гибкости при найме и увольнении работников формального сектора в Алжире, Марокко и Тунисе и низкий уровень гибкости в установлении заработной платы в Пакистане и Тунисе.

Существует возможность сокращения роли государственного сектора как работодателя первой и последней инстанции. Использование трудоустройства в государственном секторе как контрциклического инструмента (как это происходило в среднестатистической стране региона БВСАП во время пандемии) сопряжено с риском, поскольку такую занятость трудно сократить после исчезновения контрциклической необходимости. Чрезмерная защита и более высокие надбавки к заработной плате в государственном секторе (рис. 2.14) искажают стимулы и приводят к сегментации рынка труда и некорректной оценке труда (МВФ, 2016, 2018). Необходимо сократить занятость в государственном секторе и решить проблему высоких процедурных требований к увольнениям, а также реформировать систему выходных пособий. В ССЗ, где присутствует сегментация между гражданами и иностранными работниками, предоставление рабочим-мигрантам

Рисунок 2.14. Надбавки к заработной плате в государственном секторе и коэффициент Оукена

Источник: оценки авторов.

Примечание. Надбавка к заработной плате означает разницу в уровне заработной платы в государственном и частном секторах в процентах и взята из МВФ (2018). Аббревиатуры стран являются кодами стран Международной организации по стандартизации (ИСО). ПШ = правая шкала.

повышенной гибкости в плане смены рабочих мест (как это было сделано в Катаре, ОАЭ и Саудовской Аравии) даст им возможность повысить свои уровни заработной платы.

Наконец, необходимо ликвидировать многолетнее гендерное неравенство. Во многих странах преимущественно женщины несут ответственность за работу по дому и уход за детьми и пожилыми. Обеспечение недорогого доступа к яслям и детским садам может способствовать повышению доли женщин на рынке труда. Более того, будет необходимо укреплять законы по борьбе с дискриминацией женщин, содействовать прозрачности заработной платы и более эффективно обеспечивать соблюдение законов о равной оплате труда. Содействие цифровым преобразованиям также может укрепить позиции женщин на рынке труда путем создания более гибких способов работы, облегчающих совмещение оплачиваемой работы с обязанностями по уходу.

Литература

- Abdih, Yasser. 2011. "Closing the Jobs Gap." *Finance and Development* 48: 2.
- Ahn, JaeBin, Zidong An, John C. Bluedorn, Gabriele Ciminelli, Zsóka Kóczán, Davide Malacrino, Daniela Muhaj, and Patricia Neidlinger. 2019. "Work in Progress: Improving Youth Labor Market Outcomes in Emerging Market and Developing Economies." IMF Staff Discussion Note 19/02, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Alfaro, Laura, Oscar Becerra, and Marcela Eslava. 2020. "EMEs and COVID-19: Shutting Down in a World of Informal and Tiny Firms." NBER Working Paper 27360, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
- Assaad, Ragui, Rana Hendy, Moundir Lassassi, and Shaimaa Yassin. 2018. "Explaining the MENA Paradox: Rising Educational Attainment, Yet Stagnant Female Labor Force Participation." IZA Discussion Paper 11385, IZA Institute of Labor Economics, Bonn, Germany.
- Ball, Laurence, Davide Furceri, Daniel Leigh, and Prakash Loungani. 2019. "Does One Law Fit All? Cross-Country Evidence on Okun's Law." *Open Economies Review* 30 (5): 841–74.
- Duval, Romain, and Prakash Loungani. 2019. "Designing Labor Market Institutions in Emerging Market and Developing Economies: Evidence and Policy Options." IMF Staff Discussion Note 19/04, International Monetary Fund, Washington, DC.
- International Labour Organization (ILO). 2021. *World Employment and Social Outlook: Trends 2021*. Geneva: International Labour Organization.
- International Monetary Fund (IMF). 2016. "Managing Government Compensation and Employment— Institutions, Policies, and Reform Challenges." IMF Policy Paper, International Monetary Fund, Washington, DC.
- International Monetary Fund (IMF). 2018. "Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia." IMF Departmental Paper 18/01, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Loayza, Norman, and Jamele Rigolini. 2011. "Informal Employment: Safety Net or Growth Engine?" *World Development* 39 (9): 1503–15.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). 2021. *OECD Employment Outlook 2021: Navigating the COVID-19 Crisis and Recovery*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Purfield, Catriona, Harald Finger, Karen Ongley, Benedicte Baduel, Carolina Castellanos, Gaelle Pierre, Vahram Stepanyan, and Erik Roos. 2018. "Opportunity for All: Promoting Growth and Inclusiveness in the Middle East and North Africa." IMF Departmental Paper 18/11, International Monetary Fund, Washington, DC.
- World Bank. 2021. "Taking Stock of COVID-19 Labor Policy Responses in Developing Countries." JobsWatch COVID-19 Brief (March 3), World Bank, Washington, DC
- World Economic Forum. 2019. *The Global Competitiveness Report 2019*.

3. COVID-19 и прогноз для корпоративного сектора предприятий

После тяжелого удара, нанесенного кризисом COVID-19, компании в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии (БВ и ЦА) начинают восстанавливаться неравномерными темпами. Несмотря на государственную поддержку и масштабные сокращения издержек, предприятия в отраслях с высоким уровнем контактоемкости, компании, уже имевшие уязвимость к рискам до пандемии, а также малые предприятия и те, которые не обладали возможностями цифровой связи, испытали на себе наиболее тяжелое воздействие пандемии. Несмотря на то что в секторе предприятий в целом пока удавалось сдерживать риски ухудшения ликвидности и платежеспособности, прогнозируется, что такие уязвимые предприятия будут и далее испытывать повышенный дефицит ликвидности, тогда как опасения по поводу их платежеспособности могут усугубиться только в случае вялого восстановления экономики или преждевременного прекращения государственной поддержки. До настоящего времени банковские системы сохраняют устойчивость благодаря макрофинансовым мерам и поддержке в виде ликвидности, однако в банках, среди заемщиков которых большую долю составляют уязвимые компании, риски нарастают. Согласно проведенным стресс-тестам, в среднесрочной перспективе от 15 до 25 процентов компаний в регионе может потребоваться реструктурировать или ликвидировать. Поэтому до тех пор пока восстановление не станет устойчивым, для предотвращения дефолтов компаний важнейшей задачей будет оставаться продолжение адресной поддержки уязвимым, но жизнеспособным предприятиям и отраслям. Более того, оперативная реструктуризация жизнеспособных, но неплатежеспособных компаний и ликвидация нежизнеспособных предприятий позволит обеспечить более прочное и устойчивое восстановление. Для сохранения финансовой стабильности

Главу подготовили Нордин Абиди, Мохамед Белхир и Сахра Сахра при участии Мехди Эль-Херради, Мохеба Малака и Моника Петреску и благодаря превосходному аналитическому содействию Олуремии Акин-Олугбаде и Кейт Нгуэн.

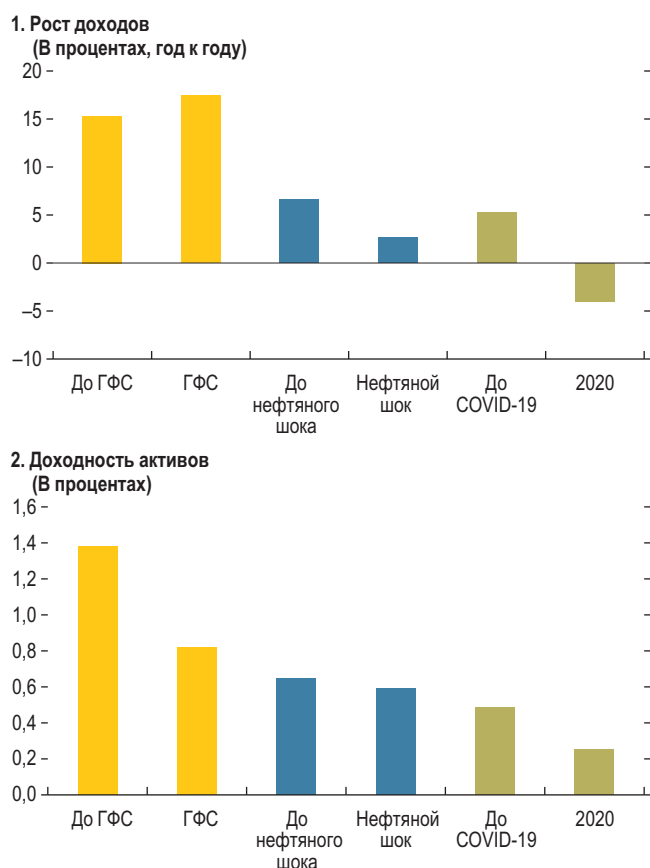
официальным органам следует проводить более пристальный мониторинг макропруденциальных рисков, поддерживать на должном уровне систему финансовой защиты и поощрять уязвимые банки к тому, чтобы они использовали временную «передышку», полученную благодаря государственной поддержке, для укрепления буферов на случай будущих рисков.

Неравномерное восстановление после беспрецедентного кризиса

К началу пандемии в секторе нефинансовых предприятий региона Ближнего Востока, Северной Африки и Пакистана (БВСАП) уже отмечались более слабые фундаментальные показатели по сравнению с началом предыдущих кризисов и по сравнению с другими предприятиями в странах с формирующимся рынком («Перспективы развития региональной экономики»: Ближний Восток и Центральная Азия», октябрь 2020 года)¹. В частности, до пандемии динамика роста доходов, рентабельность и ликвидность были ниже,

¹Анализ опирается в основном на информацию зарегистрированных на фондовой бирже компаний, входящих в базу данных «Compustat», содержащей ограниченные сведения о странах региона Кавказа и Центральной Азии (КЦА). Эти сведения дополняются данными проведенного недавнего совместного обследования Европейского банка реконструкции и развития, Европейского инвестиционного банка и Всемирного банка «Исследование деловой среды и деятельности предприятий» (BEEPS) и проведенного Всемирным банком исследования деятельности предприятий во время COVID-19 (ES COVID-19). В рамках этой работы в разгар пандемии была собрана информация о зарегистрированных и незарегистрированных на бирже предприятиях в Армении, Азербайджане, Грузии, Египте, Западном берегу и секторе Газа, Иордании, Казахстане, Кыргызской Республике, Ливане, Марокко, Таджикистане, Тунисе, Узбекистане. Эти данные используются для того, чтобы оценить сопоставимость воздействия пандемии на предприятия в регионе КЦА с воздействием в регионе БВСАП, а также отразить результаты деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), смягчающую роль цифровизации и охват мер государственной поддержки в этих двух регионах.

Рисунок 3.1. Рост доходов и рентабельности по сравнению с предыдущими кризисами

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. Результаты основаны на данных компаний нефинансового сектора, опубликовавших годовую отчетность в 2020 году. Докризисный период означает два года, предшествующих каждому кризисному явлению, а период до COVID-19 — это медианные значения за 2018–2019 годы. Рост доходов означает рост квартальных продаж по сравнению с тем же кварталом предыдущего года. Доходность активов — отношение чистого дохода до вычета чрезвычайных расходов к активам, умноженное на 100. В выборку включены предприятия из Бахрейна, Египта, Иордании, Кувейта, Марокко, Омана, Пакистана, Катара, Саудовской Аравии, Туниса и Объединенных Арабских Эмиратов. ГФС = глобальный финансовый кризис.

а задолженность была выше. В течение пандемии в силу беспрецедентного снижения доходов и рентабельности предприятий проблемы в регионе усугубились (рис. 3.1).

После резкого падения намечается уверенное, но неравномерное восстановление

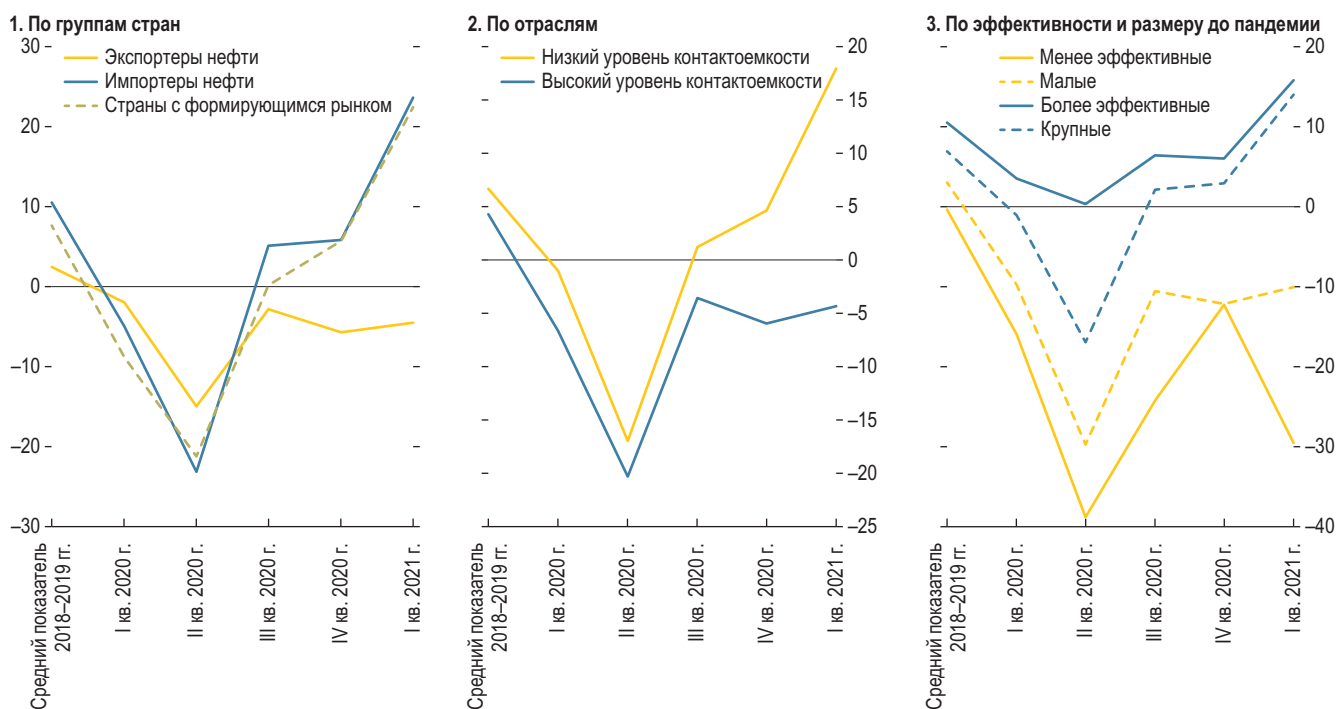
После крупнейшего за всю историю падения доходов в первом полугодии 2020 года, благодаря

постепенному ослаблению ограничений, некоторые предприятия в регионе БВСАП начинают восстанавливаться². Начавшаяся к концу 2020 года вторая волна пандемии не смогла прервать наметившуюся динамику восстановления, поскольку страны иначе подходили к мерам самоизоляции, применяя менее жесткие ограничения на работу и поездки. К первому кварталу 2021 года рост доходов и показатели рентабельности в секторе предприятий вернулись к уровню, отмечавшемуся до пандемии. Однако восстановление затронуло не все предприятия в равной степени, и при этом между разными группами предприятий нарастают различия.

Темп восстановления предприятий в странах — экспортерах нефти отстает от показателей в странах — импортерах нефти. Несмотря на то что в первом полугодии 2020 года снижение доходов экспортеров нефти оказалось почти вдвое меньше, чем у импортеров нефти, к концу 2020 года доходы и рентабельность импортеров нефти восстановились быстрее, и темп восстановления оставался опережающим в течение I квартала 2021 года, аналогично тенденциям, отмечаемым в других странах с формирующимся рынком (рис. 3.2, панель 1). Такие расхождения в показателях обусловлены следующими факторами: (i) преобладанием предприятий в наиболее пострадавших отраслях с высоким уровнем контактоемкости (ВУК) в странах — экспортерах нефти (на 20 процентов выше, чем в странах — импортерах нефти); и (ii) серьезным падением численности занятых из числа иностранных работников — особенно в секторах с ВУК — в странах-членах Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ), на долю которых приходилось 70 процентов рабочей силы до пандемии и численность которых еще не восстановилась (глава 2).

²В течение первого полугодия 2020 года в странах БВСАП медианный уровень сокращения доходов предприятий (на основании данных зарегистрированных на фондовой бирже компаний, входящих в базу данных «Compustat») и соответствующий показатель согласно отчетности крупных предприятий в странах КЦА (на основании обследований BEEPS-ES COVID-19) были в целом аналогичны и составили 18 процентов (год к году).

Рисунок 3.2. Динамика роста доходов предприятий по группам
(В процентах, год к году)

Источники: S&P Global Market Intelligence; Compustat; расчеты сотрудников МВФ.

Примечания. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. Предприятия сгруппированы по показателям эффективности до пандемии на основе среднего уровня рентабельности в 2018–2019 гг. (нижний и верхний квартили шкалы распределения выборки по уровню рентабельности за 2018–2019 годы).

Предприятия в отраслях с ВУК сильнее всего пострадали от пандемии и пока не восстановились. В течение первого полугодия 2020 года доходы предприятий таких отраслей сократились в большей степени, чем доходы компаний в отраслях с низким уровнем контактоемкости (НУК) (–11 и –7 процентов, соответственно, год к году; рис. 3.2, панель 2). К I кварталу 2021 года доходы в отраслях с НУК в значительной степени восстановились (18 процентов год к году), а уровень рентабельности превысил показатель до пандемии. Между тем рост доходов в отраслях с ВУК продолжил снижаться.

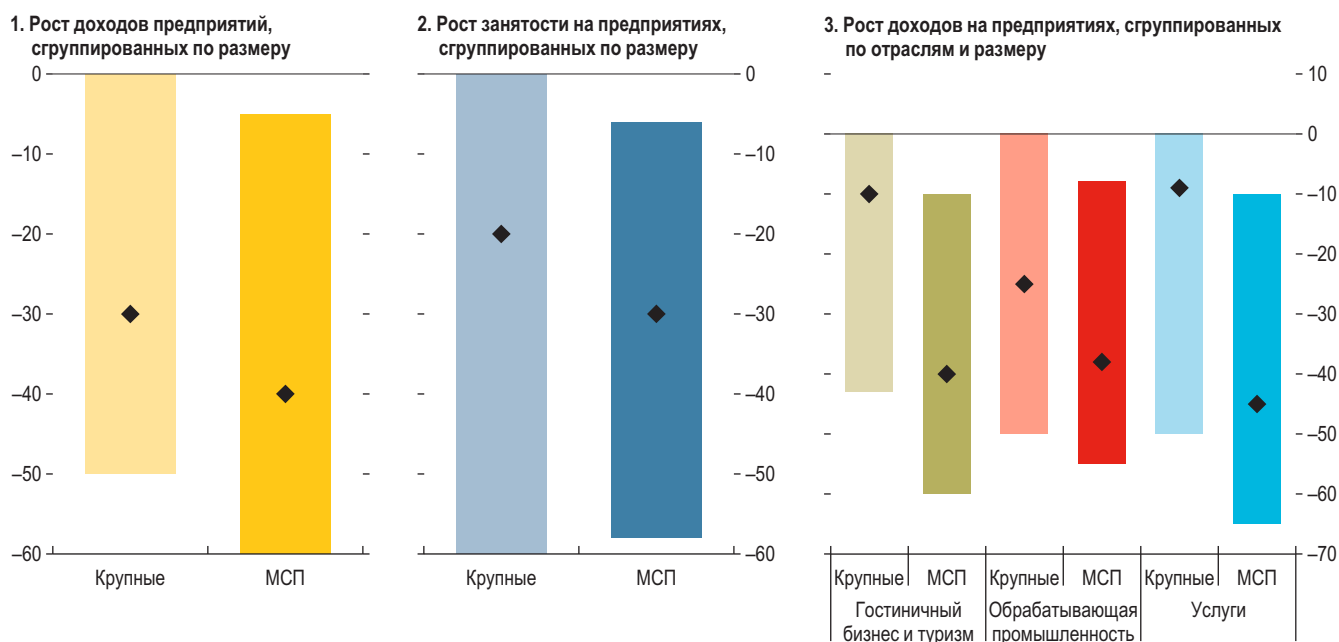
Наиболее серьезно пострадали предприятия с более слабыми фундаментальными показателями до пандемии, а также малые предприятия.

- Разница в показателях эффективности до пандемии между более эффективными

и менее эффективными компаниями — на основании их показателей рентабельности за 2018–2019 годы (нижний и верхний квартили, соответственно) — к концу 2020 года усилилась (рис. 3.2, панель 3)³. Это связано с тем, что менее эффективные предприятия столкнулись с падением доходов в первом полугодии 2020 года, тогда как на медианном более эффективном предприятии сокращений не произошло. К I кварталу 2021 года на менее эффективных предприятиях по-прежнему отмечался резкий спад (–30 процентов год к году), тогда как более эффективные предприятия уверенно восстановились (16 процентов).

³К началу кризиса более эффективные до пандемии компании накопили существенные буферы ликвидности и достаточный уровень капитала.

Рисунок 3.3. Показатели эффективности предприятий по размеру и отраслям в разгар кризиса
(В процентах, год к году)

Источники: Исследование деловой среды и деятельности предприятий и последующее обследование предприятий во время COVID-19; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. Колонки означают межквартильный размах, а значки — медианное значение. На малых и средних предприятиях работают менее 250 человек, тогда как на крупных предприятиях трудятся не менее 250 работников. Рост занятости рассчитывается путем оценки разницы в процентах между численностью работников, занятых полный рабочий день, в 2019 и 2020 гг. Рост доходов оценивается на основе процентного сокращения продаж в 2020 году по сравнению с 2019 годом в соответствии с данными отчетности. Оценки за 2020 г. основывались исходя из преобладающих условий в разгар пандемии, когда проводилось большинство обследований.

- В течение первого полугодия 2020 года падение доходов малых предприятий, зарегистрированных на фондовой бирже, почти вдвое превысило аналогичные показатели крупных предприятий⁴. К I кварталу 2021 года производство продолжало сокращаться (-11 процентов год к году), тогда как крупные компании уверенно восстанавливались (14 процентов; рис. 3.2, панель 3).
- Более того, МСП в регионе БВ и ЦА (не зарегистрированные на фондовой бирже) менее крупные компании с численностью занятых менее 250 работников) серьезно пострадали в основных отраслях, обеспечивающих рабочие места. С точки зрения потери доходов и сокращения

численности работников в разгар пандемии, они пострадали немного серьезнее, чем крупные предприятия (рис. 3.3, панели 1 и 2). Однако в отраслях услуг, гостиничном бизнесе и туризме их доходы упали на 40–45 процентов — по сравнению с крупными предприятиями, где сокращение составило около 10 процентов (рис. 3.3, панель 3). Аналогичным образом, различия в показателях потери рабочих мест были наиболее заметны в этих отраслях, где на МСП численность работников сократилась на 32 процента, тогда как в крупных компаниях — на 20 процентов. Эти компании более серьезно пострадали от кризиса, поскольку они менее диверсифицированы, на них сложнее сокращать производство (поэтому они более уязвимы к падению спроса), а банки, как правило, в тяжелые времена, более резко сворачивают кредитование таких компаний (см. Joseph, Kneer, and van Horen 2021).

⁴На основе выборки зарегистрированных на фондовой бирже компаний из базы данных «Compustat» к малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов (с учетом особенностей страны) в 2019 году.

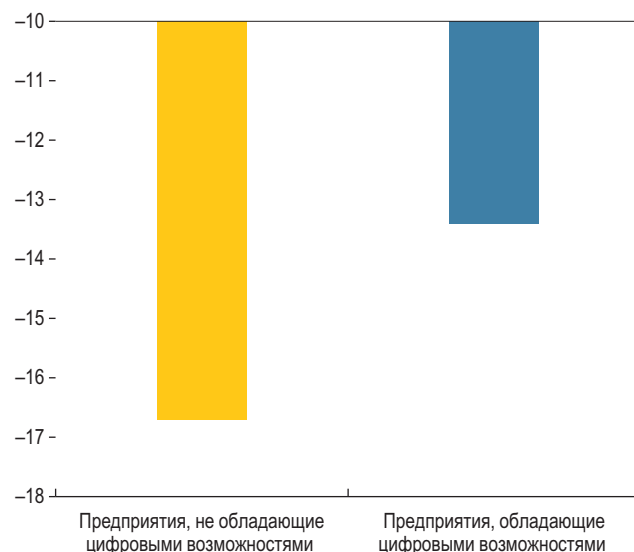
Темп восстановления государственных предприятий (ГП) отстает. К началу кризиса положение ГП было более слабым (доходы росли на 2,5 процента, что составляет примерно половину медианного показателя частных компаний в регионе БВСАП), однако в течение первого полугодия 2020 года их доходы сократились в меньшей степени (–6 процентов год в году), чем у медианной частной компании (–19 процентов); скорее всего, это было обусловлено государственной поддержкой и их присутствием в секторе ЖКХ, в котором отмечался более устойчивый спрос. Однако в I квартале 2021 года сокращение доходов ГП продолжилось (–3,5 процента), тогда как показатели частных компаний уверенно восстановились (10 процентов).

Напротив, компании, более широко использующие возможности цифровых технологий, смогли отчасти смягчить воздействие пандемии. Как показывает регрессионный анализ, предприятия в регионе БВ и ЦА, инвестировавшие до пандемии в цифровые технологии, в разгар пандемии в меньшей степени пострадали от сокращения продаж, которое составило примерно 4 процентных пункта, чем компании, которые этого не сделали (рис. 3.4; см. Abidi, El-Herradi, and Sakha, 2021, а также подробное описание в онлайн-приложении 3.1).

Государственная поддержка и сокращение затрат помогли компаниям преодолеть шок

Государственная поддержка и гибкие возможности компаний по корректировке своих бизнес-моделей и хозяйственной деятельности в условиях пандемии сыграли решающую роль в решении неотложных проблем ликвидности, что позволило предотвратить банкротства и содействовало началу восстановления. Для поддержки предприятий в странах региона был предпринят широкий набор мер налоговой, денежно-кредитной и макрофинансовой политики. Согласно отчетности, в течение пандемии наиболее распространенными видами государственной поддержки стали отсрочки по уплате налогов, программы неоплачиваемых отпусков и субсидии на выплату зарплат. Снижение

Рисунок 3.4. Цифровизация и устойчивость предприятий
(Процентное падение продаж в 2020 году, разгар пандемии)

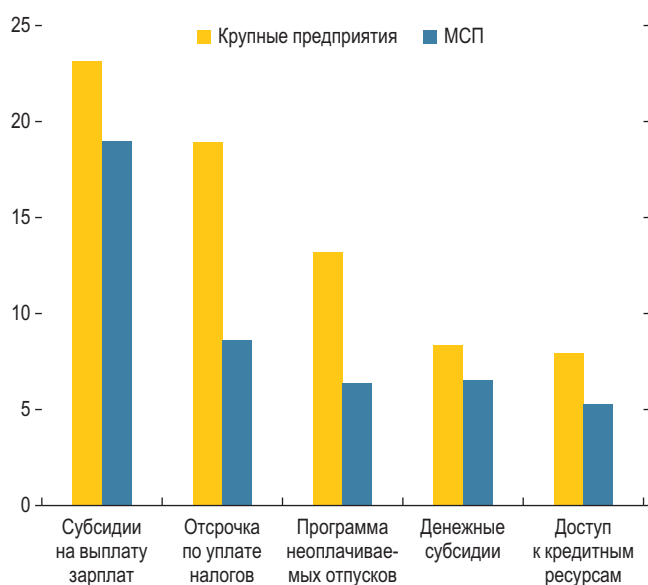
Источники: Abidi, El-Herradi, and Sakha, 2021; готовящаяся публикация МВФ. Примечание. В выборку входят Армения, Азербайджан, Египет, Грузия, Иордания, Казахстан, Кыргызская Республика, Ливан, Марокко, Таджикистан, Тунис, Узбекистан, Западный Берег и сектор Газа. Эмпирический анализ основан на данных за 2019–2020 годы. Считается, что предприятие обладает цифровыми возможностями, если до пандемии у него был вебсайт и оно использовало какую-либо внешнюю технологию. Внешняя технология — это приблизительный показатель качества цифровизации (например, наличие платежной системы) и приверженность предприятия внедрению технологий (цифровизация). Используемый в регрессионном анализе индекс цифровизации основан на анализе основных компонентов. В регрессионном анализе учитываются присущие предприятию переменные, в том числе его возраст и размер.

ключевой процентной ставки, поддержка в виде ликвидности и программы кредитных гарантий помогли снизить стоимость заемных средств. В целом, 34 процента компаний в выборке стран региона БВ и ЦА указывают, что получили, как минимум, один вид государственной поддержки⁵. Однако доступ МСП был относительно ограниченным: 33 процента из них получили, как минимум, один вид государственной поддержки, тогда как среди крупных компаний это процент составил 48 процентов (рис. 3.5).

Для медианной компании в регионе БВСАП, как показывает финансовая отчетность, государственная поддержка играла важную роль в течение 2020 года.

⁵На основании ограниченной выборки из 3511 предприятий, участвовавших в обследованиях BEEPS и ES-COVID-19, охватывающих шесть стран региона БВ и ЦА.

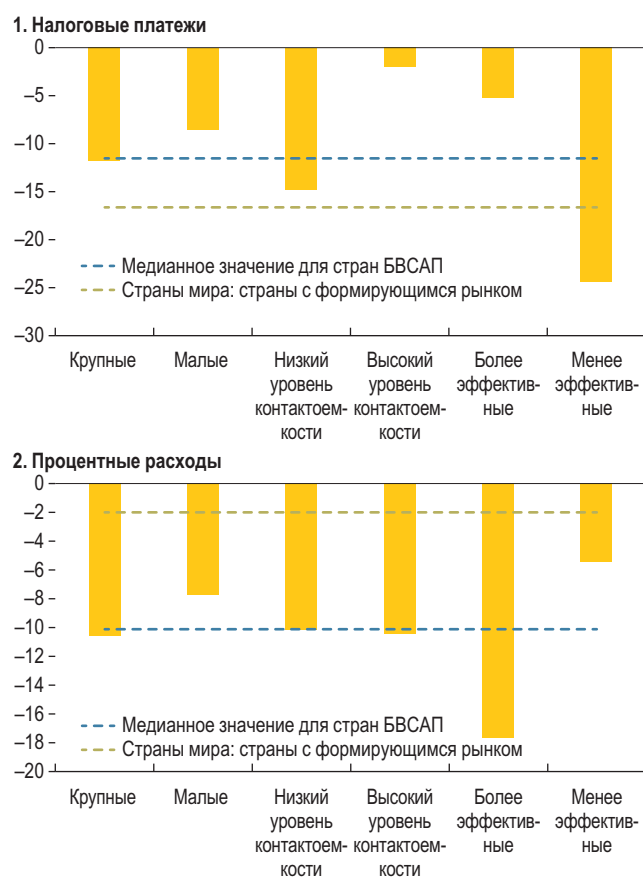
Рисунок 3.5. МСП получили меньше государственной поддержки, чем крупные предприятия
(Процент МСП и крупных предприятий)

Источники: Исследование деловой среды и деятельности предприятий и последующее обследование предприятий во время COVID-19; расчеты сотрудников МВФ.
Примечание. На малых и средних предприятиях работают менее 250 человек, тогда как на крупных предприятиях трудятся не менее 250 работников. В ходе обследования выясняется, получали ли предприятия какой-либо из следующих механизмов поддержки от местных или национальных властей: отсрочка по уплате налогов, доступ к финансированию, денежные субсидии, субсидии на выплату зарплат, программы неоплачиваемых отпусков, бюджетные льготы и пр. Мы выбрали пять наиболее крупных мер государственной поддержки. МСП = малые и средние предприятия.

- Платежи по уплате налогов на прибыль (из суммы налогов, начисленных по итогам хозяйственной деятельности за 2019 год) уменьшились на 12 процентов, а эффективная ставка налогов снизилась на 2 процентных пункта в 2020 году. Наиболее серьезное снижение налоговых платежей отмечено среди компаний с более низкими показателями эффективности до пандемии (-24 процента). Снижение эффективных ставок налогов оказалось более заметным среди стран — импортеров нефти (-3 процентных пункта) по сравнению с экспортерами нефти (-0,2 процентных пункта). Однако налоговые платежи и эффективные ставки налогов снизились на меньшую величину по сравнению с отражаемой в отчетности медианной компании в стране с формирующимся рынком (рис. 3.6, панель 1).

Рисунок 3.6. Благодаря государственной поддержке удалось смягчить нехватку ликвидности в течение 2020 года
(Изменение в процентах, год к году)

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ.
Примечание. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. Предприятия сгруппированы по показателям эффективности до пандемии на основе среднего уровня рентабельности в 2018–2019 г. (нижний и верхний квартили шкалы распределения выборки по уровню рентабельности за 2018–2019 годы). К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 г. Данные о налоговых платежах основаны на отчетности о движении денежных средств, поэтому они отражают налоговые платежи в 2020 году на основе начисленных обязательств по итогам хозяйственной деятельности за 2019 год.

- Процентные расходы компаний сократились на 10 процентов, при этом снижение оказалось более значительным среди экспортеров нефти, чем в странах — импортерах нефти (-13 процентов по сравнению с -8 процентами, соответственно). Для типичной компании в стране с формирующимся рынком снижение

процентных расходов составило лишь примерно 2 процента (рис. 3.6, панель 2).

- Чистые заимствования в 2020 году в процентах от активов 2019 года повысились на 3 процентных пункта, что немного ниже, чем рост на 4 процентных пункта у медианной компании в странах с формирующимся рынком.

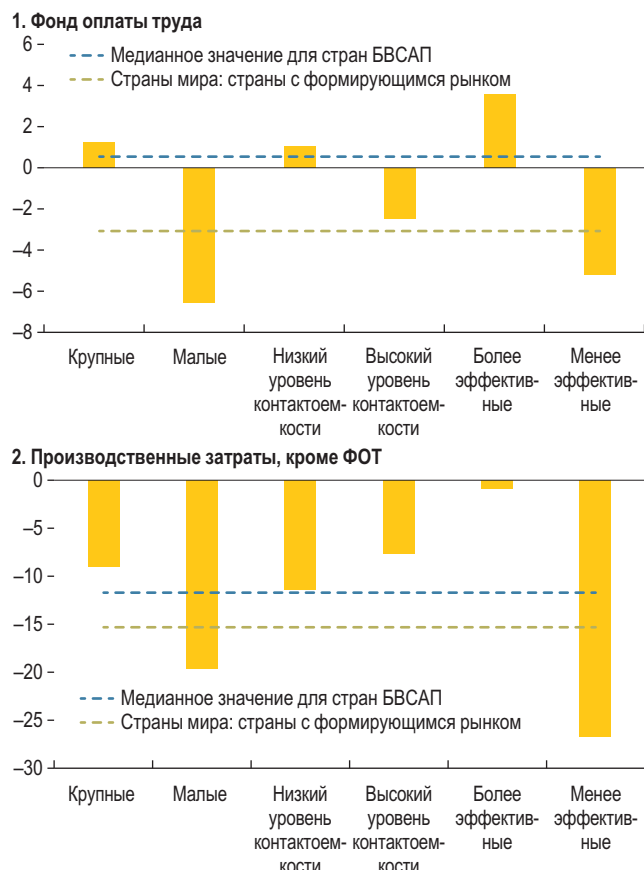
Благодаря значительному сокращению производственных затрат и использованию цифровых технологий компаниям также удалось сдерживать дефицит ликвидности (рис. 3.7). Около 35 процентов компаний, участвовавших в Исследовании деловой среды и деятельности предприятий и в последующем Исследовании предприятий в течение COVID-19, усилили или приступили к использованию цифровых технологий, а 30 процентов изменили производственные процессы в ответ на пандемию. К концу 2020 года расходы предприятий, кроме фонда оплаты труда, сократились на 10 процентов, тогда как расходы на ФОТ в целом оставались неизменными. Что касается ФОТ, то между странами — экспортерами и импортерами нефти отмечались существенные различия. Так, расходы на ФОТ в странах — экспортерах нефти снизились на 5 процентов, тогда как среди стран — импортеров нефти они повысились на 3 процента вследствие сокращения численности иностранных работников в странах ССЗ.

Усилились опасения по поводу ликвидности и платежеспособности в подмножестве предприятий

В результате COVID-19 некоторые предприятия стали более уязвимы, чем другие. К началу кризиса у предприятий, до пандемии имевших более низкие показатели эффективности, ухудшились возможности по обслуживанию долга (отрицательный коэффициент процентного покрытия [КПП] и с высокий уровень бремени задолженности (рис. 3.8, панель 1). Несмотря на резкое снижение производственных затрат и государственную поддержку, такие предприятия

Рисунок 3.7. Сокращение производственных затрат помогло ограничить нехватку ликвидности в течение 2020 года

(Процентное изменение, год к году)

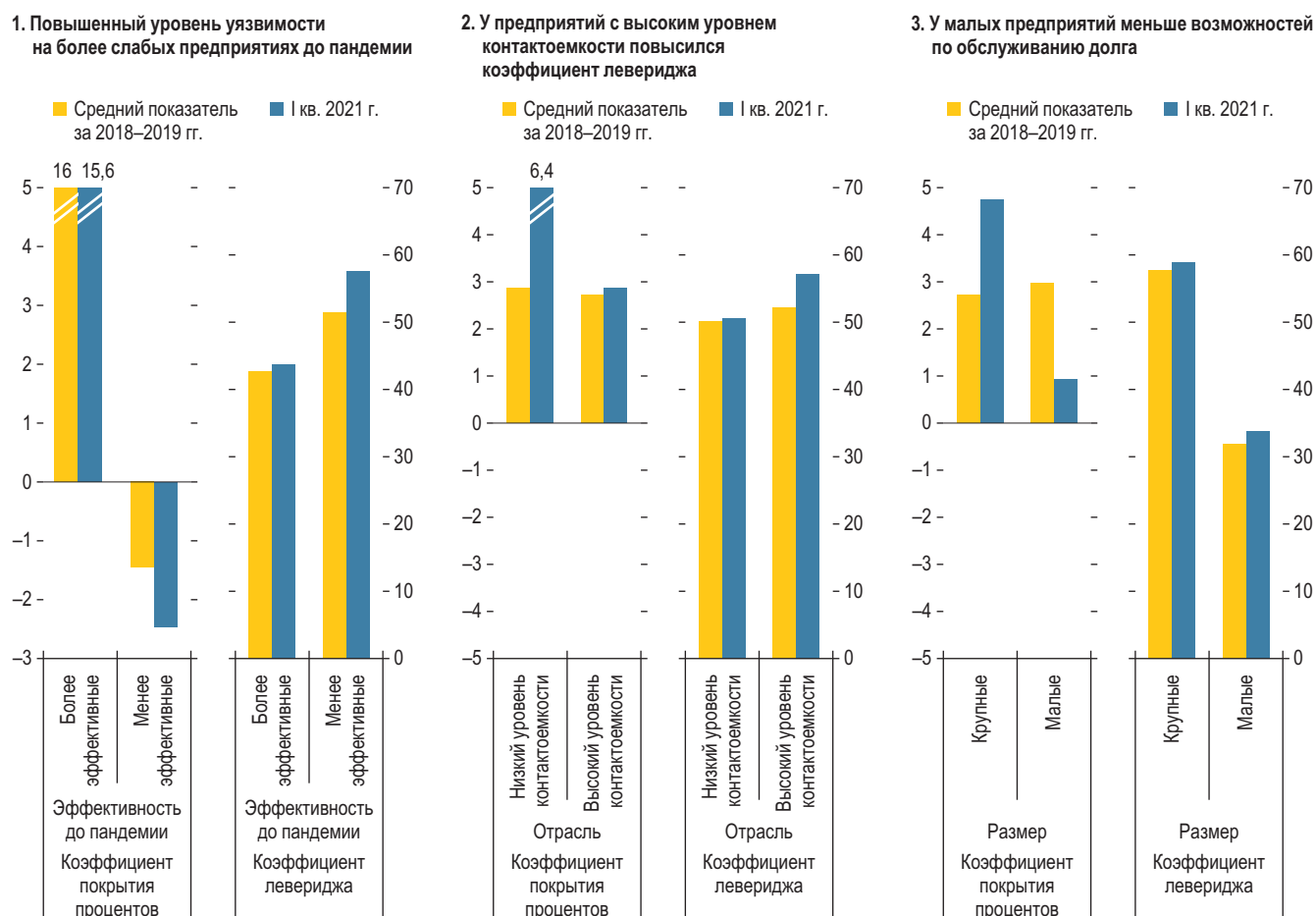

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. Предприятия сгруппированы по показателям эффективности до пандемии на основе среднего уровня рентабельности в 2018–2019 гг. (нижний и верхний квартили шкалы распределения выборки по уровню рентабельности за 2018–2019 годы). К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 г. Данные о налоговых платежах основаны на отчетности о движении денежных средств, поэтому они отражают налоговые платежи в 2020 году на основе начисленных обязательств по итогам хозяйственной деятельности за 2019 год.

столкнулись с усилением рисков «зомбификации»⁶, ухудшения ликвидности и платежеспособ-

⁶«Зомбификация» — это состояние, при котором прибыль компании становится недостаточной для покрытия стоимости капитала. Banerjee and Hoffman, 2020, определяют компании «зомби» как нерентабельные предприятия, которые

Рисунок 3.8. Зоны уязвимости по группам предприятий
(В процентах)

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ.

Примечание. Коэффициент покрытия процентов — отношение прибыли до выплаты процентов и налогов к процентным расходам; леверидж = отношение совокупного долга к активам.

Показатели эффективности до пандемии (более или менее эффективные предприятия) рассчитываются на основе нижнего и верхнего квартилей шкалы распределения выборки по уровню рентабельности за 2018–2019 годы. К отраслям с высоким уровнем контактной интенсивности относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактной интенсивности включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 году.

ности. Напротив, компании с более высокими показателями эффективности до пандемии, в целом сохранившие устойчивость во время пандемии, не испытывают серьезной угрозы ухудшения состояния ликвидности и платежеспособности.

остаются на рынке вместо того, чтобы покинуть его через процедуры поглощения или банкротства. Такие предприятия, как правило, меньшего размера, менее производительные, обладают большей долей заемных средств и инвестируют меньше средств в материальный и нематериальный капитал.

Предприятия в секторах с ВУК смогли скорректировать свои производственные затраты в 2020 году, но не в такой степени, как предприятия в секторах НУК. Эти меры оказались эффективны в острую фазу кризиса, но помогли преодолеть лишь краткосрочную нехватку ликвидности, учитывая продолжительные неблагоприятные факторы, с которыми столкнулись секторы с ВУК. В результате уровень заемных средств, который уже был высоким к началу пандемии, заметно повысился (с 51 до 57 процентов к I кварталу 2021 года; рис. 3.8, панель 2).

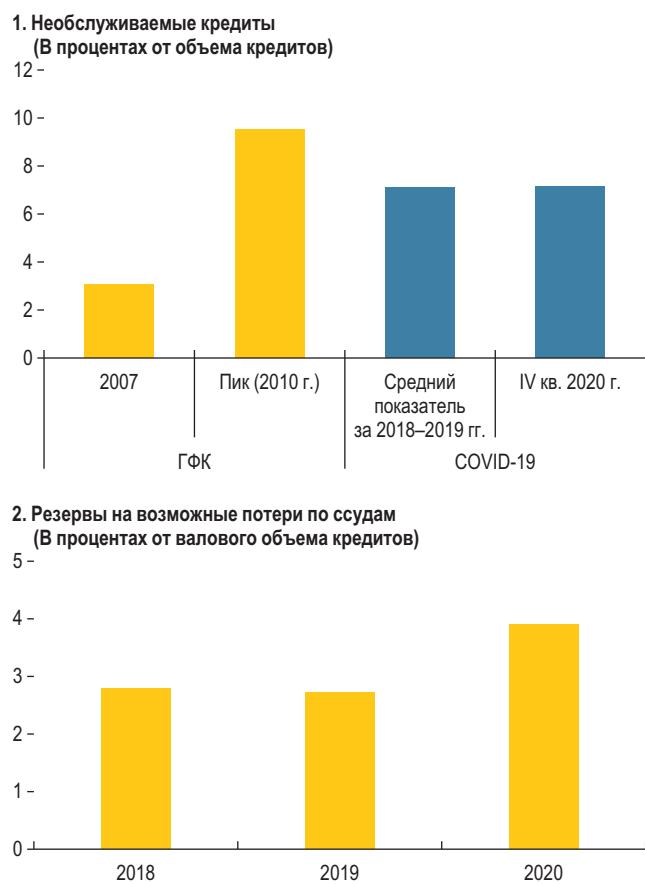
Накопление высокого уровня долга в период снижения доходов усиливает риски неплатежеспособности.

Наиболее серьезному воздействию пандемии подверглись малые предприятия; они имели более ограниченный доступ к мерам государственной поддержки, и им предстоит продолжительное восстановление. На фоне невысоких доходов таких компаний, ослабления их возможностей по обслуживанию долга и ограниченного доступа к кредитным ресурсам их риски ухудшения состояния ликвидности и платежеспособности могут усугубиться (рис. 3.8, панель 3).

Банковские системы в регионе сохраняют устойчивость, однако отмечается неравномерное накопление рисков

Благодаря мерам макрофинансовой политики и поддержке в виде ликвидности, банковским системам в регионе БВ и ЦА пока удается противостоять шоковому воздействию пандемии. Оперативная поддержка, включая меры по облегчению бремени задолженности и усилия, позволившие банкам преодолеть дефицит ликвидности, в том числе благодаря роспуску макропруденциальных буферов и изменению критериев классификации кредитов (временная приостановка или отсрочка признания необслуживаемых кредитов [НОК]), до настоящего времени помогают защитить финансовую стабильность. Уровень НОК остается в целом стабильным и составляет в среднем около 7½ процента совокупного объема кредитов. Такая ситуация резко отличается от динамики, наблюдавшейся во время предыдущих кризисов, в том числе во время глобального финансового кризиса, когда отмечался быстрый рост НОК (рис. 3.9, панель 1). Однако размер отчислений в резервы на возможные потери по ссудам в 2020 году был выше, чем в 2019 году, что отчасти объясняется регулятивными требованиями, а это указывает на то, что банки заранее прогнозируют риски и формируют резервы для защиты от возможного ухудшения качества активов в случае сворачивания мер поддержки (рис. 3.9, панель 2).

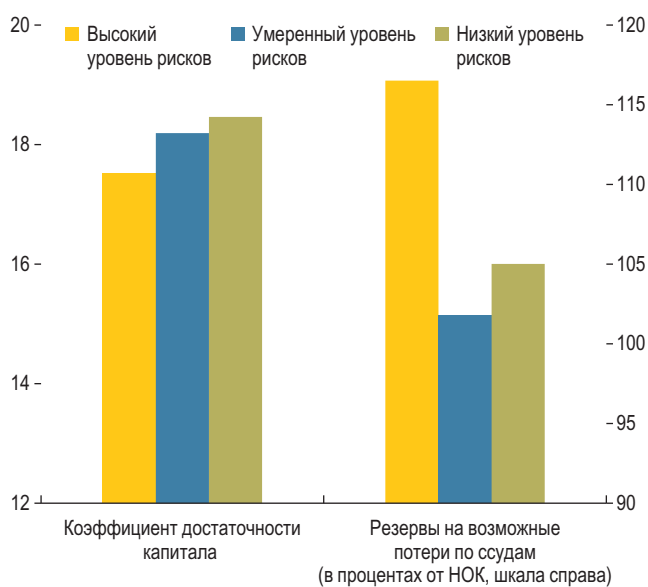
Рисунок 3.9. Последние тенденции в части необслуживаемых кредитов и резервов на возможные потери по ссудам

Источники: национальные официальные органы; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. ГФК = глобальный финансовый кризис.

Несмотря на сохранение до настоящего времени такой устойчивости, налицо неравномерное нарастание рисков, угрожающих финансовой стабильности; они связаны с факторами уязвимости, образовавшимися до пандемии, а также с подверженностью рискам в корпоративном секторе (в частности, в серьезно пострадавших отраслях с ВУК) и со смягчением мер, которые привели к отсрочке признания НОК. К началу кризиса у банков, более серьезно подверженных рискам в корпоративном секторе, отмечался более высокий уровень НОК и более низкие коэффициенты достаточности капитала и ликвидности, при этом эти буферы немного снизились в 2020 году; поэтому они могут оказаться более уязвимы к рискам,

Рисунок 3.10. Буферы капитала и отчисления в резервы по уровню корпоративных рисков
(В процентах)

Источник: S&P Global Market Intelligence; Compustat; расчеты персонала МВФ.
Примечание. НОК = необслуживаемые кредиты.

хотя эта уязвимость несколько смягчается большим размером отчислений в резервы на возможные потери по ссудам относительно уровня НОК (рис. 3.10). Кроме того, в банковских системах, более подверженных рискам в отраслях с ВУК, во время пандемии отмечается рост НОК, что отражает ослабление показателей компаний в этих отраслях. Такие риски являются наиболее высокими в странах ССЗ, при этом риск непропорционально смещен в сторону стран с низкими доходами, которые к началу пандемии имели высокие уровни НОК при ограниченных бюджетных ресурсах и внешних буферных резервах на фоне серьезной подверженности рискам в отраслях с ВУК.

Прогноз для сектора предприятий и повышенная неопределенность

Возможно, предприятиям в регионе удалось избежать наихудшего сценария, однако на фоне затянувшегося кризиса в здравоохранении и ограниченном пространством для мер политики могут усугубиться риски ликвидности

и платежеспособности, а вторичные эффекты могут распространиться на финансовый сектор. Несмотря на текущие благоприятные финансовые условия, пандемия привела к ухудшению возможностей по обслуживанию долга и усугублению ситуации с чрезмерной задолженностью среди значимого подмножества предприятий. Если эти риски не будут преодолены, то они могут создать угрозу финансовой стабильности и привести к продолжительному периоду слабых экономических показателей. На фоне невысоких доходов и досрочного общего сворачивания государственной поддержки у уязвимых предприятий могут ухудшиться показатели ликвидности и платежеспособности, а это потенциально может спровоцировать волну банкротств в регионе. В этой связи чрезвычайно важно оценивать факторы стресса, связанные с ликвидностью и платежеспособностью в ближайшей и среднесрочной перспективе, а также степень жизнеспособности и «зомбификации» корпоративного сектора в регионе.

На основе использования инструментов стресс-тестирования, адаптированных с учетом особенностей региона, в данном разделе представлены прогнозы показателей ликвидности, платежеспособности и жизнеспособности предприятий в 2021–2023 годах исходя из сценариев реального роста ВВП и государственной поддержки⁷. В анализе использованы оценки панельной регрессии на основе выборки зарегистрированных на бирже предприятий региона БСАП, а также показатели, использованные в ходе оценки уязвимости предприятий (остатки денежных средств, КПП и капитал) для оценки степени подверженности рискам

⁷Инструменты стресс-тестирования были разработаны в рамках «Доклада по вопросам глобальной финансовой стабильности» МВФ и Tressel and Ding, 2021. В данном разделе используются два сценария: (i) базовый сценарий, при котором реальный рост ВВП соответствует прогнозу МВФ, изложенному в «Перспективах развития мировой экономики», который не предполагает изменения мер государственной поддержки предприятий по сравнению с 2020 годом; и (ii) неблагоприятный сценарий, при котором реальный рост ВВП окажется на одно стандартное отклонение (по шкале распределения роста) ниже прогноза ПРМЭ, а меры государственной поддержки будут симметрично сворачиваться во всех компаниях (для упрощения) начиная с 2022 года до предполагаемого повышения эффективных процентных ставок для предприятий на 200 базисных пунктов (по сравнению со ставками 2020 года) и повышения эффективных ставок налогов до уровня 2019 года.

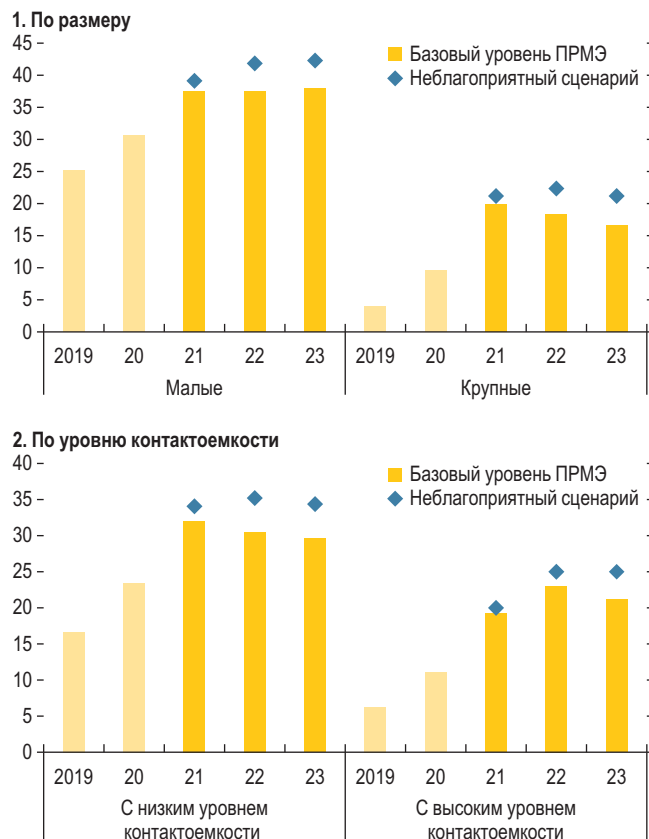
ухудшения ликвидности и платежеспособности (см. подробное описание в онлайн-приложении 3.2)⁸. Эти показатели используются для разработки двух критериев оценки: «предприятия, подверженные риску» и «долг, подверженный риску». Высокое значение показателя «предприятия, подверженные риску» указывает на преобладающие факторы уязвимости в части ликвидности и платежеспособности. Высокое значение показателя «долг, подверженный риску» указывает на большую долю корпоративного долга, подверженного риску дефолта в случае реализации риска ухудшения ликвидности и платежеспособности.

Для малых предприятий прогнозируется сохранение повышенного стресса ухудшения ликвидности

В среднесрочной перспективе дефицит ликвидности у малых предприятий, измеряемый в виде прогнозируемых отрицательных остатков денежных средств, будет сохраняться на достаточно высоком уровне и может еще больше усугубиться в случае неблагоприятного сценария, при котором экономический рост будет невысоким, а государственная поддержка прекратится. В соответствии с базовым и неблагоприятным сценариями, примерно 38 и 42 процентов малых предприятий, соответственно, столкнутся с нехваткой наличных денежных средств и будут вынуждены прибегать к заимствованиям, тогда как до пандемии этот показатель составлял 25 процентов (рис. 3.11, панель 1). Это означает, что если оправдается риск ухудшения состояния ликвидности, то к 2023 году почти 31 процент (базовый сценарий) и 37 процентов (неблагоприятный сценарий) малых предприятий столкнутся с риском дефолта (рис. 3.12, панель 1). В отличие от малых предприятий, перспективы ситуации с ликвидностью у крупных

⁸В выборку компаний из региона ВБСАП, зарегистрированных на фондовой бирже, входят страны — экспортеры нефти (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия,) и импортеры нефти (Египет, Иордания, Марокко, Пакистан и Тунис). Страны КЦА не включены, учитывая ограниченный набор данных в базе данных «Compustat».

Рисунок 3.11. Предприятия, подверженные рискам: доля предприятий, испытывающих потребности в ликвидности (баланс наличности ниже нуля) (В процентах)

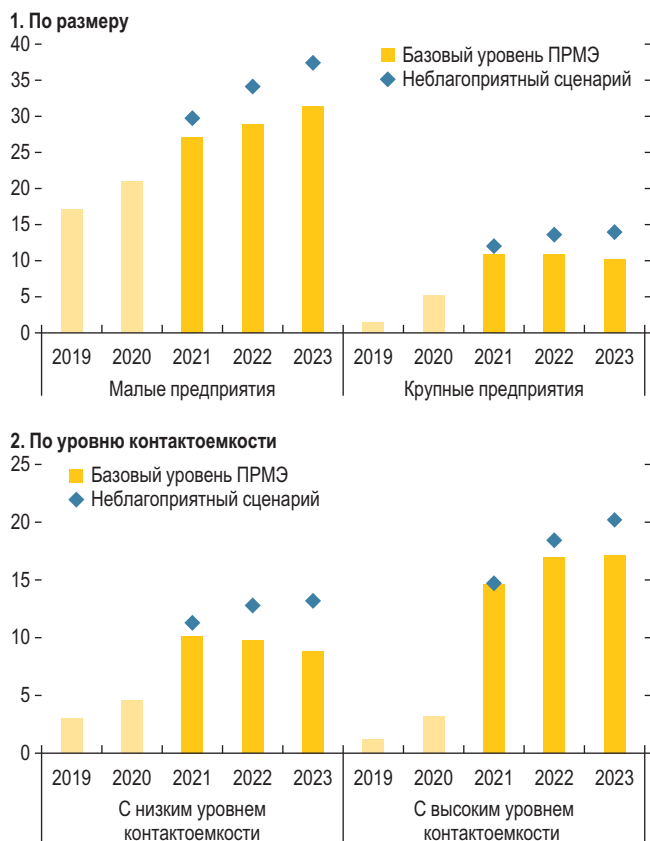

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 году. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. ПРМЭ = Перспективы развития мировой экономики.

предприятий выглядят более благоприятно благодаря накоплению более значительных денежных средств до пандемии.

Несмотря на прогнозируемое сохранение повышенных потребностей в ликвидности в отраслях с ВУК и НУК по сравнению с периодом до пандемии (рис. 3.11, панель 2) — связанное с серьезным воздействием пандемии на контактоемкие отрасли — в рамках базового (неблагоприятного) сценария к 2023 году доля предприятий с ВУК, испытывающих потребности в ликвидности,

Рисунок 3.12. Уровень долга, подверженный риску: доля долга предприятий, испытывающих проблемы с ликвидностью
(В процентах от совокупного уровня долга)

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 году. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. ПРМЭ = Перспективы развития мировой экономики.

может увеличиться более чем в три (в четыре) раза до 21 процента (25 процентов) по сравнению с низким 6-процентным уровнем до пандемии. Это приведет к резкому росту подверженного риску долга компаний в отраслях с ВУК до 20 процентов их совокупного долга (рис. 3.12, панель 2). В среднесрочной перспективе в отраслях с НУК доля компаний, испытывающих риск дефицита ликвидности, увеличится вдвое с 17 до 30–34 процентов в рамках базового и неблагоприятного сценариев, соответственно. В отраслях с НУК показатель подверженных риску компаний выше,

однако показатель подверженного риску долга выше в отраслях с ВУК (17–20 процентов, тогда как в отраслях с НУК он составляет 9–13 процентов); это объясняется быстрым ростом потребностей в ликвидности и заимствованиями некоторых компаний с ВУК, серьезно пострадавших в результате шока пандемии.

При этом опасения по поводу платежеспособности остаются сдержанными

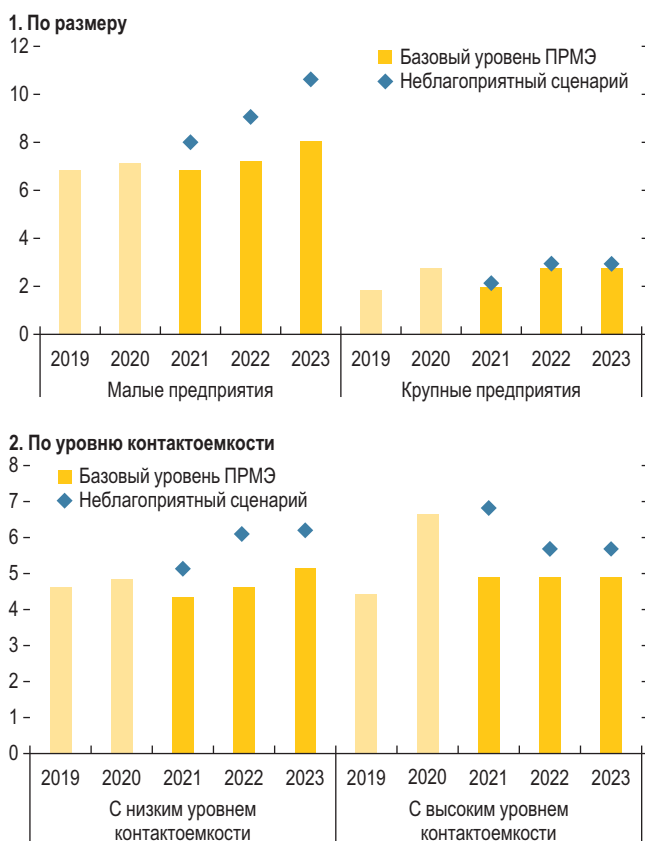
Риск неплатежеспособности малых компаний усугубится только в случае неблагоприятной ситуации. Доля неплатежеспособных малых предприятий (с отрицательным капиталом) повысится с 7 процентов до пандемии до 8 и 11 процентов в 2023 году, соответственно, в рамках базового и неблагоприятного сценариев (рис. 3.13, панель 1). Прогнозируется, что доля крупных предприятий с отрицательным капиталом, которая уже была ниже до пандемии, в среднесрочной перспективе останется на низком и стабильном уровне, что обусловлено более устойчивым уровнем капитала до пандемии и возможностями получения прибыли по сравнению с малыми предприятиями.

В среднесрочной перспективе капитал предприятий в отраслях с высоким уровнем контактоемкости сохранится на устойчивом уровне (рис. 3.13, панель 2). В рамках базового сценария, после резкого роста в 2020 году доля несостоятельных предприятий в отраслях с ВУК снизится до уровня, отмечавшегося до пандемии. В случае неблагоприятного развития ситуации такая доля будет сохраняться на уровне, немного превышающем показатели до пандемии в различных отраслях, что связано с дополнительным сокращением рентабельности. В некоторых компаниях накопление убытков будет продолжаться до тех пор, пока не произойдет вымывание капитала и они не станут неплатежеспособными.

Появляются опасения по поводу реструктуризации и ликвидации

Разработчики политики столкнулись с дилеммой определения компаний, которым следует

Рисунок 3.13. Предприятия, подверженные рискам: доля предприятий, испытывающих проблемы с платежеспособностью (уровень капитала ниже нуля) (В процентах)

Источники: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. К малым (крупным) относятся предприятия, совокупный размер активов которых ниже (выше) медианного значения совокупных активов в стране в 2019 г. К отраслям с высоким уровнем контактоемкости относятся сектор услуг, розничная торговля, сфера здравоохранения и транспорт, тогда как отрасли с низким уровнем контактоемкости включают производство потребительских товаров длительного и недлительного пользования, обрабатывающая, химическая промышленность, производство делового оборудования, телекоммуникации и сектор ЖКХ. ПРМЭ = Перспективы развития мировой экономики.

полагаться на рыночное финансирование, получать государственную поддержку либо подвергнуться реструктуризации или ликвидации. Для содействия проведению такой оценки в данном разделе проводится классификация компаний на основе их жизнеспособности⁹. Жизнеспособной считается компания, способная зарабатывать

⁹В данной главе используется определение жизнеспособности, приведенное в «Докладе по вопросам глобальной финансовой стабильности», и в работе Tressel and Ding, 2021, и Banerjee and Hoffman, 2020.

прибыль, размер которой до уплаты процентов и налогов превышает расходы на обслуживание долга (КПП больше 1) при «нормальных экономических условиях»¹⁰. Предприятия делятся на три группы: (1) «устойчивые» компании, КПП которых до и после пандемии превышает 1, (2) «жизнеспособные» компании — это те предприятия, которые имели значение КПП выше 1, но стали проблемными после пандемии (КПП ниже 1), и (3) компании «зомби» — это предприятия с пониженной способностью обслуживания долга и до, и после начала пандемии (КПП ниже 1)¹¹.

Многие компании являются устойчивыми; в базовом сценарии на них приходится 85 процентов предприятий как в странах-импортерах, так и в странах — экспортерах нефти (и примерно на 10 процентных пунктов меньше в неблагоприятном сценарии; рис. 3.14, панель 1). Это означает, что, в худшем случае, 75 и 86 процентов корпоративного долга в обеих группах стран будут устойчивыми (с низким кредитным риском), соответственно (рис. 3.14, панель 2).

Тем не менее в обеих группах стран придется проводить реструктуризацию либо ликвидацию 15 процентов компаний (до 25 процентов компаний при неблагоприятном сценарии).

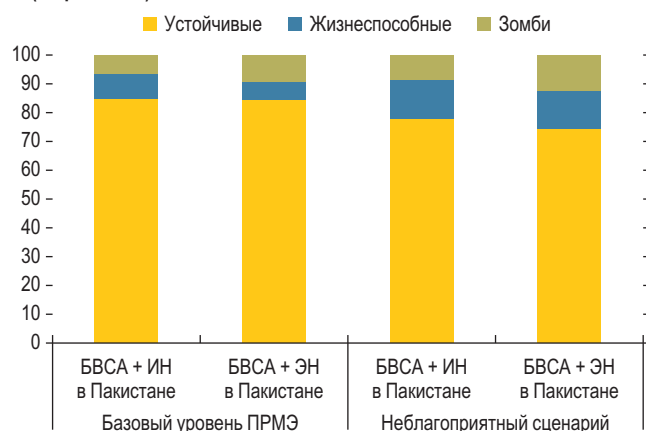
- В базовом сценарии на долю жизнеспособных компаний, которым может потребоваться реструктуризация долга, приходится 9 процентов предприятий в странах — импортерах нефти и 6 процентов в странах — экспортерах нефти (14 и 13 процентов, соответственно, при неблагоприятном сценарии).

¹⁰Оценка жизнеспособности опирается на допущение о том, что после ослабления пандемии экономическая активность и структуры вернутся к уровню до пандемии; иными словами, не последуют структурные изменения, в результате которых рентабельные компании станут необратимо нерентабельными.

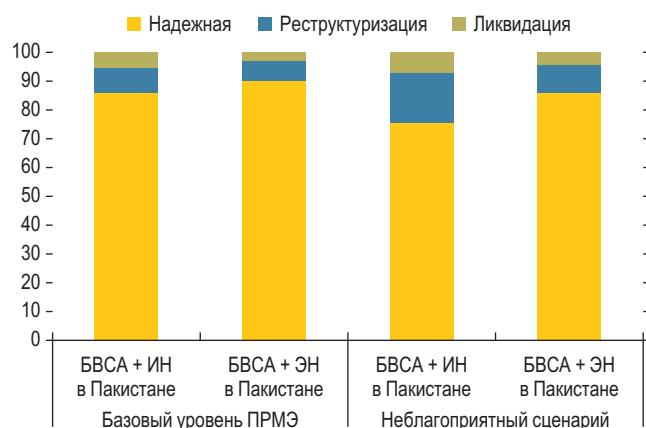
¹¹В недавних исследованиях (Hong, Igan, and Lee, 2021) компании «зомби» определяются как предприятия, уровень КПП которых ниже 1, а возраст превышает определенный срок, чтобы исключить из списка компаний «зомби» стартапы, которые еще не начали получать прибыль. В приведенном анализе для выявления компаний «зомби» используются только КПП, поскольку он основан на выборке зарегистрированных на бирже компаний, которые, как правило, уже работают в течение нескольких лет.

Рисунок 3.14. Оценка жизнеспособности предприятия

1. Классификация предприятий: средняя доля в 2022–2023 годах (В процентах)

2. Структура долга (Средний процент совокупного долга в 2022–2023 гг.)

Источник: S&P Global Market Intelligence, Compustat; расчеты сотрудников МВФ. Примечание. БВСА + ЭН в Пакистане = страны Ближнего Востока и Северной Африки и экспортеры нефти в Пакистане; БВСА + ИН в Пакистане = импортеры нефти БВСА; ПРМЭ = Перспективы развития мировой экономики.

ятном сценарии). В наихудшем случае это означает, что потребуются реструктурировать 17 процентов корпоративного долга в странах — импортерах нефти и 10 процентов в странах — экспортерах нефти.

- Заметной доле предприятий, которые считаются «зомби», может потребоваться ликвидация, если не принимать во внимание другие корпоративные стратегические и социальные цели, выполняемые такими предприятиями. Эта доля в базовом сценарии составляет 6 и 9 процентов в странах-импортерах и экспорте-

рах нефти, соответственно, (в неблагоприятном сценарии — 9 и 12 процентов)¹².

Меры государственной политики на этапе восстановления экономики и в последующий период

Уязвимость корпоративного сектора в целом снизилась, однако повышенный уровень рисков в некоторых группах компаний требует тщательной проработки адресного пакета мер государственной поддержки во избежание реализации этих рисков, которые приведут к углублению долговременного ущерба от кризиса.

На фоне неопределенной динамики развития пандемии и повышенного риска ликвидности разработчикам государственной политики следует проявлять гибкость и осторожность при принятии решений о преждевременном сворачивании мер государственной поддержки для уязвимых, но жизнеспособных компаний (глава 1). Следует постепенно направлять адресные меры в пользу наиболее нуждающихся компаний, а именно, находящихся в тяжелом положении, но жизнеспособных компаний, таких как малые предприятия и компании в секторе с НУК.

В среднесрочной перспективе для содействия устойчивому восстановлению меры политики следует смещать в сторону перераспределения ресурсов в пользу жизнеспособных компаний. В странах с полноценно функционирующими рынками капитала следует поощрять крупные компании к привлечению акционерного капитала для укрепления своих балансов. Что касается неплатежеспособных, но жизнеспособных малых и средних предприятий, то для рекапитализации им в первую

¹²Эти показатели сопоставимы с долями компаний «зомби» в странах с развитой экономикой и в странах с формирующимся рынком, которые отражены в работе Tressel and Ding, 2021; они составляют 12–13 процентов и 9–11 процентов, соответственно. Эти авторы также заявляют о сопоставимых долях подлежащего ликвидации долга, которые составляют около 5–8 процентов в странах с развитой экономикой и 5–6 процентов в странах с формирующимся рынком.

очередь следует полагаться на средства их собственников и акционеров. Если у них нет возможности мобилизовать капитал, то может потребоваться помощь государства. При реструктуризации можно использовать вливания капитала, поскольку они помогут сгладить кривую неплатежеспособности, предоставить столь необходимые ликвидные средства и в то же время смягчить проблему чрезмерной задолженности. Там, где имеются фонды национального благосостояния, их можно использовать как канал для вливания государством капитала в компании, если такая поддержка сопровождается соответствующими защитными механизмами, гарантирующими прозрачность, подотчетность и надлежащее корпоративное управление во избежание неправомерного использования государственных ресурсов (апрельский выпуск «Бюджетного вестника» 2021 года). В странах, где бюджетное пространство ограничено или отсутствует, государства могут рассмотреть менее затратные для бюджета меры (например, конверсию гарантированного долга в акции).

Некоторые страны региона усовершенствовали свои основы урегулирования неплатежеспособности (например, Объединенные Арабские Эмираты), но директивным органам следует усилить меры по укреплению таких основ для упрощения реструктуризации испытывающих трудности жизнеспособных предприятий и ликвидации нежизнеспособных компаний. Необходимы реформы для упрощения процедур, повышения экспертных знаний и возможностей судов и конкурсных управляющих и улучшения процедур реорганизации. Этого можно добиться путем стимулирования инвесторов к предоставлению капитала испытывающим трудности компаниям, обеспечения возможности внесудебного урегулирования споров между неплатежеспособными должниками и кредиторами (Demmou et al., 2021) и внедрения механизмов реструктуризации с ограниченным участием судов (например, успешно реализованные гибридные формы реструктуризации в Грузии; Liu, Garrido, and DeLong, 2020). Разработанные для МСП механизмы реструктуризации могут повысить коэффициент «выживания» компаний и возврат средств кредиторам (Diez et al., 2021). Необходимы

реформы для упрощения сложных процессуальных механизмов и судебных процедур для микро- и малых предприятий (World Bank Group, 2018; UNCITRAL, 2021).

В свете по-прежнему низкой эффективности ГП важнейшей задачей является реформа системы корпоративного управления и управления бюджетными рисками с акцентом на повышении эффективности и отчетности ГП, проведении государственного надзора и оценки бюджетных рисков (например, как это успешно реализовано в Марокко; IMF 2021). Обеспечение равных конкурентных условий между ГП и частными компаниями, в том числе с помощью реструктуризации, реорганизации и ликвидации ГП, может дать импульс конкуренции и повысить производительность.

Ускорение процесса освоения предприятиями цифровых сетей не только повысит устойчивость к будущим шокам, но и поможет повысить производительность и конкурентоспособность (Sorbe et al., 2019). Высокоскоростные широкополосные сети, снижение барьеров для выхода компаний на рынок и цифровая торговля, финансирование инновационных стартапов и укрепление систем электронных платежей — все эти факторы являются важными условиями повышения производительности. Улучшение качества оказания финансовых услуг и инвестиции в финтех также могут содействовать региональным усилиям по расширению доступа к финансовым услугам, особенно для субъектов, таких как МСП, которым приходится преодолевать более высокие барьеры для доступа к кредитным ресурсам (IMF, 2019).

За отменой послаблений в части макропруденциальных буферов и правил классификации ссуд, скорее всего, последует отложенный рост уровня НОК. Если эта проблема не будет решена, то может быть поставлена под угрозу финансовая стабильность, а в некоторых случаях потребуются выделение бюджетных ресурсов для рекапитализации, а это приведет к дальнейшему укреплению связи между государством и банками. Официальным органам следует осуществлять тщательный мониторинг этих рисков, взвешенно проводить отмену государственной поддержки и поощрять

уязвимые банки к тому, чтобы они использовали «передышку», возникшую благодаря государственной поддержке, для укрепления буферов с целью защиты от будущих рисков. В среднесрочной перспективе следует также направлять

усилия на развитие рынков капитала и рынков проблемных долгов, чтобы помочь жизнеспособным банкам укрепить свои балансы и способствовать реструктуризации корпоративного сектора с помощью рыночных механизмов.

Литература

- Abidi, Nordine, Mehdi El-Herradi, and Sahra Sakha. 2021. “Digitalization and Resilience: Firm-level Evidence During the COVID-19.” IMF Working Paper, forthcoming
- Banerjee, Ryan, and Boris Hofmann. 2020. “Corporate Zombies: Anatomy and Life Cycle. BIS Working Paper 882, Bank for International Settlements, Basel, Switzerland.
- Demmou, Lilas, Sara Calligaris, Guido Franco, Dennis Dlugosch, Müge Adalet McGowan, and Sahra Sakha. 2021. “Insolvency and Debt Overhang Following the COVID-19 Outbreak: Assessment of Risks and Policy Responses.” OECD Economics Department Working Paper 1651, Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris.
- Díez, Federico J., Romain Duval, Jiayue Fan, José Garrido, Sebnem Kalemli-Özcan, Chiara Maggi, Soledad Martinez-Peria, and Nicola Pierri. 2021. Insolvency Prospects Among Small-and-Medium-Sized Enterprises in Advanced Economies: Assessment and Policy Options.” IMF Staff Discussion Note 2021/002, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Hong, Gee Hee, Deniz Igan, and Do Lee. 2021. “Zombies on the Brink: Evidence from Japan on the Reversal of Monetary Policy Effectiveness.” IMF Working Paper 21/44, International Monetary Fund, Washington, DC.
- IMF (International Monetary Fund). 2019. “Financial Inclusion of Small and Medium-Sized Enterprises in the Middle East and Central Asia.” IMF Working Paper 19/02, International Monetary Fund, Washington, DC.
- IMF (International Monetary Fund) 2021. “State Owned Enterprises in Middle East, North Africa, and Central Asia: Size, Costs, and Challenges.” IMF Policy Paper, 21/019, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Joseph, Andreas, Christiane Kneer, and Neeltje van Horen. 2021. “All You Need Is Cash: Corporate Cash Holdings and Investment after the Global Financial Crisis.” CESifo Working Paper 9053, Center for Economic Studies and the ifo Institute, Munich.
- Liu, Yan, José Garrido, and Chanda DeLong. 2020. “Private Debt Resolution Measures in the Wake of the Pandemic.” Special Series on COVID-19 (May 27), International Monetary Fund, Washington, DC.
- Sorbe, Stephane, Peter Gal, Guiseppe Nicoletti, and Christina Timiliotis. 2019. Digital Dividend: Policies to Harness the Productivity Potential of Digital Technologies. OECD Economic Policy Paper 26, OECD Publishing, Paris.
- Tressel, Thierry, and Xiaodan Ding. 2021. “Global Corporate Stress Tests—Impact of the COVID-19 Pandemic and Policy Responses.” IMF Working Paper 2021/212, International Monetary Fund, Washington, DC.
- UNCITRAL (United Nations Commission on International Trade Law). 2021. “Draft Text for a Simplified Insolvency Regime: Note by the Secretariat.” Working Group V, 58th Session (May 3–7), United Nations Commission on International Trade Law, New York. <https://undocs.org/en/A/CN.9/WG.V/WP.172>.
- World Bank Group. 2018. *Saving Entrepreneurs, Saving Enterprises: Proposals on the Treatment of MSME Insolvency*. Washington, DC: World Bank Group.

Регион БВСА, Афганистан и Пакистан: отдельные экономические показатели, 2000–2022 годы

(В процентах ВВП, если не указано иное)

	Среднее 2000–17	2018	2019	2020	Прогнозы	
					2021	2022
БВСА¹						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,5	1,4	1,0	-3,2	4,1	4,1
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	5,5	2,6	2,9	-2,9	3,6	3,6
Сальдо счета текущих операций	7,4	3,8	1,2	-2,4	2,1	2,2
Общее бюджетное сальдо	1,8	-2,1	-3,2	-8,3	-4,5	-3,9
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	7,1	9,7	6,8	10,4	12,9	8,8
Страны — экспортеры нефти БВСА						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,6	0,6	0,1	-4,3	4,6	4,0
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	5,8	2,1	2,7	-3,9	3,8	3,3
Сальдо счета текущих операций	10,1	6,3	3,1	-1,8	3,7	3,7
Общее бюджетное сальдо	3,6	-0,9	-2,3	-8,6	-3,9	-3,3
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	6,6	8,0	5,6	8,4	11,2	8,4
Страны — экспортеры нефти БВСА, кроме стран в состоянии конфликта и Ирана						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,9	2,2	1,5	-5,9	2,7	4,6
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	6,4	3,4	3,3	-5,6	4,2	3,7
Сальдо счета текущих операций	11,9	6,6	3,9	-2,5	4,9	5,1
Общее бюджетное сальдо	5,3	-1,0	-1,9	-9,5	-2,7	-1,4
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	3,2	2,2	-0,9	1,3	3,7	3,3
В том числе: Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (ССЗ)						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,4	2,0	1,0	-4,8	2,5	4,2
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	6,2	1,7	2,7	-3,9	3,8	3,4
Сальдо счета текущих операций	13,6	8,6	5,8	-0,4	6,0	6,3
Общее бюджетное сальдо	6,8	-1,5	-1,5	-8,8	-1,8	-0,4
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	2,6	2,2	-1,5	1,2	2,8	2,4
Страны — импортеры нефти БВСА¹						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,1	3,5	3,3	-0,6	3,0	4,3
Сальдо счета текущих операций	-3,9	-7,5	-6,7	-4,7	-5,1	-4,5
Общее бюджетное сальдо	-6,6	-7,3	-6,9	-7,1	-7,0	-6,4
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	8,2	14,3	9,8	15,2	17,1	9,8
БВСАП^{1,2}						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,5	1,9	1,2	-2,9	4,1	4,1
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	5,4	2,9	2,8	-2,6	3,6	3,6
Сальдо счета текущих операций	6,8	2,9	0,8	-2,3	1,9	1,8
Общее бюджетное сальдо	1,3	-2,4	-3,6	-8,2	-4,7	-4,1
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	7,1	8,9	6,7	10,4	12,4	8,8
Страны — импортеры нефти БВСАП^{1,2}						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,2	4,1	2,9	-0,6	3,3	4,2
Сальдо счета текущих операций	-2,8	-6,6	-5,8	-3,5	-3,8	-4,1
Общее бюджетное сальдо	-5,9	-6,8	-7,4	-7,3	-7,0	-6,4
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	8,1	10,4	8,6	13,5	14,3	9,4
Арабские страны¹						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,6	2,8	2,3	-4,5	4,4	4,5
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	5,7	3,5	3,2	-3,9	3,8	3,9
Сальдо счета текущих операций	8,1	3,5	1,3	-3,2	2,5	2,7
Общее бюджетное сальдо	2,6	-2,1	-2,8	-9,2	-3,7	-2,6
Инфляция (среднегодовая, в процентах)

Источники: официальные органы стран; расчеты и прогнозы персонала МВФ.

¹Данные за 2011–2022 год не включают Сирийскую Арабскую Республику.

²Данные за 2021–2022 год не включают Афганистан.

Примечания. Данные по следующим странам относятся к бюджетному году: Афганистан (21 марта/20 марта) до 2011 года и 21 декабря/20 декабря после 2011 года, Иран (21 марта/20 марта), а также Египет и Пакистан (июль/июнь).

Страны БВСА: Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Сирийская Арабская Республика и Тунис.

Страны — экспортеры нефти БВСА: Алжир, Бахрейн, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

Страны — экспортеры нефти БВСА, кроме стран в состоянии конфликта и Ирана: Алжир, Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

Страны-члены ССЗ: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

Страны — импортеры нефти БВСА: Джибути, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иордания, Ливан, Мавритания, Марокко, Сирия, Сомали, Судан и Тунис.

Страны БВСАП: БВСА, Афганистан и Пакистан.

Страны — импортеры нефти БВСАП: страны — импортеры нефти БВСА, Афганистан и Пакистан.

Арабские страны: Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Сирийская Арабская Республика и Тунис.

Регион КЦА: отдельные экономические показатели, 2000–2022 годы

(В процентах ВВП, если не указано иное)

	Среднее 2000–17	2018	2019	2020	Прогнозы	
					2021	2022
КЦА						
Реальный ВВП (годовой рост)	7,0	3,9	3,8	–2,2	4,3	4,1
Сальдо счета текущих операций	0,0	0,2	–2,3	–3,4	–0,9	–1,4
Общее бюджетное сальдо	1,4	2,0	0,6	–5,4	–2,8	–1,5
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	9,1	8,0	6,7	7,5	8,5	7,5
Страны — экспортеры нефти и газа КЦА						
Реальный ВВП (годовой рост)	7,1	3,8	3,4	–1,8	4,1	3,9
<i>В том числе рост без учета нефти¹</i>	7,4	3,1	3,6	–2,1	4,0	4,1
Сальдо счета текущих операций	1,1	1,3	–1,7	–3,4	–0,3	–0,9
Общее бюджетное сальдо	2,0	2,5	0,9	–5,3	–2,5	–1,3
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	9,5	8,9	7,1	7,8	8,4	7,8
Страны — импортеры нефти и газа КЦА						
Реальный ВВП (годовой рост)	6,0	5,1	6,1	–4,7	5,7	5,2
Сальдо счета текущих операций	–8,6	–7,5	–6,7	–4,0	–5,5	–5,6
Общее бюджетное сальдо	–2,4	–1,4	–1,3	–6,2	–4,7	–3,2
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	6,5	2,6	3,8	5,2	9,1	6,2

Источники: официальные органы стран; расчеты и прогнозы персонала МВФ.

¹Агрегированные показатели по Азербайджану, Казахстану и Туркменистану. По Узбекистану отсутствуют данные о ВВП без учета нефти.

Страны — экспортеры нефти и газа КЦА: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

Страны — импортеры нефти и газа КЦА: Армения, Грузия, Кыргызская Республика и Таджикистан.

Регион БВЦА: отдельные экономические показатели, 2000–2022 годы

(В процентах ВВП, если не указано иное)

	Среднее 2000–17	2018	2019	2020	Прогнозы	
					2021	2022
БВЦА^{1,2}						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,7	2,2	1,5	-2,8	4,1	4,1
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	5,5	3,0	2,9	-2,6	3,7	3,7
Сальдо счета текущих операций	6,3	2,7	0,5	-2,4	1,7	1,5
Общее бюджетное сальдо	1,4	-2,0	-3,2	-8,0	-4,5	-3,8
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	7,2	8,8	6,7	10,0	11,9	8,6
ЭН БВЦА						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,9	0,9	0,4	-4,1	4,5	4,0
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	6,0	2,3	2,8	-3,6	3,9	3,4
Сальдо счета текущих операций	9,5	6,0	2,8	-1,9	3,6	3,5
Общее бюджетное сальдо	3,7	-0,5	-2,0	-8,3	-3,8	-3,1
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	6,7	7,6	5,4	8,0	10,5	8,0
Страны с формирующимся рынком и страны со средними доходами БВЦА¹						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,3	4,6	3,3	-0,6	3,6	4,2
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	4,5	4,7	3,4	-0,5	3,6	4,3
Сальдо счета текущих операций	-3,2	-6,8	-5,8	-3,4	-3,5	-3,9
Общее бюджетное сальдо	-6,0	-6,9	-7,3	-7,6	-7,2	-6,5
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	7,4	7,8	6,6	8,0	8,2	7,7
Развивающиеся страны с низкими доходами БВЦА²						
Реальный ВВП (годовой рост)	4,5	2,1	3,0	-1,5	3,4	4,4
<i>В том числе рост без учета нефти</i>	2,6	-0,6	0,2	-5,0	0,6	3,3
Сальдо счета текущих операций	1,7	-5,4	-5,6	-5,0	-7,4	-7,4
Общее бюджетное сальдо	-2,2	-2,1	-3,1	-3,5	-3,3	-2,9
Инфляция (среднегодовая, в процентах)	12,9	24,9	19,5	39,1	49,2	19,7

Источники: официальные органы стран; расчеты и прогнозы персонала МВФ.

¹Данные за 2011–2022 год не включают Сирийскую Арабскую Республику.

²Данные за 2021–2022 год не включают Афганистан.

Примечания. Данные по следующим странам относятся к бюджетному году: Афганистан (21 марта/20 марта) до 2011 года и 21 декабря/20 декабря после 2011 года, Иран (21 марта/20 марта), а также Египет и Пакистан (июль/июнь).

32 страны и территории БВЦА разделены на три (непересекающиеся) группы по источникам доходов и уровню развития: 1) страны — экспортеры нефти (ЭН БВЦА), 2) страны с формирующимся рынком и страны со средними доходами (СФРСД БВЦА) и 3) развивающиеся страны с низкими доходами (СНД БВЦА).

ЭН БВЦА включают Азербайджан, Алжир, Бахрейн, Ирак, Иран, Казахстан, Катар, Кувейт, Ливию, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовскую Аравию и Туркменистан.

СФРСД БВЦА включают Армению, Грузию, Египет, Западный берег и сектор Газа, Иорданию, Ливан, Марокко, Пакистан, Сирийскую Арабскую Республику и Тунис.

СНД БВЦА включают Афганистан, Джибути, Йемен, Кыргызскую Республику, Мавританию, Сомали, Судан, Таджикистан и Узбекистан.